

Виктория Чуйкова

Закономерность круга

Роман

Виктория Чуйкова

Закономерность круга. Роман

«Издательские решения»

Чуйкова В.

Закономерность круга. Роман / В. Чуйкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906455-4

Лере семнадцать лет. Первая любовь, взаимная. Как тут не пережить зависть подруг? Будучи избалованной, Лера не замечает перемены в доме, не вникает в открывающиеся тайны семьи. Она заикливается на своей родословной, выискивает проблемы на пустом месте и позволяет себе капризничать, не замечая, что обижает всех, любимого в том числе. В итоге — попадает в капкан врагов семьи.

ISBN 978-5-44-906455-4

© Чуйкова В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая Лера	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	73
Глава 14	82
Глава 15	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Закономерность круга

Роман

Виктория Чуйкова

© Виктория Чуйкова, 2018

ISBN 978-5-4490-6455-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спокойная, размеренная жизнь: дом, работа, дом; нравится многим, но не женской половине семейства Гаев. Имея, по своей натуре пылливый ум, любознательную голову и непоседливый нрав, они не могли отдаваться скучному быту и, даже не замечая как, постоянно находили невероятные приключения, в которые, невольно, втягивали своих мужчин.

Однако, эта книга, в большей степени, о юной девушке Валерии, приемной дочери многочисленного семейства, из небольшого, необычного рода бессмертных.

А что же Гаи? Они никуда не денутся, потому, что Гаи – основа ее жизни. И жизнь сама, хоть и имеет всего три составляющие: Рождение, Созревание, Смерть, причем Созревание, величина не постоянная и подвластна круговой закономерности. Весна, лето, осень, зима. Восходы – закаты. Одно следует за другим.

Отсюда и Гаи, как не крути, звено в жизни Леры.

Часть первая Лера

«Холод ноябрьского вечера пронизывал насквозь. Все, что он помнил – это глаза наполненные влагой и тихий шепот: «Прости! Это не мой выбор. Этого требуют они!»

Тоненькие, замершие пальчики коснулись ладони, оставляя в ней скомканную записку. И она исчезла. Навсегда....

Так казалось ему тогда. Скрип двери, очередной шквал ветра, как пощечина, хлестнул по лицу. Он стоял долго, ничего не ожидая, но еще надеясь. Стоял, пока в окнах не погасли огни. А затем брел, не разглядывая дороги и не разжимая кулаки. Уткнулся в перила моста, постоял и перелез через них. Вода была такой же колючей, как весь мир, с которым он решил проститься. Холод, бездушие и мрак...»

Глава 1

Лера, совсем юная и хрупкая девушка, прожив всего лишь шестнадцатую осень, но уже набрав в копилку жизни немало событий, разнообразных, по сути, и содержанию.

За эти годы она успела осиротеть и приобрести новую, любящую семью. Пережить предательство и зависть подруг. Однако сегодня она об этом не вспоминала. Все минуло и забылось. Более того, сейчас она была угнетена любовью, как ей казалось – не разделенной. А что еще может быть трагичней в шестнадцать лет? Она ходила по дому, машинально выполняя свою работу, и вздыхала, вздыхала.... Ничего не радовало, ничего не развлекало.

А ведь совсем еще недавно, она пела и плясала, стремилась покорить мир. Ну, если не полонить, то хоть взять его в свои руки и вертеть, как хочется ей.

Учебный год, не успев начаться, оборвался по воле завистливой «подруги». И теперь, когда позади больница и трудный процесс восстановления, она умудрилась влюбиться и забыть обо всем кроме...

Все больше отдаваясь вздохам, она забиралась в домашнюю мастерскую младшего отца Дэниэля и его жены Ев и писала свои картины.

– По-взрослому! – Дэн неоднократно поглядывал на ее творения, но похвалить решился только сейчас. – Мне нравится! Зови всех, это надо показать.

– Тебе действительно понравилось? – девушка подняла свои тоненькие бровки, широко открывая серые глаза. – А мне показалось, что сыро и совсем по-детски.

– Ждешь от меня повторной похвалы? Не жди, а приглашай всех. – Дэн поставил холст на подрамник и присел на подоконник. Широкие окна мастерской ярко освещали немалую площадь и его тень, пересекла стоптанный и заляпанный краской паркет, словно указатель, легла на дверь. – Есть разговор! – серьезно завил молодой, светловолосый мужчина, всем своим видом походя на старшего брата, но ни как не на отца. – А завтра выставим твои работы в галерее, думаю, их быстро купят.

– Продавать жалко – это же мысли! – щеки Леры залил румянец и Дэн усмехнулся: «Н-да! Еще год назад она, как мальчишка, носилась по дому, совала свой носик во все дела, не стеснялась высказывать мнение, а тут на тебе, зарумянилась. Взрослеет девочка!» Хлопнул в ладоши, поднялся и стал в тень, напротив треноги, почесывая затылок, изучал все детали, говоря:

– Я тоже не продавал работы, до недавнего времени. Копил их и копил, складывал, где только можно. Пока один друг, не будем поминать его имени, не позаимствовал втихую, и не продал с аукциона.

– Я помню. – кивнула Лера и Дэн косо глянул на нее. Вздохнул, отгоняя очередной поток мысли и продолжил:

– Вот Ев и подтолкнула меня на то, что с людьми надо делиться и еще оставаться в прибыли.

– Вы правы, конечно же, только это мои... не знаю, как сказать? Осмысления, что ли.

– Ну, раз так, значит, подождем, когда в них души будет меньше, а штампа больше.

Вот так просто поговорив, уже через неделю Лера летела в Италию. В маленькую, частную школу искусств. Описать все ее впечатления – просто не возможно. Другая страна, совершенно другие краски. Да еще одна, без родителей, лишь только в сопровождении Игоря. И пусть их разговоры были ни о чем. Пускай он не произнес ни разу, что любит ее. Но дышалось-то по-другому!

– Это честь для нас, принимать в наших стенах внучку Дэниэля! Как он, еще держится? – спросил седовласый мужчина, директор этого заведения, прочитав письмо, переданное им Игорем.

– Вполне. Он просил на словах, оказать небольшую услугу. – сказал Игорь и замолчал, ожидая ответа. Несмотря на то, что он легко владел языком, ему требовалось время понять, о чем говорят и как правильно сложить фразу.

– Я слушаю. – кивнул директор и очередной раз указал на стул. Игорь присел:

– Не могли бы Вы, поселить Леру одну. Девочка пережила психологический стресс, долго болела. Семье хотелось, чтобы она могла больше быть одна.

– Конечно, что за вопрос?! Ну, а вы, голубчик, как я понимаю, хотите получить гостевую комнату, будете присматривать за ней?

– Увы! Обстоятельства требуют возвратиться. Но, на сутки я задержусь, дам ей возможность привыкнуть к местности, хоть немного.

– Это хорошо. – кивал мужчина. – Ваша протеже владеет языком?

– Совсем немного. Правда, английским и французским – в совершенстве.

– Значит, определим ее в английскую группу. Завтра к девяти подходите.

Игорь откланялся и, получив ключи, пошел селить Леру в ее новое жилье.

Лера стояла посредине комнаты и смотрела на свои сумки.

– Ты чего это вешаешь нос, не прибавив крючок?

– Брось эти шутки! Игорь! – повернулась к нему и замолчала.

– Ну, что не так? Боишься остаться одна? Так я буду у тебя по первому звонку и даже раньше. Только нажми кнопочку!

– Да не боюсь. Не первый раз. Мне страшновато от другого. Вдруг я никому не понравлюсь? Или мои рисунки покажутся всем не достаточными. – ее слова ввели его в умиление и обняв ее крепко, Игорь усадил на колени:

– Зяблик мой! Ты приехала сюда не нравится. Хочешь, чтобы я ревновал?! И не смог выполнить поручение?! Или добиваешься, чтобы отцы твои лишили меня отпуска, который я планирую через ближайшее время, в ожидании провести его с тобой, в самом романтичном городе?

– Романтичный город – Париж! Здесь другая аура.

– Стоп, не продолжаем, а то я не уеду. Ну, а насчет работ, я скажу так – ты приехала учиться и найти свое Имя. Дерзай и не отвлекайся на мелочи! – поцеловав ее в щеку, он усадил на довольно низкий подоконник и поднес сумки к шкафу. – Разложишь сама и потом! Сейчас мы осмотрим окрестности.

Проходя по двору, она сразу поняла разницу в сравнении со школами, привычными для нее; здесь все сидели кучками, вольготно, прямо на газонах. Никто ни обращал на нее внимание, не изучал ее пристально, не шептался. Осмотрев все, что можно было на территории школы, Игорь повел ее за пределы. Вернулись достаточно поздно, но и не сразу разошлись, все болтали, болтали.

– Завтра дождусь тебя с первых занятий и вечером улечу. – уже у двери, проговорил он. – Только ты мне пообещай прямо сейчас, что скучать не будешь!

– За тобой..., буду!

– Лер! Ты учишься здесь ровно столько, сколько захочешь. Поняла? Мне бы хотелось, чтобы ты нашла в учебе вкус и удовольствие.

– Попробую. Давай, уходи, а то я просплю свой первый день.

– Не проспай. Я явлюсь к тебе с зарею! – продекламировал парень, подняв одну руку вверх.

– Это тебя так местный климат раззадорил?! Ты мне раньше такого не говорил.

– Ты мне многого раньше не говорила и не говоришь сейчас. – лукаво произнес он и прищурился.

– Интересно, что я тебе не сказала? – схватилась она за возможность оттянуть его уход.

– Самого важного!

– Игорь!

– Я уже, знаешь, сколько лет Игорь! Пообещай, что не влюбишься в первого красавчика класса.

– Обещаю! Разве я могу.

– Можешь. Ты такая молоденькая. В твоём возрасте все мимолетно. А еще – самая красивая! Вот увидишь, за тебя тут не одна дуэль произойдет.

– Ну, хватит уже меня уговаривать. Я и так полна любопытства!

– Тогда держи и я ушел. – поднял небольшой пакет, давно стоявший у двери и всунул ей в руки.

– Что это?

– Кола, булочки и разные местные сладости. Вдруг ночью захочется.

– Я же не ем по ночам!

– Правда? И давно? Насколько мне не изменяет память, то ты всегда вечерами забирала у меня шоколад.

– Вспомнил! Я тогда ребенком была. – они замолчали, постояли довольно долго обнявшись и он ушел.

Сегодня Лера засыпала спокойно. Именно сегодня ей показалось, что жизнь прекрасна и она любима. Как же человеку надобно мало для счастья! Нежный поцелуй, тепло рук и вера – что тебя любят!

Кровать стояла отдаленно от окна, лишь уголок неба попадал ее взору. Она заснула, глядя в синеву уголка и проснувшись, встретила с тем же уголком, но уже ярко голубым от нового дня. Встрепенулась, как зяблик, и встретила перемены, напевая любимую песенку. День пронесся в знакомствах со всеми и насыщенно, эмоционально, содержательно. Пришел момент расставания. Игорь простился с ней в ее комнате, перетащив кровать ближе к окну, но так, чтобы свет не попадал ей в глаза, помахал с улицы и исчез, забирая с собой прошлое. На минуту задумалась, окунулась в душу, пробуждая грусть, но звонок мобильного ворвался так неожиданно, что Лера чуть не уронила его.

«Зяблик! – услышала она голос любимого. – Я пока еще тут, а моя спина уже покрывается холодом от твоих дум. Ты обещала не скучать».

– Не успела. – легла и прикрыла глаза, слушая не только голос, но и любимое дыхание.

«Вот и не надо. Я помолчу лишь перелет, а дальше, ты можешь сродниться с наушником. Только одним, чтобы не терять мир из внимания. И я буду говорить: как скучаю по тебе. Буду рассказывать, что сделал и чего не смог, потому, что валилось все из рук. Ты услышишь, как ругается Эд и отчитывает Вел. А еще ты узнаешь тайну голоса Жана. Виен промолчит. Ев увидит наши прогулки и поймет, как же мы с тобой целомудренны. И только Дэн позавидует тебе, потому что самое яркое в юности, связано у него с городком, в котором ты сейчас. Зяблик! Ты не уснула?»

– Нет! Я боюсь дышать, чтобы не пропустить твоих слов. Но скажи, почему ты никогда не говорил со мной так..., раньше?

«Потому, что ты была рядом. От того, что слов не надо было. Нужны были глаза, чтобы все то, что я говорю – видеть».

– Видеть.... А ты видел, то о чем я молчу?

«Очень часто. – его тон изменился. – Я почти приехал. Шоколадка в правом ящике стола. Я люблю тебя, зяблик!»

Голос смолк, но последние слова повторялись эхом в ее голове. И только когда и они совсем затихли, Лера спустилась с кровати, открыла ящик и засмеялась, увидев его содержимое. Достала одну, взяла с собой бутылочку воды и улеглась. Кусала шоколад, смотрела на небо и воспроизводила в мыслях все услышанное, снова и снова.

Глава 2

Тихий, долгий и такой душещипательный плач встревожил и разбудил Дэна. Он подхватился, побежал в детскую. От сердца отлегло – Агния улыбалась во сне. Выходя из комнаты, заметил Галину.

– Тук, тук! – дважды постучав в дверь, зашел, не спрашивая, и присел рядом. – Женщины в нашем доме не плачут. Что за ливень? – ночь была лунная, свет включать не пришлось, чтобы разглядеть горе на лице девушки.

– Простите! Я не хотела никого будить.

– Вас что, девочки обидели?

– Да, что Вы! Они такие замечательные! Это же золото, а не дети! Простите! – опять всхлипнула. – Мне себя стало жалко.

– Так! Спать, как я понимаю, Вы не собираетесь, я сейчас! – Дэн выскочил и вернулся с чашкой горячего молока и чашкой чая, для себя. – Пейте и рассказывайте.

– Нечего мне рассказывать. Глупость, она и есть глупость. Сама, своими руками, жизнь перечеркнула. – Галина, няня его дочери. Молодая женщина, довольно милая и кроткая, появилась в доме Гаев недавно, совершенно случайно и прижилась в семье как родная. Не прошло и года, как она потеряла собственную квартиру, работу учительницы в школе, где учились двойняшки Славки, дочери Эдгара и Валери. Они-то и привезли ее в дом.

– Молоко с медом, надо выпить – это лучшее средство, во всех случаях. – произнес Дэн. – А на счет жизни, я так скажу... Любая черта препятствий, означает итог определенного момента. Обдумывать его – это хорошо. Суммировать, то есть. И, как в любой бухгалтерии, начать новый календарный год. А еще можно взять и вспомнить все хорошее. Уверен, оно было и много.

– Наверное. – пожала плечами Галина, сделала глоток.

– Нет, не «наверное», а точно! Галина, подумайте, сколько раз вы просыпались и радовались птицам за окном, солнышку, лучиком ласкающего вас на рассвете. Цветущему саду и аромату. Ну почему люди помнят только печали и так легко расстаются с маленькими отрадами души? Забирайтесь в постель, выспитесь, как следует. Завтра у Вас выходной! Устройте себе позднее пробуждение, а днем поболтаем. Захотите, возьмете машину и прогуляетесь по магазинам. А сейчас в кровать!

– Спасибо. Простите, что разбудила. И спокойной ночи.

– Спокойной, няня Галя. – улыбнулся Дэн и испарился. Лишь на миг задумался, не взять ли на кухне чего перекусить, но поленился, пошел к себе.

Тихо прикрыл за собой дверь, лег и услышал:

– И где ты был?

– Показалось Ния плакала. Спи, ночь еще.

– Я не слышала.

– Сказал же – показалось. Отчего же ты такая холодная. – обнял жену, прижавшись к ее спине и взял ладошки в руки.

– Так мне же молоко с медом никто в постель не приносит. – хоть и сонно пробурчала, но попала в точку.

– Вредина! Зачем спросила?

– Хотела услышать правду. Но... Спокойной ночи.

– Ев! Подожди спать-то! Ты что, хотела, чтобы я сделал вид, что ничего не слышал?

– Сделал и сделал. Я спать хочу.

– А поцеловать?

– За что? И потом, не я тут по ночам разгуливаю.

– Милая! Не заводи себя на пустом месте.

– Я не машина! На пустом месте.... Хотела бы я посмотреть на тебя, услышь ты мой голос из спальни Игоря, или кого-то еще, среди ночи! «Птички, сады, огороды!» Давай, спи, философ! – Ев уткнулась носом в его плечо, закрывая глаза, специально, несколько раз провела ресницами. Дэн улыбнулся и ответил ей поцелуем. Однако заснуть не смог, лежал и думал над словами жены.

Глина взяла выходной впервые за несколько месяцев. Рано утром спустилась в гостевую комнату, прихватив из кухни чайник и немного еды. Улеглась в постель, закрыла глаза, раздумывая над своей жизнью.

Шорох одежд приближался и становился четче. Она затаила дыхание и прислушалась. Легкие женские ножки подходили к ее двери, шелестя подолом атласной, или шелковой юбки.

– Что это мне в голову взбрело! Пробуждается день, кто будет меня беспокоить, если дали выходной? Это ветерок колышет тяжелые шторы. – однако шорох повторился и уже у нее в комнате. Съежилась, подтянула одеяло к подбородку. Подуло холодом. Звякнула чашка. Галина прислушалась, боясь повернуться. Тишина. Девушка начала расслабляться, как скрип половицы, а за ним легкий ветерок тронул ее волосы. Зажмурилась, втягивая голову в плечи. Опять тишина. Но вот кто-то, твердой поступью, прошел мимо двери.

«Михаил! – услышала она голос Жана и задышала. – Займись бассейном. Дельфинята хотят поплескаться. – Будет сделано!»

Время от времени кто-то пробежал мимо двери, наверху резвились дети, хлопали двери, смеялись женщины...

– Почудилось! – прошептала Галина и, закрыв глаза, спряталась с головой. Мыслей больше не было, ни хороших, ни плохих. Некий вакуум усталости. Ресницы слипались, и она практически уснула, когда в дверь постучали:

– Галина! – позвала ее тихо Ев. – Мы можем поговорить?

– Да, да! Одну минуту. – поднялась, накинула халат и босиком пробежала к двери.

– Разрешите? – застыла в проходе Ев.

– Зачем спрашиваете, это же Ваш дом.

– Но ваша комната. У меня предложение – давайте перейдем на «ты»!

– Мне как-то неловко.

– Зато будет удобней. – Ев присела на стул, а Галина оглянулась, высматривая свои тапки. Бросила на нее извиняющийся взгляд и застелила кровать. Немного замешкалась и, укутавшись в теплую кофту, присела напротив. Ев все это время молчаливо наблюдала за ней. – Ты ночью плакала. Поговорить не хочешь?

– Я не хотела вас будить. Как-то накатило.

– Галя! Поверь, все будет хорошо! Крыша над головой есть. Питание у нас приличное. Жалование можешь не тратить понапрасну. А там гляди и начнет жизнь налаживаться. Ты очень нравишься детям. Да, понимаю, можешь задуматься: они вырастут, что тогда. Отвечу, если тебе здесь нравится, то всегда можно найти, чем заняться, помимо детей.

– Нравится. И не думала я еще так глубоко. А можно вопрос не по теме?

– Задавай!

– В доме есть привидения?

– Привидения?! Не встречала. – Ев засмеялась. – Прости, это я сама себе. Подумала, как можно встретить привидение?! Знаешь, даже не думала об этом, столько лет здесь живем, не всегда в полном составе. А почему спрашиваешь?

– Почудилось, что женщина ходит по комнате.

– Привидение.... – повторила Ев немного на распев. – Вампиров видела, обратной тоже, а приведения – нет!

– Шутишь.

– Естественно! Зато ты улыбнулась. Бросай хандрить. А то еще и Кикиморы Болотные покажутся, от твоей тоски зеленой. Приоденься, съезди в город. Зайди в кафе, в магазин. Шопинг! Конечно же. Устрой себе глобальную перемену внешности. Главное не кисни. А вообще, дом-то о-го-го, какой старый... Сквозняки. А если еще услышишь – отправляй к Вел, она любительница всего такого. А обедать приходи, даже если выходной. Всей этой чепухой настроение не поднять. – и, скорчив милую мордашку, закрыла за собой дверь. Поднимаясь к себе по центральной лестнице, ей показалось, что ее догоняют. Обернулась, думая, что Галина последовала ее совету, но никого не было. Лишь легкий холодок пронесся мимо. – Привидение! Это же надо... Я так восприняла сказанное, что и самой чудится.

Легкий вздох унесся к сводам верхних этажей и Ев, мотнув головой, побежала дальше.

Еще пару часов она не оставляла мысли о сказанном няней и опять ей казалось, что кто-то должен открыть дверь, но за этим ничего не следовало. Находиться одной надоело, решила поиграть с детьми, уже было открыла дверь игровой, как резко побежала к матери.

– Мам! Я по делу! – влетела и, усевшись в большое каминное кресло и поджала ноги к себе, как делала всегда, без присутствия мужчин.

– Так вы всегда по делу, даже если просто так.

– Послушай. – не обращая внимания на слова матери, говорила Ев: – Ты ничего не слышишь в доме постороннего?

– Ты это о чем? – повернула к ней голову Виен, склонив немного набок. Виен – мать Ев и Велери. Худенькая, невысокого роста женщина, по виду лет сорока, хотя уже давно перешагнула свое шестидесятилетие, обладала уникальным даром – слышать мысли и не только. Она слышала все, что не ловило ухо человеческое, даже параллельные звуки, пересекающиеся в определенных местах.

– Лишних каких-нибудь звуков.... Ну, чужих в доме нет? Послушай, а. А то с Вел могут быть проблемы.

– Ты спрашиваешь, не слышу ли я вздохов и шуршания юбок?

– Точно!

– Значит так и есть. Я-то думала это не у нас. Знаешь, ко мне же иногда долетают отдаленные шумы. Это началось, приблизительно, через неделю, как нашли вход в старый лабиринт. Так, приличное время слышалось. Потом..., когда мужчины обмыли погребок «У Алекса». И сегодня все возобновилось. Значит, я не схожу с ума. А то уже задумалась об этом.

– Галина тоже слышала, но я отшутилась.

– И что нам с этим делать? – брови взлетели, и Виен посмотрела на дочь, параллельно думая о муже, как ему преподнести эту новость.

– Думать – кто, что и зачем к нам пожаловал.

– А Вел надо предупредить. Иначе истерики не избежать.

– Мне за детей боязно. – кивнула Ев на слова матери, прекрасно зная, как Вел с детства боится подобного, но по мимо сестры, в доме есть дети, а это важнее.

– Не форсируй. Это бывает крайне редко, почти раз в месяц.

– Мама! Они же дети! Представь, что может с ними быть. Забыла, как Вел не спала ночами.

– Да помню я все! Пойдем в каминную, поговорим. Позови Вел и Жаннетт. Хорошо, что она все еще с нами. Да, зови их, так будет лучше.

– А мужчин?

– Какой с них толк? – махнула Виен, поднявшись и закрыв за дочерью дверь. Она знала наверняка, любой из трех их мужей, пока не увидит собственными глазами, не столкнется нос к носу, не поверит, даже если постоянно за спиной будут в трубы трубить.

Не прошло и пяти минут, как женщины сидели в голубой гостиной первого этажа их трехэтажного имения, где в одной из гостевых комнат жила Жаннетт, пили малиновую настойку, под треск дров в камине.

– Слет женской половины! – появилась Жаннетт, как всегда весела и прекрасна. – Что замышляем?

– Замышлять пока нечего, а вот нам с Ев есть что вам сказать ... – Виен сделала паузу. – Вел, только ты отнесись к этому спокойно и не накручивай себя.

– Уже начала. С такой-то прелюдией! – скривилась Вел в понятной только ей гримасе. – И что стряслось?

– Мы с Ев слышали в доме некие звуки, похожие на шаги, шелест юбок и вздохи. А сегодня это услышала и Галина.

– Вы приколоться решили надо мной, или? – уставилась на мать Вел и изучив ее лицо, перевела взгляд на сестру.

– Увы, дорогая. Примерно раз в месяц, по дому, стуча каблучками, шурша юбками и вздыхая, кто-то ходит. Я не могу объяснить – дух это, привидение, призрак. Не видела. Поэтому и решили вас предупредить. Мы должны все осмыслить. – пояснила Ви, а Вел прищурила глаза и молчала. Поэтому Виен обратилась к Жаннетт. – Скажи, дорогая, ты этот дом с детства знаешь, не слышала ли историй?

– Нет! Ничего подобного я не знаю. – Жаннетт уже пробежалась по своей памяти.

– Милая! – включилась в разговор Ев. – Но ведь ты же видишь то, что не видят другие. Неужели не заметила ничего?

– Говорю же, что нет! Мое видение абстрактно. Только с помощью определенного ритуала. – ответила Жаннетт. – Вам лучше поговорить с мужчинами. Ник, например, живет здесь, пусть и меньше меня, но редко выезжая. Я же птичка залетная. – она мило всем улыбнулась. – А вообще, сегодня, какое число? – нечто промелькнуло в ее памяти и Жаннетт задумалась, перелистывая в памяти даты. – Нет, ничего не припоминаю.

– Значит, придется говорить с мужьями. – заговорила Вел и поежилась.

– Только ты не бойся. – шутя, приказала ей Ев.

– Сказать не могу, что ничего не боюсь. Постараюсь. Представляю реакцию Эда! Опять будет смеяться.

– Над чем это? – не поняла Жане.

– Скажет: «Спокойствие нам только снится!»

– На этот раз мы вообще тут невинны. – Виен поднялась, походила по комнате, подбросила дров в камин. – Я сама поговорю сначала с Жаном. Утром. Мне надо подумать. Девочки, бояться нечего!

«Глаза и мрак, чередовались, кружились, словно в калейдоскопе. Наконец Николай стал различать немного света. И опять глаза – заботливые, полные любви, но не его любимой, робкие, а властные, уверенные и пронизывающие насквозь. Внутри все горело, тело не чувствовал, в ушах только шум. Опять провалился в темень. А звуки, как в трубе ветер, загудели, закрутили и исчезли.

– Смерть. Ад или Рай? – думал он: – Если Ад, то Ангел полный любви. Если Рай, то, что мне ждать за этой властностью? Небытие... Без любви мне нечего делать в жизни...»

Глава 3

Первая любовь. В каком бы возрасте она не открылась человеку – останется первой и самой памятной, до последнего дня. Первая любовь – это первый росток, пробуждающий жизнь. Не почка, и не бутон, а именно росток, на котором распухнет лист, созреет почка и взорвется бутон.

Лера сидела на кровати в своей комнате и перечитывала СМС по энному кругу. Звонка не было второй день – Игорь в поручениях Жана. В книге лежало его фото, которое она сделала очень давно и случайно, пробуя подаренный ей фотоаппарат. В телефоне были еще снимки, но обычное фото было как-то ближе, и именно им она дорожила.

«Мой маленький, напуганный Зяблик! Не вешай нос, я скоро буду рядом. Милая моя девочка! Как твоя учеба? Покорила всех парней или только италяшек? Я уже ревную! Нет, это не то определение моего состояния. Я сгораю от того, что ты можешь меня забыть. Милый, крохотный, обворожительный Зяблик! Как же я скучаю. Жан меня уволит. Я думаю ни о чем не могу, как только о тебе. Люблю! Люблю! Готов сто раз тебе повторять. Нет! Я готов кричать на весь свет об этом!»...

Неделя учебы в чужой стране, среди совершенно чужих, но таких забавных и полных любви людей. Тут повсюду была любовь – в парках, в школьном сквере, в общежитии и даже на занятиях, парочки держались за руки. Это не было так броско, как она видела среди своих подруг. Это было так мило, что она смотрела на них и смущалась, отводила глаза и думала: «Когда же у меня будет такая любовь»?! Еще совсем недавно ей так нравилось уезжать в незнакомое место, знакомиться с людьми, заводить новых друзей. Сегодня же она чувствовала себя наказанной.

Неделя вдали от дома – сначала она грустила, затем искала причину изгнания и поселяла зерно обиды. Не найдя причины, перестала общаться с родными, отписываясь занятостью. Блюмкнул мобильный, лицо Игоря улыбалось: «Зяблик! Будь Солнышком. Ответь мамам, они извелись от твоего молчания. А то они примчатся вместо меня. Скучаю очень, очень. Календарь весь красный, так что скоро приеду. Твой И.»

И сразу зазвонил мобильный, Эд настойчиво повторял вызов.

– Привет! – нажала она кнопку.

«Наконец-то! Лера! Что ты вытворяешь?! Ну не хочешь там находиться, так позвони и скажи, мы сразу тебя заберем назад. – выпалив все это, продолжил голосом полным тепла и заботы. – Ну, как ты там, сокровище? За что дуешься?»

– И вовсе я не дуюсь. Просто нет настроения.

«Как это нет настроения? Ты жива? Значит, есть! А вообще интересно, в какой стороне болтается твое настроение? Неужели не нашла друзей?»

– Эд!

«Что, Эд? Я сотню лет Эд!»

– Брось говорить такое.

«Тогда и ты говори по делу. Ладно, собирай вещи, я вылетаю. Подумаешь, клеевое образование! Мы прекрасно все понимаем. Нет так нет, будешь бухгалтером. Прощаемся, я иду собирать сумку. В конце – концов, мы в детстве тебя дома не видели, будем навестывать. Так что давай, собирай вещи».

– Прекрати давить на мое самолюбие. Я остаюсь на месяц. – уже улыбалась Лера.

«Уверена?»

– Сказала же!

«Тогда смотри – это твое желание. Ах! Забыл, чего звонил. Мы послали тебе посылочку, в какие часы ты бываешь свободна?»

– С двенадцати до четырнадцати и после семнадцати. Вторник и четверг у меня только вечерние занятия.

«Понял. Целую тебя, Лерчик. Не нагнетай себя пустяками».

– Больше не буду. Привет всем. Целую. Мне надо бежать, а вернусь, позвоню мамам.

Девять утра, она вошла в класс, как всегда, с опущенной головой, скромно улыбаясь на приветствия, прошла к своему месту. Бросила сумку и вздрогнула от неожиданности

– Добрый всем день! – учитель акварели, влетев за ней, громко крикнул, чтобы его все слышали. – Жду добрых работ. Задание перед вами! – и сразу вышел. Лера сделала пару набросков, отложила, решив найти, хотя бы визуально, тех с кем ей хотелось бы познакомиться. Но через время поняла, пусть делают первый шаг сами, уж все до одного были одинаково интересны. А дальше ее поглотила работа и она не заметила, как пролетело время.

– Не плохо! Это очень даже не плохо! – услышала она за спиной голос руководителя, он покачал головой, подтверждая свои слова, и предложил, выпроваживая с класса: – Закончите завтра.

Лера взяла вещи, улыбнулась вместо слов прощания и впервые за все время пребывания в школе, решила прогуляться в парке.

– Привет! – подбежали к ней две девушки. – Ты Валери?!

– Просто Лера.

– А я Моника, это Жез. Ты из России?

– Из Украины.

– У края чего? – не поняли девочки.

– Не важно. Славянка я.

– Я местная, из Милана, а Жез французенка.

– Полностью меня зовут Жезефина, но имя меня немного раздражает.

– Понятно, значит Жез.

– Ты здесь уже вторую неделю. – Лера кивнула. – Друзей не нашла... Давай, присоединяйся к нам, приходи вечером в наш корпус, будет вечеринка.

– Не зная. Подумаю.

– Ждем в семь. Пока. – Девушки побежали дальше, а Лера надев наушники, уселась на скамью и принялась читать увесистый справочник по искусству. – Сходить не сходить? – Крутилась у нее в голове не давая думать о серьезных вещах. – А что со мной будет, если схожу? Ничего! Нет, правда, я что монашка? Обед дала? Не понравится – уйду! – Забежала домой, переделась и села у окна, положив телефон перед собой. Игорь не звонил. А под окнами жизнь оживала. Молодежь веселилась и развлекалась.

– Смотрите! Наша Русская монашка пришла! – крикнул парень открывший дверь. – Что сохло?

– Медведь. – ответила она ему и прошла вглубь, в поиске знакомых лиц.

– Мы тут! – помахала ей Моника. – Давай к нам, Вал.

– Вал? Почему так?

– Нам так проще. А то пока выговоришь: Ва-ле-ри, язык устанет.

– Говорите Лера, мне так привычней. Вал – почти так мою маму зовут, не хотелось бы.

– Вы с ней в контрах?

– Совсем даже, наоборот.

– Пиво будешь, или покрепче?

– Спасибо, нет. А содовая есть?

– Содовая? Ну, ты и спросила. Тебе сколько лет то?

- Шестнадцать, а что?
- Тогда все понятно, ты у нас еще ребенок. Куришь?
- Нет!
- Почему?
- Не хочу.
- Ты такая странная. У вас все такие?
- Какие? Странные?
- Порядочные!
- Я отщепенка.

– Значит, подождемся! – обняла ее Моника. – Ты не бойся, здесь все без напряжения. Только по желанию.

- Я поняла.

В комнате было сильно накурено, шумно и многолюдно. Лера походила немного среди толпы и незаметно удалилась.

– Вот эти Гаи! Такие заразительные. Привили мне порядочность. – думала она. – И ладно! – медленно погуляла по пустому пришкольному парку, держась светлых аллей. Дошла до дерева под ее окном и, взобравшись на него, достала мобильный:

- Ма! Привет!...

Прошла еще неделя. Она уже знала – кто есть кто и откуда. Однако вечеринки усердно избегала.

Урок письма с натуры все встретили свистом и только она стояла растерявшись, широко открыв свои голубые глаза, моргая не накрашенными ресницами.

– Это не экзамен! – обратился к ней руководитель. – Я лишь хочу посмотреть, на что Вы способны. В модель не влюбляться. Барышни, к вам обращаюсь!

– А почему сразу барышни?! – возразила Лера неожиданно громко, так как преподаватель смотрел на нее. И отвернулась к мольберту, а тот продолжал:

- И парни тоже. Что увидели, как увидели – передали на бумагу.

Он закончил, опустил голову к своим бумагам, в двери появился молодой мужчина, сел на постамент в центре и сбросил с плеч простынь, не спеша, оголил ноги и замер. Его тело было невообразимо идеально! Ровный загар, выющиеся волосы, лицо Лера видела в пол оборота, что облегчило ее жизнь. Если бы он смотрел так на нее, как на тех девчонок, вряд ли она нарисовала хоть что-то. А по залу шел шепот. Девчонки восхищались, парни зафыркали.

Лера погрузилась в работу, время от времени поглядывая на мужчину. В один из таких моментов, она заметила, что он косится в ее сторону, а в следующий раз парень ей подмигнул. Что в ней разыгралось, она даже не поняла, но вместо лица изобразила ему мультяшную мордочку.

- Валерия! Я жду только вашу работу.
- Так все готово! – положила пастель, как преподаватель сам подошел к ней.
- Тело идеально... – кашлянул он и замолчал, подперев подбородок рукой.
- Простите, я не поняла, это вы о модели или моей работе?
- О работе, конечно же. Но помимо торса, мне бы хотелось увидеть и лицо, а не форму.
- Простите, но эта форма... – Лера говорила нарочито громко, чтобы тот, кто так искусно успевал позировать и соблазнять, услышал. – Эта форма передает все внутреннее содержание!
- Вы в этом уверены? – улыбался руководитель.
- Я передала суть!
- В таком случае, мы продолжим занятия завтра.
- Значит, на сегодня я свободна.
- Суть уловили. До завтра.

Снова от Игоря не было вестей уже несколько дней. А значит и настроение ее на нуле. Она шла по проходу между корпусами, понурив голову и перепрыгивая темные пятна от колон.

– Так значит, форма не передает содержания? – Приятный баритон обрушился сверху и волной потянул ее подбородок к сводам арочного прохода.

– Что? – не сразу сообразила она, услышав русскую речь. – Ты русский? – она уже догадалась, кто возвышается над ней, хотя лица и не было видно, солнце ей светило в лицо, окружая его ореолом света, да и тело было в одежде.

– А ты и есть та Лера Гай?! – насмешливо спросил парень, игнорируя ее вопрос.

– Да. И что? – восприняла в штыки его усмешливый тон.

– Так, ничего. Уточнил. – замолчал, присел, наклонившись к ней и глазел на нее большими карими глазами. Девушка даже засомневалась, он ли только что красовался перед публикой голышом. – Так что скажешь, Лера Гай?

– Что надо отвечать на вопросы! – буркнула она и отвернулась.

– О! Ты об этом.... Нет, я не русский. Я итальянец! – произнес и опять замолчал, но на этот раз он опустил к ней лицо еще ближе, изучая.

– Русскоязычного итальянца не учили представляться девушкам, нет? Зато меня учили не разговаривать с незнакомцами! – сразу же пошла дальше, гордо подняв голову.

– Марчело Мастрояни! – крикнул он ей в след.

– Ага! Не думала, что выгляжу глупой. – не поворачиваясь ответила ему.

– Совсем наоборот! Ты выглядишь обворожительно! Только русский не передаст тех оттенков твоей притягательности. Eccellente! Incantevole!* – воскликнул он на родном языке и тут же перешел на русский: – Как бутон белой розы, на подходе. Пленительной блондиночкой!

– Не много ли комплиментов, блондинке?!

– О русские! Вы до сих пор болеете этой простотой. Зря! Такие светленькие, самые чарующие!

– На фоне местных? Пока! – махнула она рукой, не оборачиваясь. А он поднялся на ноги и шел за ней поверху, задерживаясь ненадолго, обходя колонны:

– Я понял! ... Ты хочешь моей смерти!

– Я тут, совершенно, не причем. Это все твое бахвальство!

– Тебе не нравятся натурщики, или парни вообще? – Лера отмолчалась. – Я серьезно спрашиваю. Столько здесь и ни с кем... Да постой ты! – упорно бежал по парапету. – Я не могу так быстро!

– Спустись на землю, Мастрояни! – она вздрогнула, когда он неожиданно возник перед ней:

– Ты приглашаешь в гости?

– А ты не с Земли? – вопрос на вопрос показался ей как-то смешно, но уступать не хотела: – Я всего лишь предложила нормальный способ передвижения. – проскользнула в двери и побежала вниз по ступенькам. Он снова вырос перед ней, открыл дверь и улыбнулся, поправив свой выбившийся локон, черный как смоль:

– Права, земля надежней!

Лера не скрывала удивления, она же его оставила наверху, между ними два пролета. Он не бежал... как смог догнать? Забраться на карниз, а потом спрыгнуть? Не реально. Но факт!

– И я о том же. – проговорила, сдерживая эмоции и рвущиеся вопросы.

– Не хочешь приглашать, подари хоть телефончик!

– Скажи где магазин, схожу, куплю и подарю! – закрыла дверь перед его носом, пробежала по узкому и короткому коридору, кривясь от раздавшегося смеха, отворила дверь своей комнатки и бросила рюкзак через всю комнату к столу. Этот «плейбой» начал ее раздражать, а тут еще и звонков нет, от единственного парня с кем бы ей так хотелось сейчас поговорить!

– Гай неповторимы! – услышала за окном. – А ты мне нравишься, девочка!

Она посмотрела в окно, он уже удалялся, по тропинкам парка, не забывая выкидывать различные кренделя под фонарями.

– Клоун! – упала на кровать, уставившись в потолок, размышляя: – Идти не идти..., к девчонкам.

Прошло часа два, она было уже собралась, завязала волосы в узел, как в дверь постучали. Не подумав даже узнать кто, распахнула. Коридор был пуст.

– Что за шутки! – и только закрывая дверь, увидела маленькую коробочку с приколотой к ней белой розой, только-только раскрывшегося бутона. – Позер! – отколола цветок, поставила в стакан, сразу догадавшись, чьих это рук дело. В коробке лежал довольно дорогой телефон. «Нажми upo и я у твоих ног. Пауло Лотто.» прилагалась к нему записочка. Положив телефон в коробку, бросила ее в сумку.

– Лотто! Ты уж определись, кто ты на самом деле. Тоже мне, возрожденец Италии.

В этот вечер он больше не появлялся, ни у ее двери, ни на вечеринке, на которой она опять отметилась. Ложась спать, дала звонок Игорю, но сразу же сбросила. Написала короткое СМС: « Как жаль, что ты занят. Ты так мне нужен. Как живешь-то?»

Сна не было, как не старалась его найти. Покрутившись немного, поднялась и попыталась придвинуть кровать к окну еще ближе. Тут же в дверь постучали:

– Лерка! – голос Жез был весел, хотя девушка и старалась сделать его сердитым. – Ты что творишь?

– Кровать к окну тащу.

– Зачем? Тут ночи лунные, будет мешать.

– Мне нравится смотреть на звезды, засыпая.

– Давай помогу. Только если ты обернешься милой волчихой, помни мою доброту.

– Жез, прекрати эти сказки! – Шутя и смеясь, они быстро справились, и Жез уселась в кресло:

– А ничего получилось. Я сама подумаю о том же. Удобно.

– Что удобно? – не поняла Лера.

– Проснулась, а они все у твоих ног!

– Вы все такие? – усмехнулась Лера.

– Какие такие?

– Влюбленные!

– А сама? – Жез склонилась, уложив голову на согнутые в локтях руки и пристально смотрела на Леру.

– Блиц турнир окончен! – засмушалась та. – Мороженное будешь?

– Фруктовое?!

– Точно!

Разделив ведрышко пополам, подала подруге большую чашку.

– Мерси! – поблагодарила Жез. – Странная ты. – Лера вопросительно смотрела на подругу, замерев с ложкой у рта. – Не куришь, не пьешь. Вечеринки избегаешь, парней отшиваешь.

– Парней?

– Ты что, не заметила? Вокруг нас есть такие. И они тебя хотят.

– А я нет!

– У тебя есть мужчина! – догадалась девушка и подпрыгнула от любопытства.

– Не сказала бы, что да, но и отрицать не буду.

– Ты просто глупый ребенок! Кто тебя воспитывал?

– Родители. – Лерка уже расслабилась, уселась, скрестив ноги, как делала младшая мама Ев и беря мороженное ложечкой, совсем немного, на кончике, делилась: – У меня их шесть! Жез, я ребенок, но не глупый. Просто я такая, какая есть.

– Шесть?! Это как?

- Потом, как-нибудь.
 - Жез подошла к полке, взяла маленький сундучок с фото, оказалось, что это альбом:
 - Это кто? – пролистнула она несколько.
 - Сестры. – пояснила Лера видя как та рассматривает Славок и Агнию.
 - Лапочки. А это?
 - Это и есть мои родители.
 - Клевые. Особенно парни. Хотя, если тебе шестнадцать, то они давно не парни. Возраст моей мечты!
 - Перестань, пожалуйста. Они женаты на моих мамочках, это я напоминаю, на всякий случай.
 - Интересно увидеть их живьем. Тут- то они совсем молодые.
 - Практически не отличаются от оригинала. Они ведут особый образ жизни, значительно отличающийся от остальных. Это дает им возможность так выглядеть.
 - Вампиры! – воскликнула Жез, и утвердительно махнуло рукой с ложкой.
 - Что за чушь! Жез, хоть ты не поддавайся веяниям моды. Нет, конечно, нормальные люди. Просто ухаживают за собой. Поздно уже, давай в другой раз.
 - Ничего не поздно, я еще не всех рассмотрела. А кто эта последняя парочка?
 - Это... – начала Лера.
 - Только не говори, что это grand-m; re et grand-p; re.** Не поверю!
 - Но это так и есть. Это моя Виен, а это Жан. Мои бабушка и дед. Слушай, а ведь он француз!
 - Я догадалась! – смеялась Жезл. – Девичья у тебя память. Мы-то с тобой как говорим?
 - Прости, запуталась. Столько языков – все смешалось.
 - Так, скажи хоть два слова, иначе я не усну!
 - Я им не родная. Они меня удочерили. Мои родители погибли.
 - Прости. – лицо девушки стало серьезным и сочувствие, неподдельное, появилось в ее глазах.
 - Ничего. Это давно было, я своих и не помню. Только ты не говори никому. Мне повезло с семьей, не хочу, чтобы жалели, или пальцем тыкали.
 - Проехали! А где же фото парня?
 - Ты из-за этого весь сыр-бор затеяла?! Нет у меня парня.
 - Есть, ты сама сказала.
 - Не говорила я этого. – И как спасительный круг, зазвонил мобильный. Фото на экране улыбалось.
 - Поняла, это он! Я ушла, но завтра ты мне все расскажешь...
 - Привет! – Лера засветилась от счастья, провожая глазами подругу.
 - «Мой лучик не спит?»
 - Еще нет.
 - «Грустишь?»
 - Уже нет!
 - «Этот ответ меня пугает! Ты так быстро меня забыла?!» – он смеялся, Лера улыбалась
- в ответ:
- Иванушка!
 - «И за что мне все это?!... Чем занималась?»
 - Приходила Жез, ели мороженное, болтали о том, о сем.
 - «Жез?»
 - Ага. Девочка с моего класса, Жезефина, французенка. А сейчас болтаю с тобой и смотрю на звезды.
 - «Я тоже. Влез на крышу авто, чтобы тебе позвонить и поеду дальше».

- Ты не дома...
- «Увы! Вторые сутки в дороге. Хочешь, прилечу на денек, на следующей неделе?»
- Хочу, но не надо. Лучше через неделю, но на три.
- «Понятно, не хочешь. Сейчас сяду за руль и задумаюсь!»
- О чем?
- «О конкурентах!»
- Я учусь! А ты Иван Иванович.
- «И почему это?»
- Сказки читать надо. Игорь!
- «Ага! У вас там небось, натурщики есть»...
- Вот давай о чем-нибудь другом!
- «Прости, мне трудно соревноваться с молоденькими, особенно на расстоянии».
- С глупенькими – легко! А у тебя с этим все нормально.
- «Комплимент! Как же это приятно! Тогда потерплю недельку. Зяблик мой, маленький.

Я поеду?»

- Только сначала пообещай мне звонить, хоть ночью. Я очень жду звонка.

«Обещаю, моя маленькая, милая девочка! Мой солнечный лучик».

- Ты уж определись, кто я тебе.

«Все! Я очень тебя люблю! И я такой счастливый, что могу тебе это говорить. Спокойной ночи! Я позвоню».

– Спокойной! Я тоже. – Лера держала онемевший телефон у уха, даже не задумываясь, дослушал он ее или нет. В голове эхом звучало: «Я тебя люблю, люблю, люблю...» Его голос! Такой родной, такой теплый, такой убаюкивающий. Так и уснула, с телефоном в руке, под щекой.

Дребезжание звонка ворвалось в ее сон и пронизывал сознание своей настойчивостью.

Положив подушку на голову, попыталась отстраниться, но он не умолкал. Рукой нащупала и давила все кнопки, но звонок продолжался.

– Что за фокусы! – проснулась совсем и потеряла вчерашнее счастье и умиротворение. Стрелки часов показывали, что еще минут сорок могла спокойно спать. – И у кого же так громко орет будильник?! Изверги! Да заткните его, пожалуйста! – затихло. Легла и прикрыла глаза. Звонок повторился. И тут до нее дошло, что это из сумки!

– Да! – в таком коротком слове прозвучало столько злости и ненависти. Однако на том конце этого не поняли, или не хотели слышать.

«Доброе утро! Это Пауло...»

– И что?! На часы смотрел? Призрак возрождения! Я сплю! – в сердцах отключилась, убрала громкость звонка, бросила все на стол и запрыгнула в кровать. – Идиот! Даун! Качек! – Выказав все это, успокоилась и повернулась к окну. Под подушкой дрогнул телефон, приняв СМСку. На экране светилось сердечко, пронизанное лучиками солнца. «С добрым утром, Солнышко! Всегда твой И.»

Улыбка озарила лицо, глаза засияли, а жизнь показалась прекрасной!

Лера не посещала общий курс обучения. В ее списке были только изучение языка и живопись. До начала пары осталось достаточно времени и она не спеша подходила к учебному корпусу.

- Здравствуйте, сама строгая барышня Земли. – Пауло возник неоткуда.

– А, это опять ты! – ее реакция на него была настолько меланхоличной, что парень сделал шаг назад, она же тем временем достала коробочку из сумки. – Держи!

- Что это?

– Будильник! Противный и ненужный в моей жизни. – всучив в руки, открыла входную дверь.

– Девушка! С вами можно познакомиться?

– Неужели у тебя и с памятью плохо?

– С памятью у меня все отлично, просто хочу начать все сначала.

– Пауло, тебе не надоело быть лишним?

– На этом свете трудно быть лишним, природа ведет строгий отбор.

– Спасибо за лекцию, я пойду?

– Можно проводить?

– Я дорогу знаю!

– Так как, Валерия Гай? – парень взял ее за руку и, сделав грациозный разворот, перегородил вход в корпус.

– Вот, знакомиться не надо. Еще немного и ты поймешь, что и у других есть желания. А мое, на данный момент, пройти в корпус и не опоздать на лекцию. Прощай, Пауло!

– Так не честно, мы знакомы наполовину.

– Ах, да! Вторая половина не важна. И потом, Лото, для художника 16го века, 1480 тире 1557гг., ты хорошо сохранился. Но не обольщайся. Твои работы меня не восхищают, как и все остальное, в тебе лично. – она, высвободив руку, гордо пошла к классу.

– Ну, это уже что-то! – крикнул он ей вдогонку и, присвистывая, ушел.

Лера влетела в класс, немного взъерошенная, увидела подруг и, как ей не хотелось обособиться, подошла. Жез сидела на окне, наблюдая за всем, в том числе и приходом Леры, вот же, вероятней всего, слышала весь разговор.

– Наш недотрога положил на тебя глаз! – на удивление тихо проговорила Жез.

– Недотрога?! Ты меня удивляешь! – Лера еще больше взвинтилась. – Какой же тогда, по-твоему, Соблазнитель?

– Соблазнитель! Лера, ты о чем это? – подключилась Моника. – Он вскружил голову почти всей школе. За ним тут «ахи – вздохи» у каждой второй! И представь, он ни с кем, даже по городу не прошелся! А за вечеринки и не вспоминаю – он просто не ходит!

– Значит я первая, кому он совершенно не интересен. Я, кроме Нарцизма, в нем ничего не увидела. Девочки, хватит меня сватать. – развернула мольберт и занялась «бумагомарательством», не обращая никакого внимания на тех кто наполнял класс.

– Cute ragazze e ragazzi!*** Милые барышни и юноши! – руководитель, привлек ее внимание, говоря и хлопая в ладоши одновременно. – Сегодня мы продолжаем изучать натуру. Трое из вашего курса уже в моей группе, есть еще пять мест и за них стоит побороться. Валери! Займите место в центре, вы сегодня отдыхаете и наслаждаетесь, глядя на мучения остальных. Прощу!

– Я?! Почему я? – испугалась Лера и залилась румянцем.

– Мне так хочется! Per favore, presto, presto!**** Не забираем драгоценные минуты у товарищей!

– И что, мне просто так сидеть?

– Это не так просто, как кажется! А еще, желательно не шевелиться.

Она вздохнула, присела и уставилась на окно, приняв наиболее удобную позу. Учитель немного поправил ей волосы, открывая лицо:

– Интересно. Глядя на себя со стороны, что бы ты сказала о формах и содержании? – отойдя к ее станку, занялся тем же, чем и ученики.

Лера попыталась абстрагироваться ото всех, мысленно улетаая домой, к родным и любимому, но сидеть в одной позе было не для нее. Все, постепенно начинало болеть и она, волей – неволей шевелилась, а мысли потекли лавиной: «И правильно, что они меня сослали! Я возвращу себя себе. Эти уроки именно то, что я хотела. Может, появятся друзья. Настоящие,

не то, что прежние. В конце – концов, мне нет и семнадцати! Еще все успею! Игорь же должен меня любить за что-то, а не просто потому, что я маленькая девочка. А за что я его люблю? И что значит любить за что-то? Тут бы понять, люблю вообще, или так, влюбленность мимолетная? Это ж надо как все связалось. У меня есть время подумать над многим. И так: первое – разобраться в себе. Второе – понять наши с ним отношения. Скорее всего, я его люблю, но насколько же он мудрый, давая мне время понять это. Нет, я уверена в его любви ко мне. Я теперь только вспоминаю, все его ухаживания, внимание и заботу все годы, что его знаю. Странно! Но он мне казался настолько взрослым! Как же все загадочно в этом мире... Может, ему-то и было как мне тогда и разница у нас чуть больше десяти лет. Это нормально! Зачем моложе? Что у них есть, у сверстников? Да, Игорь клевый! И родители у меня самые правильные! Вот я уже и почувствовала разницу с этим Жигалой. Хотя и к Пауло я, наверное, предвзято отнеслась. Он же итальянец, у них другие нравы. Буду сдержанней. Да! Буду терпимей и к нему, и к людям». – Отпустив немного мысли, попыталась осмотреться, разглядеть класс, в котором столько времени занимается, а еще ни разу не рассматривала его. Окна были просто огромные, от самого потолка, до пола. В одно из окон билась бабочка, и Лера засмотрелась на нее. Такая большая, с узорчатыми белыми крыльями.

– Спасибо всем! Увидимся после выходных! – слова учителя обрадовали Валерию, она с трудом опустила руки и взмахнула кистями, а затем и головой, прогоняя тысячу иголок, вонзившихся в ее конечностях. – Работа натурщика не легка. – учитель подошел и помог подняться.

– Понимаю! И то, что это не для меня.

– Жаль, что вы так думаете. Тем более что не каждый может себя так подать! А что вы скажите вот об этом? – он повернул к ней лист ватмана.

– Неужели это я?!

– Вы, Вы! Не сомневайтесь. Я смог передать содержимое вашей прекрасной формы?

– Маэстро! – воскликнула Лера, краснея. Мужчина слегка наклонил голову, поцеловал ей руку и удалился. Внизу портрета, на итальянском, было написано пару строк и его подпись, жалея, что не знает языка в совершенстве, девушка прижала портрет к себе и собралась догнать подруг, чтобы те помогли прочесть. Вернулась к своему месту за рюкзаком и обомлела. На ее мольберте стоял лист, прикрытый тонким шарфом. Осторожно потянула за уголок и увидела себя, в той позе, что только что провела неопределенное количество минут, но вместо брюк и футболки ее прикрывало покрывало, повторяя все формы. Лера долго изучала портрет. Он не был столь высококлассным как тот, что ей подарил учитель, но тоже отличный. Заметила в уголку маленький бутончик розы, из которой шли две литеры ПЛ.

– Недотрога, блин! – все же, рисунок свернула и убрала в сумку.

*Eccellente! Incantevole! (итал) – Отлично! Прекрасный!

**grand-m; re et grand-p; re. (франц) – бабушка и дедешка.

***Cute ragazze e ragazzi! (итал.) – Милые барышни и юноши!

****Per favore, presto, presto! (итал.) – Пожалуйста, скорей, скорей!

Глава 4

Валери, для семьи просто Вел, мама Леры, внешне никак не проявляла тревогу на редкие звонки приемной дочери. Нет, она, конечно же, волновалась, но у нее есть замечательный муж, Эдгар, который прекрасно, сам решает многие проблемы, в частности все, что касается старшей дочери. В данный момент, Вел посвящала себя младшим детям, которым была нужней.

Сегодня с утра, она забрала детей у няни, уселась на скамейке возле фонтана, во внутреннем дворике имения, наблюдая за ними, ожидая сестру. Зимы в этом году практически не было, а март, просто радовал солнечными днями и теплом. Солнце играло в окнах дома и те не оставались в долгу, отбрасывали на землю тысячи солнечных зайчиков. Один из них заиграл на ее лице. Вел прикрыла глаза рукой и попыталась найти источник отблеска, это было окно, под самой крышей. Часть дома, куда даже у мужчин еще не дошли ноги, не говоря уже о руках. Подниматься по крутым, шатким, кованым лестницам, женщин ни привлекло ни разу. Да и что там могло привлечь, на чердаке? Разве что скопление паутины.

Вел посмотрела на детей, глянула не идет ли сестра и заметила, боковым зрением, тени в том самом окне, откуда только что падал назойливый луч. Отвернулась на зов дочери, но любопытство вернуло ее к окну. На нее смотрело совершенно бледное, изможденное лицо. Моргнула, в тот же миг все исчезло.

– Интересно, кто из прислуги туда забрался и зачем? – прищурила Вел глаза, присматриваясь. – Нет, правда интересно, что и кто там забыл? – не отводя глаз, нащупала телефон. – Ев! Ну, ты где запропастилась?

«Неужели без меня никак?»

– Совершенно точно заметила. Слушай, а ты не знаешь, кто может снова у нас на чердаке? Во, как я его обозвала!

«Не знаю, а что?»

– Да видела я, как за мной наблюдают из окна, но не успела рассмотреть.

«Ник идет в мою сторону, хочешь, узнаю?»

– Спроси. – поговорив, Вел потеряла всякий интерес к этой теме. Взяла книгу и, поглядывая на детей, пыталась почитать. Девочки так шумно резвились, что она, поневоле, обращала на них свое внимание чаще обычного. Наклоняла голову к книге, поднимала на их заразительный смех и опять возвращалась к странице. В конце концов, поняла, что толку от этого никакого и захлопнула книгу. Глаз опять уловил тени на окне. Стала присматриваться.

– Все рассматриваешь? – шепот сестры на ухо так испугал Вел, что та подскочив на скамье, чуть не выбила ей челюсть. – Осторожней, так и убить можно!

– А ты не пугай меня. Вот что за привычка, что у тебя, что у Дэна, подойти сзади и орать в ухо?!

– Я не орала, а прошептала, ласково так, тихо-тихо!

– Да?! А у меня чуть барабанка не лопнула!

– Может перепонка?

– И она тоже.

– Все, моя хорошая, успокойся, это я, сестра твоя! Так что ты там высматриваешь? – Ев уселась рядом, закрыла глаза рукой и, приоткрыв рот, стала глазеть на окна, медленно переходя от одного к другому.

– Я не только там, а еще и здесь... – бурчала ей в ответ Вел, – высматриваю. Видишь, как разбушевались. – кивнула на детей, пригрозила им пальцем, от чего доставила еще больше веселья и вернула внимание дому: – А наверху опять кто-то ходит.

– Ник уже поднялся. – махнула Ев, так ничего и не заметив, и повернулась к детям. – Пшено! Кто из вас послушный, стройся! Поедем к лошадам.

Ник не откладывая просьбу, пошел наверх. Пройдя жилые этажи, повернул в совсем узкий проход, с такой же лестницей. На чердаке действительно кто-то был. Николай слышал легкие шаги и тихое, но такое приятное пение. Слов он не понимал, но голос лился чисто и звучно. Вбежал и остановился у запертой двери, удивленно смотря на нее. Навесной, старый, значительно ржавый замок висел не тронутым. Потер лоб и улыбнулся. Поднял руку к верху двери и взял ключ. Дверь с таким скрипом открылась, что он понял – если бы туда кто зашел, домочадцы бы все знали, ну, по меньшей мере, он-то уж точно.

Огромная комната была захлавлена настолько, что Николая, проходя мимо предметов, вытягивался, стараясь не собрать паутину. Присутствие же человека не чувствовалось ни как. Он пробрался немного вперед, следуя к окну, и тут уловил тонкий аромат духов. настолько не знакомый, что он сначала даже не обратил на это внимание. Помахал девушкам из окна, но они его, кажется, не заметили. Проверил рамы и замки, развернулся уходить. Тонкая вуаль, прикрывающая узкое, невысокое зеркало в крутящейся раме, колыхалось. Он даже не задумался над этим, просто снял ее, сложив, положил в корзину, где были разные вещички. Десяток мотыльков взметнулись вверх, закружила над ним. И опять ему почудился поющий женский голосок, но удаляясь вслед мотылькам.

– Послышалось! Ни как иначе... – не придав значение чистоте зеркала, открыл ящик комода, стоявшего рядом, перебрал женские украшения, дивясь разнообразию и предполагая, что это все натуральные камни. Вспомнил о Сороках, оглянулся, взял ту самую вуаль, переложил все в нее. У самой двери стояли сундуки, один из них был открыт. Атласные, расшитые бисером, золотой ниткой и пайетками платья, были аккуратно развешаны на крышке, поверх них лежали шарфы, вуали и шали, со вкусом подобраны к нарядам.

– Не помню, что бы Ольга такое носила... Хотя... возможно и ее вещи, сшитые до замужества. Сохранились-то как. Вот девочки натешатся! – слабый женский вздох раздался за его спиной. Он даже вздрогнул от неожиданности и развернулся. Опять мотыльки метнулись от него в сторону. Поежился от свежести их многочисленных крыльев. – Сквозняки! Надо сделать тут хорошую уборку и заменить окна. – Вышел, запер дверь и положил ключ на место.

«Тонкие, прохладные пальцы гладили его по скулам. И опять во мрак его снов ворвались глаза Ангела. Они так умоляюще смотрели на него и манили к свету, что он поддался и потянулся к ним. Он собирал себя по частичкам, склеивал по швам и заштопывал. Он вытаскивал из руин все, что мог достать: боль, тоску и жалость к себе. И это были ужасе чувства, за коими потянулось желание жить. Первым пришло зрение. Он стал различать день и ночь. Лицо, которому принадлежали эти глаза. Как же оно было красиво и правильно. Такого лица не могло быть у человека! Черные, длинные ресницы обрамляли светло-карие глаза в лепестки незабудок вокруг зрачка. Живые брови, то сужались, то отдалялись друг от друга, когда она задумывалась или находила решение. Нос – как он был хорош. А эти алые губы! Да, нет, они были не алые – они были подобны спелой вишне. «Как же она хороша!» – думал он и прикрывал глаза, опускаясь в сою боль и утрату. Забываясь в бездумье... И снова врывались в его забытые глаза Ангела. Цепляли за разорванную душу, сшивали ее, разворачивали его сознание и толкали к свету. Прошло время, помимо глаз и ужасе знакомого лица, он различил ее плечи, запряжанные под строгими одеждками. Он начал восторгаться ее стану, тонкой талии, тому, как она плавно и бесшумно двигается. Она была прекрасна! Только в ней не было той, кого он так смертельно любил...»

Он опять затащил себя в пустоту, надеясь, что на ее дне он сможет обнаружить островок, где притаилась его юношеская любовь. Погружался, не барахтаясь, не сопротивляясь притяжению. И пустота его принимала, обволакивала... Как приняла бы что угодно другое. Ниже и ниже, глубже опускался он, забывая дышать. Пока тонкие пальцы, слегка прохладные, такие утонченные, но неожиданно сильные не хватали его за плечи, вытаскивая назад...»

Николай ходил по комнате, опустив голову и смотря на носки собственных туфель. Такие давние воспоминания нахлынули на него и он, словно это было вчера. Защемила душа, в памяти четко образовался образ той юной девушки, любовь к которой он нес, сквозь все испытания, до этих дней. Да! Первая любовь не забывается в любом завершении. Он вдруг подумал, что наверху пахло вовсе не духами, а прошлым. Возможно, это его юность именно так пахнет. Две женщины были в его жизни – одна недосягаемая, но теплая и памятная. Вторая – реальная, многоцветная, разнообразная, властная и сдержанно холодная. Ольга – женщина, которую он любил, уважал, преклонялся и немного боялся. С которой прожил всю, неизмеримо долгую, жизнь. И Анна – кротость, самоотверженность и непознанная страсть... Ах, если бы можно было соединить лед и пламя – то это была бы она, его Мечта! Ольга сдержанна, но он-то знает, что до сих пор его ревнует к прошлому. Тому самому прошлому, которого он так стыдился, но так хотел бы вернуть!

Ольга! Только она могла так просто исчезнуть из его жизни, не подавать о себе никаких знаков и, в один момент, взяв трубочку телефона, потребовать явиться, указав время и место. Он же собрался и поехал, как ездил всегда, как будет делать это и потом, по первому зову. Он ее любит, он не может забыть, что она для него сделала. Он просто не может быть не благодарным! Анна – ее он помнит, ее он...

Спустившись с чердака, Николай поставил находку в гостиной своих покоев, прошел в спальню, посмотрел на портрет жены, изображенный рукой внука. Достал небольшой альбом и просмотрел совсем немногочисленные фотографии. Жена крайне не любила фотографироваться. Ему казалось, что она и жизнь не любит. Просто принимает ее как имеющийся факт. Затем вытащил маленькую, потертую тетрадку, подаренную ему Виен в день их знакомства, припал к ней губами, в который раз поблагодарил Судьбу за соединение его с родственниками Анны, открыл и положил рядом с альбомом жены.

– Ну, почему все в жизни так?! Господи, прости, что сетую! Только хочу понять. Анна – жизнелюбка и такая короткая жизнь. Она так обожала людей, таких наследников после себя оставила... Ольга хорошая, но холодная. Нет, она тоже достойна твоей милости. Но как понять сам отбор? В чем заключается превосходство?! Господи, прости меня не благодарного. Я верен жене и буду оставаться верным до конца, точно так же, как верен тебе, не только душой, но и телом. А мысли, что мысли – они как те мотыльки, вспорхнули, помахали крыльями и испарились! Прости жена, я твой до кончика волос. Только она моя отдушина! – прилег, начал перечитывать, в сотый раз, а может и больше, дневник Анны, девушки, первая любовь к которой поселилась в его сердце. Совсем недавно, этот дневник ему даровала Виен, обнаружив неслучайную закономерность круга, в непростых отношениях двух семей. И тут его осенило:

– Господи! Спасибо! Твои подсказки доходчивы. Ну, конечно же, она живет в них, она в Ев и Агнии. Я их обожаю! И они вернули мне вкус к жизни, как когда-то это сделала Оленька, которой я буду предан. Я человек и у меня всегда будут недопонимания, вопросы и неудовлетворенность. Не ведаю, почему так, но поделать ничего с этим не могу. Девочки! Мои милые девочки...

Он встал, вернулся к окну и не нашел их. Опять повеяло тем самым ароматом, пробежался ветерок по его плечам и короткий вздох задел его слух. Ник прикрыл глаза, от ударившего в них луча солнца, а когда открыл – мотыльки ударились в стекло и полетели прочь. – Наваждение! Бабочка памяти. Да, нет! Пробуждение весны! Весна навеивает вздохи, воспоминания, пробуждение чувств. А где это мои девчонки? – он открыл окно, не найдя их, вздохнул полной грудью и закрыл. Пошел искать их дальше. Совершенно забыв, что есть, чудо техники, с которой молодежь не расстается, сотовый телефон. Припевая старую песенку: «Любовь нечаянно нагрянет...»

Глава 5

Вот уже несколько дней, как Лера не пересекается с Пауло, и ей это было по душе. Он очень хорош собой, как некий чертик из шкапулки. Не высок, как мужчины из ее семьи, но обладал прекрасными пропорциями тела, упругими мышцами, легкой поступью и невообразимой ловкостью. Искрящиеся веселостью глаза, не пропадающая улыбка, приподнятый подбородок, уверенный взгляд. Прекрасно поставленный голос, совершенное знание ее родного языка, а для нее это было очень важно, в этих краях. А тот крохотный акцент, придавал даже пикантности. Милые, вечно вставляемые им фразочки на итальянском, просто украшали речь и откладывались в ее светлой головке, неназойливо обучая. Идеальный костюм, выхоленные руки, не смотря на то, что он практикующий художник. У нее, да и всех подруг, и то, под маникюром микрочастички краски, а у него – нет. Твердый шаг, гордо поднятая голова... Сейчас она понимала, что он не был блудлив. Он смотрел изучающее, да, но скорее как художник, оценивающий чужое творение.

Да, что перечислять – он был хорош! Вот только Лера радовалась, не встречая его. И где-то, в самой глубине души, второе ее «Я» кричало: «Стоп!» и горела красная лампочка. К чему внутренний голос сигнализировал, она даже не задумывалась. Его не было и его отсутствие радовало.

Она забросила его подарок на полку, вовсе не потому, что он был плох, нет, он был даже очень хорош. Просто не хотела и малейшего напоминания. Зато портрет Николло, учителя, определила на самое почетное место и, время от времени, любовалась.

– Открыто! – крикнула на стук в дверь.

– Валери, зайдите, пожалуйста, к директору.

– К директору школы? – подняла она брови, не понимая, что могло вызвать его интерес к ней.

– Совершенно правильно. Дорогу знаете? – Лера насупила брови, вспоминая, была ли она там, как ей напомнили: – Через проход, направо и вверх. Пройдешь большой холл, а там не заблудишься. Третий этаж.

– Спасибо! Сейчас иду. – взяла сумку, сбросила СМС, которую писала родителям, всунула в ухо наушник и побежала.

Поднявшись на третий этаж, попала в огромный холл, увешанный портретами. Широко открыв глаза, она шла, разглядывая лица. – Ничего себе! А этот тут, каким боком?! – увидела она портрет Пауло, улыбающегося и счастливого. Подошла ближе, на табличке прочла лишь дату – 1820 – 1960 г-г. Остальное прочитать не смогла, скрипнули двери и ее уже подгоняли.

– Добрый день! – вошла, поздоровалась и замерла.

– Добрый! – мужчина, сидевший за массивным столом, поднялся. – Наконец Вы пришли ко мне. Присаживайтесь. И как Вам у нас?

– Хорошо! Я так рада, что приехала к вам учиться.

– Рад слышать. Учителя тебя хвалят... – и у них потекла приятная беседа. Временами Лера переспрашивала, упустив суть, но по глазам было видно, что ей приятно говорить с этим человеком. – Твой стиль письма мне очень напоминает Денни.

– Это лестно. Только он в последние годы пишет, исключительно портреты. – ответила Лера, подумав что речь идет о Дэне.

– Портреты? – мужчина очень удивился. – Хотел бы посмотреть, не видел ни одного. Ну, а язык, освоила?

– Не дается.

– Как?! Валери, ты же в совершенстве владеешь двумя.

– Время. Немецкий, разговорный. А этот... Понимать начала, остальное не дается.

– Тебе нужна практика! – замолчал, что-то соображая, но переключился на другую тему: – Вопросы есть?

– Да! – обрадовалась. – В холле портреты...

– Это все, кто обосновал нашу школу. А кто тебя заинтересовал?

– Тут такое дело... Я познакомилась, с неким Пауло.

– Понятно. Это его дед. Пауло довольно талантливый парень. Часто живет в России. Тебе было бы не плохо с ним пообщаться. Практика, так сказать, в освоении языка. У него, как и у тебя, свободное посещение. Как бы образование есть, но дань семейной традиции. – Лера взглянула на часы, у нее начинался урок. Решилась перебить:

– Простите, я могу идти? Занятия. Мы же все обговорили?

– Счастливо. – проводил ее к двери. – Забегайте в любое время.

К сожалению, ее провели другим ходом, и рассмотреть остальные портреты, а главное, глянуть, есть ли тут Дэн, она не смогла.

– Все еще дичишься? – Пауло, как всегда, возник ниоткуда.

– Я не дикая. Послушай, Пауло! Неужели, если девушка не хочет общаться, то это ненормально? Посмотри вокруг, тысячи красавиц. И каждая хочет твоего общения. Иди к ним, а?

– Давай мириться. – протянул он руку, словно не слышал ее слов.

– Что ты за человек?! Мы же не ссорились. – посмотрела в его лукавые глаза и пошла по дорожке.

– Неужели Дэн меня так ненавидит? – Лера остановилась, как будто перед ней выросла стена, развернулась.

– Дэн? А причем здесь Дэн?

– Ой! Только не говори, что он ничего не говорил. Можно подумать, ты сторонись меня без его участия.

– Фома! И что он мне должен был сказать?

– Ну, мало ли... – он как-то не по-доброму прищурил глаза, смотря в сторону. – Да брось притворяться. Не поверю, что ты обо мне ни разу не слышала.

– Но я, правда, о тебе ничего не слышала! Да и приехать сюда я вообще решила за сутки.

– Здорово! Давай дружить? Давай! Сама подумай, как хорошо иметь родного человека в чужих краях. И поговорить можно, на родном... Лера! Не сопротивляйся себе. Ведь хочешь же.

– Если ты пообещаешь меня не доставать.

– Да я ближе, чем на вытянутую руку и не подойду!

– Пауло! Только дружба.

– Само собой! Но мороженное, или чашку шоколада, в компании со мной, ведь можно?

В знак дружбы.

– Можно. Я пойду, у меня сегодня занятия.

Он сделал шаг назад, пропуская к двери, и как только за ней закрылась дверь, Пауло крикнул:

– А как же мороженное?

– Господи! – Лера вернулась. – Я уже начинаю жалеть. Заходи!

– Un minuto! – Пауло растворился, не успела она пожать плечами, как услышала его шаги. Оглянулась, в его руках было несколько ведрышек, различного мороженого. – Я пока не в курсе твоих пристрастий.

– У меня нет, пока, пристрастий. А у тебя что, подпольная лавка за углом?

– Почему лавка? – Пауло замер на пороге, осматривая комнату.

– Заходи уже.

– Пригласила, как слона. Я ничего крушить не собираюсь! – поставив поклажу на стол, он подошел к полке. – Совсем не меняются. А ты чья? Дэнни или Эдгара?

- Обоих.
- Как это? – он не глянул на нее, стоял и смотрел на фото, поэтому Лера не заметила блеск в его глазах.
- Не важно. – отмахнулась она. – Ты давно их знаешь?
- Достаточно. А это, их жены?
- Да!
- Красотки! – сказал просто, а прозвучало не очень, но Лера списала на итальянский темперамент, но попросила:
 - Пауло! Имей уважение к моим родителям.
 - Я что, я ничего. Просто, везет же некоторым! И чего я не приехал на свадьбу, может, отбил бы хоть одну. А это кто с Жаном?
 - Виен. Его жена. Пауло, я, конечно, понимаю, что земля круглая, но откуда ты так хорошо знаком с нашей семьей? Я о тебе никогда не слышала.
 - Давняя история. – наконец оставив фото, он прошелся еще раз по комнате и присел на угол стола.
 - Кажется, догадываюсь... – Лера не знала, как себя с ним вести, от этого все время стояла посреди комнаты. – Основание школы...
 - И это тоже. Ты – Эда! Похожа, на его жену.
 - Ни капли! Вот они похожи. Славки. – подола фото сестренок, которое он не смотрел. – А это, дочь Дэна – Агния. А я общая.
 - Понимаю. – как-то загадочно произнес он, снова прищурил глаз. Смотрел долго, что-то свое обдумывая. Лера прервала затянувшуюся паузу:
 - Да ничегошеньки ты не понимаешь! Брось выдумывать.
 - О! Маэстро подарил... – он резко перевел беседу о ее семье.
 - Подарил. – кивнула Лера.
 - Значит, у тебя есть будущее.
 - Не поняла.
 - За многие годы, что я его знаю, Маэстро крайне редко делает подарки. – выражение лица сменилось и он снова стал прежним: – А мой, значит, игнорировала. Не понравился? – Лера заметила, как в его глазах пробежала злость, что ее насторожило, но тут же он стал походить на обиженного ребенка, мол – он так старался, а его не оценили!
 - Почему же, понравилось ровно столько, сколько в нем есть правды. Я поясню. В твоём, всего лишь 50% меня, все остальное вымысел, фантазии.
 - А что плохого в фантазиях?
 - Ничего, пока они не касаются меня. Мы же договорились быть друзьями, так зачем раздевать меня, пусть даже таким образом?
 - Лера, а тебе сколько лет? Или ты, как все девчонки не скажешь?
 - Почти семнадцать. А что?
 - Нет, ничего. Иногда ты мне кажешься сушим ребенком. А по общению и тому, как ты ведешь разговор – двадцать!
 - А я индиго. Правда, не смейся. Я школу закончила в четырнадцать.
 - Восемь классов, что тут удивительного.
 - Одиннадцать! Ну, да ладно, хватит обо мне.
 - Мы еще не начинали. – Пауло уселся, прямо на пол, взял стаканчик мороженого и предложенную ему ложку. Прищурившись, наблюдал за ней и мило улыбался. Он осторожно брал мякоть губами, будто бы боялся холодного, немного держал его во рту и проглатывал. Опускал ложку, доставал новую порцию, задерживал на весу и прежде чем вкусить – смотрел на содержимое. Лера невольно остановила свое внимание на его действиях. – Значит..., –

неожиданно бросил ложку в стакан, словно та ему надоела, – ты говоришь, что они тебе не рассказывали ни обо мне, ни о нас. И даже не упомянули, сколько нас таких?

– Каких таких? Что ты все загадками говоришь?

– Уже не важно. И как часто у вас дома сборы происходят?

– Какие сборы?

– Гости-то к вам приезжают?

– Очень редко. Раза три кажется, было очень много гостей, устроили бал. Прикольно было. А потом вообще, как-то все затихло.

– Тебе нравилось?

– Как сказать, я же ребенком была. Ну, красивых женщин много было. Нет, сами балы, или лучше сказать, пышные приемы, мне нравились. А вот все кто приезжал – не очень. Говорили много приятного, а сами – холодные, что ли. Ходили с такими лицами, словно сосульки проглотили. – он хохотал. – Может мне так показалось, я же маленькой была. Да чего ты смеешься? Я правду говорю. Даже в последний приезд, к Агнии на годовщину, явились «замороженными».

– Это как?

– Пауло, что ты все заладил, как, да как. Пытливый какой!

– Ты уезжать домой не собираешься?

– Пока нет. – Пауло поднялся и, подняв свой стаканчик, отнес в холодильник. – Я потом доем. Надеюсь, дружба сегодня не закончится. И так... – Лера заметила, что он снова поменялся, стал намного проще. Рассказал пару прикольных случаев. Легко развел ее на непринужденную беседу, затем сам предложил помощь с языком. Помог сделать задание. И когда она глянула на часы, то до урока остались считанные минуты. – Не переживай, успеешь! Я подожду за дверью, если хочешь переодеться.

В таком темпе у них прошло еще несколько дней.

«А ты соня! – услышала она его голос в трубке. – Так ничего не успеешь».

– Успею! У меня пара только вечером.

«Ага! Значит, я тебе пока не нужен?»

– Провокационный вопрос.

«Вовсе нет. Мне надо уехать до вечера. Или предупредить не обязательно?»

– Спасибо, что сказал. Но ты свободен в передвижениях.

«Понятно! Я тебе настолько неприятен, что не знаешь, как избавиться!»

– Ты позвонил испортить настроение? Тогда прощай!

«Я позвонил подруге, сообщить, что она с каждым днем становится моей Музой!»

– Ты опять? Пауло! Давай останемся друзьями!

«Уууу!»

– Ты не гуди, не паровоз! Просто я не Муза. Хотя бы потому, что убить бы не смогла.

«Это как, как это?»

– Ты что, не знаешь? ЕЕ поцелуй забирает душу и человек сходит с ума в своем эгоизме!

«Серьезно! – хихикнул. – А из всего услышанного, я сделал вывод: наш поцелуй не за горами!»

– Прощай! – резко сказала Лера.

«Не дуйся. Вечером увидимся!»

– Я не воздушный шар. До вечера! – Лера отключилась, легла набок и тут поняла, что за эти три дня общения с Пауло, она забыла про Игоря. Не то, что бы забыла о нем вообще, а перестала терзать телефон, проверяя, не пропустила ли от него весточку. Ей стало стыдно и, прикрыв глаза, замотала головой, твердя себе – «Я не изменница!» Тут же написала сообщение: «Ты меня забыл! А я скучаю!» – Ведь я и правда, скучаю.

Глава 6

Несколько часов кряду Дэн сидел в каминном зале, уставившись на пустую стену и только поворачивал голову, меняя углы, разглядывая нечто видимое только ему.

– Папочка! – смело ворвался в его думы голосок дочери. – Ты тут спрятался?

– Иди сюда, ребенок мой. – хлопнул себе по колену, как бы указывая путь. – Будем вместе думать.

– О чем?

– Вот о той стене.

Ния подставила ручонку под подбородок и замерла. Прошло не более трех минут, как она пошевелилась.

– Надумала? – осведомился Дэн.

– Что? – не поняла его Агния.

– Что-нибудь интересное?

Девочка подняла к нему личико и совершенно серьезно заявила:

– Нет! Но если бы ты мне сказал что думать, то получилось бы, точно.

– Значит, не придумала? А вот я, кажется – да! Но, сначала, скажи-ка мне, где наша мамочка?

– Так наверху. – девочка удивленно смотрела на него, мол: что тут не понятного.

– Наверху, это как-то размыто. И что делает? – как ни странно казалось, но Дэн, разговаривая с дочерью, не отводил глаз от стены, которую изучал уже достаточно долго.

– Рисует! – оповестила Ния и, поднявшись на ножки, приблизила голову к его лицу.

– Ты не шутишь? – Дэн очнулся, услышав слова дочки. Ребенок замотал хвостиком-луковкой, не отводя от него глаз. – Так что же ты мне сразу не сказала?! – Усадив Агнию на плечи, побежал в мастерскую. Ев была вся в краске и творила с воодушевлением, не обратив на открывшуюся дверь никакого внимания. Дэн постоял за ее спиной, не спуская дочь с плеч. Оба молчали. Затем подошел ближе: – Это удивительно! – Его слова заставили жену вздрогнуть. – Ты чего, не слышала, как мы вошли? Где ты взяла этот образ?

– Сегодня приснилось. – Ев повернулась, держась за грудь в области сердца. – Доведете меня до инфаркта. Не смотрите так! Говорю же – приснилось! Да так впечатлило, что мне захотелось попробовать перенести на холст. Но вот лицо не получается.

– Удивительно! И я ее видел во сне, причем неоднократно. Можно я попробую поправить?

– Давай, мне не справиться. – Ев отошла в сторону и принялась вытирать кисть. Агния тихонько уселась на пол и притихла, наблюдая за ними. – Дэн, а ты ее знаешь?

– Могу только предполагать, что это мать Ольги. Ее портрет был в кулоне. Припомни, Агния нашла.

– Да, я нашла! – подтвердила девочка и опять смолкла. Ев подарила ей улыбку и повернулась к мужу.

– А я-то думаю, что так знакомо мне лицо! – Ния тем временем, не нарушая тишины, достала свои краски и тоже принялась за работу. Она всегда рисовала пальчиками. В скорости на листе появился гребень, с ярко красной точкой в центре.

Дэн заканчивал и, поглядывая на жену, кивком головы вопрошал, то она видела, или нет. Собрал у портрета волосы на затылке и закрепил их гребнем.

– Дэн! Посмотри! – Ев взяла лист дочери. – Это какое-то наваждение!

– Не буду спорить. Девочки! Вы не будите возражать, если я повешу его на стену в каминном зале?

– Как мы можем?!

– Тогда закончу завтра и водрузим! – Он повесил совместный портрет, подхватил ребенка на руки. Мобильный звонок ворвался в их жизнь, как любая неожиданная весть:

«Дэнни! – разухабистый голос Пауло, как предвестник беды, заставил Дэна передернуться от отвращения, несмотря на то, что на том конце связи, ничего особенного не сказали. – Как житье?»

– Твоими молитвами – хорошо! – лицо Дэна посерело. Он поставил на пол дочь, отвернулся к большому, светлому окну и замолчал, соображая, чего ждать от звонка. Пауло выжидательно молчал. – И чем обязан? – удерживая тяжелый вздох, спросил Дэн.

«Совершенно ничем. Я сейчас в Неаполе. Приехал в школу с деловым визитом. И вот какая странная штука вырисовалась... Я встретил очаровательную девочку.... Просто лакомый кусочек! Представляешь, твоя однофамилица!»

– Пауло, прекрати паясничать. Ты прекрасно знаешь, что это моя дочь!

«Ну, не совсем твоя! Хотя я и без разговора с ней догадался, чьих кровей будет. Пыжится, ежится, ну как ты в детстве. Правда, правда – колючая!»

– Не смей подходить к ней! – не сдержался Дэн и прокричал, теряя самоконтроль.

«А что ты так занервничал? Ей же нужен друг в такой далекой и чужой стране! Не просто друг, а можно сказать – родной человек!»

– Но не ты! – Дэн даже ударил кулаком в стену. Агния испугалась, зажала ушки, а Ев, обняв ее, заглянула в лицо мужа, тот не реагировал на них, слушая собеседника.

«Дэнни! Перестань! Давно пора забыть о маленьком недоразумении. Столько воды утекло... Давай мириться! Мы же были друзьями».

– Пауло! Она моя дочь! Надеюсь, ты понимаешь?

«Я чту законы! Друг, а у нее талант!»

– Поэтому она там. Только ты мне не друг.

«Прекрати! – Пауло рассмеялся и, выдохнув, сменив тон, добавил: – И мой совет, поскорей забудь, что было».

– Ты мне угрожаешь?! – Дэн сжал кулак так, что побелели пальцы.

«Что ты! Лишь хочу спокойствия твоего. Что за обиды, Дэнни?!»

– Я не девушка, чтобы обижаться. А тебе пора признаться.

«Подумаю! Вот приедешь, за дочерью и поговорим. А пока я ее буду опекать, как сестренку. Хотя хотелось бы большего. Но все, все! Не сопи в трубочку. Законы! В гости приглашения не жду, так что, до встречи на моей земле! *Prima della riunione!*»*

Дэн так и стоял, белый как мел и с гуляющими скулами от злости.

– Дорогой, что случилось? – Ев повернула его к себе. – На тебе лица нет. Словно ты услышал призрак.

– Лучше бы это было так. Вот я старый осел! Зачем отправил ребенка туда, да оставил одного.

– Да что произошло?!

– Пауло! Не подумал, что он все еще там прохлаждается!

– Кто такой этот Пауло? Что у вас с ним произошло, что ты так встревожен?

– Ев, не стоит. Он прав, давно пора все забыть. – попытался улыбнуться и отмахнуться от воспоминаний принесенных итальянцем, но не мог.

– Дэн! Я тебя не первый день знаю. Объясни нам, с дочерью, что у вас произошло. Ты не можешь так рассвирепеть, на пустом месте! – он посмотрел на них и потеплел. Ния стояла у его колен, задрала голову, смотрела испуганными, вместе с тем такими заботливыми глазками, что он схватил ее на руки и прижал к себе.

– Сначала мы умоемся, правильно, дочь? А то у нас губки напоминают радугу. А потом я вам все расскажу. – Он пошел вперед, соображая, как можно выложить обиду, в легкой форме. Но вот что он точно знал, так это то, что Леру надо от «друга» изолировать, любыми спосо-

бами! – Правда, не обращайтесь сильно внимания, это просто отголосок из прошлого. Не столько болезненный, как неожиданный.

– Говори, мы разберемся! – Вытерев личико, заявила Агния.

– Юношеская глупость. Мне было лет сорок, может чуть меньше. Я поехал в Италию. Очень тянуло на родину Великих. В Неаполе была небольшая, частная школа. Так, человек на десять. Состояние – просто ноль! Но там преподавали, причем за копейки, многие мэтры. Они так находили приемников своему стилю, подмастерье. Да я уже и не помню, что еще. Это, собственно не важно. Взять несколько уроков у таких людей, для меня было просто честью! Деньгами большими на то время не располагал, но готов был оставить все, что было. Это уже через годы я сделал крупное вложение, приобщился к тому, что теперь там есть.

– А Пауло?

– Ах, да! Приблизительно через неделю, мы столкнулись с ним, и я сразу понял, он из наших!

– А разве вы не всех знаете?

– Понимаешь. Тогда были сложные времена – революции, война. Ну, все такое. Конечно, к нам приезжали, но не так как это было при тебе. Просто к Ольге с Ником, на беседу, ну и взять очередную порцию эликсира. Очень редко группой, а уж семьей и подавно. Ты же помнишь, насколько Ольга в этом деле осторожна? Это уже после семидесятых она немного раскрепостилась. Стала приглашать некоторых в гости на праздники. Но, опять-таки, все время приходилось делать вид, перед Родом, что мы меняем места хранения реликвий и состава. Осторожность у нее была заложена прочно. Теперь, когда я прочел записи Алекса, стало понятно почему, а тогда мы даже не спрашивали причину, выполняли ее указания. Да и дома. С каким трудом нам приходилось их сохранять за собой. Тут все было – от госпиталей, до пансионатов. Даже некоторое время как музеи, а мы при нем обслугой.

– Дэн, ты нам зубы не заговаривай. Я и по телевизору слышу, как тогда все было. Ты мне о себе.

– Так вот. Я понял, что он наш, примерно с третьей минуты общения. Он – тоже догадался. Потому, что где-то, через неделю, начал устраивать своеобразные соревнования во всем. Я не обращал внимания. Для меня все его позерство, выглядело клоунадой. Я не буду рассказывать, на какие хитрости он шел, чтобы показать всем, а себе в первую очередь, что он лучше, краше, талантливей и совершенней. Однажды нам дали задание, одно на всех. Я с таким желанием творил, посвятил ночь, вложил в работу душу. «Миланья» – так маэстро озвучил ту, кого мы должны были увековечить. Она получилась живой. Ев, дорогая, я не преувеличиваю!

– Я верю тебе, любимый! – Ев видела его напряжение, взяла за руку, прижалась к ней щекой, не находя ничего более существенного в данном моменте.

– И я! – вставила Ния, погладила его по ноге и снова открыла ротик, слушая отца, почти ничего не понимая. Папе было плохо! – это было главным для девочки.

– Милые, мои, родные! – растрогался Дэн. – Так вот. Оставалось часа два до рассвета, когда ушел Пауло, закрыв свою работу и махнув мне рукой, прощаясь. Так получилось, что мы с ним остались вдвоем, остальные ученики давно разбежались. Я и не думал уходить, настолько был доволен собой и тому, что у меня получилось. Вымыл кисти, присел напротив мольберта, даже не взглянув на его работу. Помню, начал дремать, когда пропели петухи, и я прилег не скамье в уголке. Кто заглядывал, не знаю, слышал лишь сквозь сон, что открылась и закрылась дверь. Разбудил меня шум. А затем мне передали, что директор срочно просит подойти. И я, завесив свое творение, понесся сломя голову, так хотелось поскорей вернуться, самому представить... Директора не было, я потоптался и полетел назад. Вернулся в класс, когда работы всех уже были представлены. Я открываю свою, и тут меня охватил ужас – ее подменили! Понимаете?! Я естественно закричал, начал шуметь. Но учитель меня осек и не стал вникать в проблему. Нет, работа была не плохой, возможно даже хорошей. Но не моя. Просто при-

личное изображение. Меня за нее даже похвалили. А моя «Миланья»... Суть в том, что я не знал о конкурсе. Думал так, просто работа. Занял почетное второе место, а Пауло, первое. С моим портретом! Он получил все: славу, признание, даже какие-то деньги. Господи! Мне этого ничего не надо было. Скажите – мелочь. Возможно, но для меня все так было противно и унижительно. Я собрал вещи и уехал. Пауло много лет жил при школе, даже преподавал. Я особо не следил за его передвижениями и жизнью. Вся его деятельность была показушной и фальшивой! К нам он ни разу не приезжал. Конечно, я со временем остыл. В школе меня помнили. Несколько работ моих там есть, попросили, я прислал. А когда повзрослел и узнал, что там продолжают обучать бедных, вложил не малые деньги, чтобы восстановить школу. Не знаю зачем. Просто потому, что это могло кому-то пригодиться. Он узнал и опять стал выставляться, лишь с одной целью – обойти меня. Но и на это я смотрел спокойно, он делал вложение в будущее. Школе в развитие.

– Но ты же мог доказать, что это твоя работа!

– Не мог! Я до того написал всего один портрет – «Мечту!», все остальное были пейзажи, натюрморты и прочее, с этим и приехал в школу! Милая, давай не будем перемалывать, мне неприятно. – он поцеловал обоих, прошелся по комнате и не сдержался. – Нет, подумать только! Такое сотворить и сегодня позвонить, как закадычному другу. Слово мы не виделись два дня. Он, видите ли, Леру увидел!

– Успокойся, Дэн. Он не посмеет обидеть нашу дочь!

– Мне надо ей позвонить! – спохватился Дэн, но рука Ев прижала его к месту:

– Стоп! Что ты скажешь? Что он подлец? Что украл у тебя картину, поэтому ей не надо с ним общаться? Она же может пойти на противное. Вон сколько дулась на нас, считая, что мы ее в ссылку отправили! Нет, тут надо действовать хитрее. И потом, мы не знаем – сколько они раз виделись, разговаривали, какое у нее образовалось о нем мнение...

– Да, папочка! – вставила Агния. Ев кивнула ей, а Дэн, совсем забыв, что его маленькая дочь рядом, опомнился и, погладив ее по голове, благодарно поцеловал в щечку, обняв еще крепче:

– А что тогда делать? – он действительно не знал, как поступить. С одной стороны, ну что тут такого случилось. Схитрил Пауло раз, но чего достиг? Ничего! У него же есть все, что только можно себе пожелать. Но! В душе было как-то беспокойно. Не завидно, не обидно, а именно тревожно. – Девчоночки мои, простите, что из-за такой мелочи вас напрягаю. Вы поймите, все что было, то было. С его звонком, как с вороньим криком, смятение проснулось.

– Понимаем, мы же семья. – сказала Ев и пошла к бару, налить ему стаканчик для успокоения, им же с дочкой взяла сок. Ния тем временем забралась к нему на руки, обняла за шею, приговаривая:

– Не печалься! Ты у меня, самый лучший мужчина!

Как после таких слов можно было не засмеяться. Дэн обнял их и радовался лучшему творению на земле, каким могла одарить его Жизнь.

«Глаза постепенно становились родными и привычными. Николай уже четко определял по звуку тихих шагов, когда они возникнут над ним, и пытался выбраться из своего кокона «безразличия», намереваясь ближе познакомиться с хозяйкой этих глаз.

Был тихий зимний вечер. Снег огромными хлопьями засыпал землю, одевал деревья в чистые, белые, пушистые шубы. Потрескивали дрова в камине, пахло хвоей и чем-то сладким. Ему так сильно захотелось горячего, черного чая, и обязательно с сахаром! Пересохший язык был неприятен. Дышалось с трудом. Шаги удалялись и он испугался – что если это был сон?! И он никогда не видел этих глаз... И не увидит. А что, если он вообще умер и попал в ад, где его постоянно будет мучить жажда, будет чего-то хотеться, но он, как великий грешник, не получит желанного? Возможно вокруг все уродливое, как последние минуты жизни?

Пустые, зябкие, скользкие... А что если треск – это треск огня, в котором горят грешники, а сладкий запах – не что иное, как зажаренные тела?! Его охватил ужас и паника. Он сжал ресницы, что было сил. И пусть это выглядело не по-мужски, решил встретить расплату на слепую. Шаги вернулись. По звукам догадался, что она подбросила дров в огонь, и ждал: вот – вот, сейчас, к нему подойдут, возьмут его и поместят в котел. Как же это будет больно! Но зато, он сможет напиться! Сделать свои последние глотки с наслаждением и примет кару. Напьется! Не поместят же его в пустой чан...

– Пить! – вырвалось у него произвольно. – Чаю! – заявил он, уже осознавая, что говорит вслух. – Чаю! – повторил громче. Ведь и у приговоренных есть последнее желание...»

Николя вернулся после непредвиденной поездки опечаленный и чтобы развеять свое настроение, поспешил к семье. Больше молчал, отвечая односложно на вопросы, поглядывал на всех украдкой и заметил, что не только у него такое самочувствие. Послеобеденный чай не принес никому особого настроения, от чего разговор не вязался. Сидя в каминном зале, в удобном кресле с мягкими подлокотниками и высокой спинкой с чашкой чая, изучал новый портрет, водруженный Дэном на центральное место, и тут его словно осенило. Он вспомнил о находке и побежал к себе, крикнув на ходу:

– Вот пустая башка. Я совсем забыл! – семья замерла в ожидании объяснения. – Помните, девочки, вы просили подняться на верхний этаж?

– Помним. – ответила за всех Ев.

– Так вот! – он положил на столик сверток. – Там никого не было, однозначно. Замок на двери, совсем заржавелый.

– Но я же видела! – Вел вспомнила тот день и ее сразу накрыла забытая волна страха.

– Тебе могло показаться. – заявил Николая. – Там скопление белых бабочек. Кстати, я сам чуть не попался на их «удочку»! Они когда летают, то от крылышек отходит звук, словно кто-то поет. Вел, поверь, это их мелькание тебе показалось тенями. – Она не поверила, но и возражать не стала. – Так вот, там столько всего, что вы и представить себе не можете! Когда только все туда попало?! Поднимитесь как-нибудь, полюбозыщите.

– Поднимемся! – заверила Виен, уловив его бегущие мысли. – А это что ты нам принес?

– Сокровища! – он еще не успел договорить, как правнучки налетели и завоевали его находкой. Пока Славки рассматривали все, Агния взяла одну единственную вещь и подала маме:

– Вот! – с гордостью задрала он носик и смотрела на всех своими огромными глазищами.

– Так это тот самый гребень, что мне приснился, – воскликнула Ев и указала на картину. – Дэн нарисовал. Да и ты, моя маленькая, его рисовала!

– Я рисовала! – подтвердила Агния.

– Мистика! – взяв из рук жены гребень, Дэн принялся его изучать со всех сторон. – Сохранился как! – князек пошел из рук в руки, все сравнивали его с написанным на портрете, подтверждая идентичность.

Ния же, под общий гомон, вернулась к безделушкам, наполнив ими карманы, уселась тихонько в уголке. Взрослые принялись оценивать вещи, предположили, что большинство из червонного, очень старого золота. Правда, утверждать не брался никто, дали поручение Николая, снести к знакомому ювелиру, для оценки. Прошло какое-то время, разошлись, но едва Виен зашла к себе, как услышала громкий плач младшей внучки. Раздумывая – идти, или нет, подошла к двери, как столкнулась с младшими. – А я к вам собралась. Милая, что ты так горько плакала?

– Вот, это тебе! – протянула девочка ручонку, отдавая ей тот самый гребень, что нашелся в их чулане. Глаза красные, носом хлюпает, губки дрожат. Пожалеть бы ребенка, да Виен решила, что после жалости, трудней будет успокоить, уж лучше отвлечь:

– Мне? Спасибо. Только у меня кос нет, как я носить буду?

– Это тебе! – настаивала Агния. – Так тетя сказала!

– Спасибо! Я возьму, только ты не плачь больше. Договорились? Иди спать, а я подумаю, что с ним делать. – девочка, неожиданно, отобрала у нее гребешок, провела по голове, решительно пошла в спальню и положила его под подушку.

– Вот теперь все! Целуй меня! – от слез и следа не осталось. Агния, слегка бледненькая, подставила щеку и сразу пошла к двери.

– Мам! Прости, что побеспокоили, но сама понимаешь, такой рев устроила...

– Бросьте вы заниматься ерундой! Я что ребенок, не понимаю. Спокойной ночи!

Естественно, никто не обратил внимание: ни на слова девочки, ни на ее действия. Виен даже не заметила, куда та дела гребень. Взбивая подушку ко сну, нашла его и положила, отчего-то не на свою, а на тумбочку мужа. Ночью же опять услышала шаги по дому. Стало не по себе, включила свет и прислушалась:

– Пригрезилось... – прошептала она. – Сами ворошим прошлое, а потом холодеем ночами от собственных фантазий. – и укладываясь на другой бок, добавила: – Скорее бы Жан вернулся.

Ночник приглушенно освещал часть комнаты. Виен лежала, пытаясь прогнать неясные, грустные мысли, и вспомнить что-то смешное, а взгляд постоянно возвращался к гребню. Его камень, как капля крови, ярко отбрасывал свет. Замерла, как бы унеслась куда-то, забыв даже моргать. Она ничего не видела и не слышала в данный момент, только красное пятно расплывалось в сознании. Так и уснула. Впервые за многие годы спала без видений. Пустота окутала ее, дала возможность полностью отдохнуть. Но вот к ней, бессовестно, начали врваться звуки. Еще в полудреме делала «обход» сопоставляя шумы: вот Галина проснулась, с вздохами о жизни и благодарении Господа, что ей попались Гаи. Мужчины забегали, сменяясь в дежурстве. На кухне перемывали оставленную с вечера посуду, спеша, чтобы хозяева не узнали. Горничные поднялись и прежде чем начать работать, успели позавидовать. А чему? Знали бы они, какие у других тяжести. Ев уверят Дэна, в чем-то не спешить. В чем – не стала вникать. А вот и Вел. Боится! Чего, не поняла. Она это опять держит в себе, стесняется. Пытается воспитывать характер, побороть свои фобии. Зачем? К двери подошли... Нет..., вошли тихонько. Ольга! – испугалась Вин и начала искать силы и дорогу к пробуждению. Открыла глаза и сразу же села. Не расправив косточки, не понежившись, не порадовавшись утру.

– И что это было? – оглянула комнату, прислушалась – тихо. – Приснилось? – раздумывала Виен, не замечая, что говорит сама с собой: – Нет, мне ничего сегодня не снилось... Стоп! А ведь, правда, сна-то у меня сегодня не было. Это хорошо, или плохо?... Потом разберусь. Ольга! С чего это она мне припомнилась? И кто входил в комнату? – Виен принялась. Тонкий, незнакомый, но довольно дорогой аромат витал неназойливо в ее комнатах. Даже не подумав обуть тапки, поднялась и прошлась по всем комнатам, что-то выискивая и глубоко втягивая воздух носом. – Да... Тут явно был чужой! – подошла к двери и уставилась на нее, не открывая и не отходя. В гостиной пахло сильнее и ей показалось, что за дверью все еще стоит незнакомая, полуночная гостья. Резко открыла дверь, но лишь слабый ветерок кольхнул портьеры на окне, напротив их двери. Выглянула, посмотрела в обе стороны – никого! Выпрямилась и тут мимо пропорхали мотыльки. Совсем маленькие, много. Это так заворожило, что она замерла, улыбаясь, а где-то вверху приятно напевали незатейливую мелодию.

– Бабочки! Быть теплой весне... Ник был прав, их у нас поселилась стайка. – с ними улетела и тревога. – Забралась опять в постель. – Рано-то, как! – только сон совсем отступил.

Вел действительно испытывала страх. Она, вот уже которую ночь, да и не только ночью, слышала шаги, шелест юбок, вздохи. Иногда ей казалось, что идут за ней, а бывало такое, что и шептали в самое ухо нечто короткое и неразборчивое. Тут же проносились бабочки. Как она

себя не уговаривала, что именно они создают эти шумы, не могла убедить. Просто Вел точно знала, в доме есть еще кто-то и этот кто-то пришел за ней.

«Только бы не Татти! Только бы не она!» – в ее сознании всплывали картинки из прошлого, как на экране кинотеатра, оживали в самых ярких красках, чем усугубляли страхи. А сегодня ночью вообще казалось, что ее постоянно зовут. Не нагружая Эда, до петухов, смотрела телевизор, «на ощупь», чтобы ему не мешать. Скорее делала вид, перед собственным страхом, что ей безразлично все происходящее вокруг нее. Пару раз муж просыпался, приоткрывал глаз и, услышав, что у нее бессонница, звал под крылышко, но она целовала его в нос и отнекивалась. Лишь под утро, когда рассвет замаячил на горизонте, она провалилась в глубокий сон:

«Она стояла возле большого зеркала, овальной формы, на прочных ножках, крутила его вокруг оси. Каждый оборот, показывал ее в новом одеянии.

– Ты красива! – произносил спокойный женский голос. – Очень красива! И за это я отдам тебе все свое богатство, только верни меня назад. Я очень хочу вернуться.... Мой муж. Ему тяжело одному. Он постоянно зовет меня. А я не могу найти дорогу. Как же ему одиноко! Он бы и сам прилетел ко мне, только не может. Держат его пути.... А главное дети. Они не с ним.... Они с тобой.... Помогите! Мужу могу только я помочь. А мне ты.... Дети.... Уже взрослые, но запутались, не зная, что делать совсем навалившимся на их плечи. Так вернешь меня?

– Да! – отвечала Вел. – Только узнать бы как.

– Знаешь, ты знаешь.... Только собери всю воду, а там и дверь мне откроешь.

– Воду? Какую воду? – Вел не оборачивалась к собеседнице, даже не знала с кем говорит. Стояла и крутила зеркало. Голос смолк. Вместо него журчала вода. Отняла руку от зеркала и оказалась во внутренней части дома, где должен быть их фонтан. Только и его не было. Вместо фонтана бил родник из-под земли. Она видела себя в отражении воды, прозрачной, прозрачной. А на дне, под слоем воды, догорал огонь. Пепел приобретал причудливую форму, похожую на человека, свернувшегося калачиком. Затем вода вздрогнула, стала серой от соединения с золой. Забурлила, поднялась облаком в небо. А у ног Вел лежал нетронутый родник.

– Пить! Так хочется пить! – говорила она, но не могла пошевелиться...»

– Вел! Вел! – голос приближался, менялся в тонах и наконец, она поняла, это муж. – Проснись, пожалуйста. Да проснись же ты, наконец! – он нежно трепал ее за плечо. С трудом разомкнула веки. – Держи! – протянул ей стакан с водой, приподнял голову.

– Зачем? – проговорила Вел пересохшими губами. Горло так же было сухим, от этого голос скрипел.

– Ты просила. – помог ей напиться и, ставя стакан на тумбочку, бурчал: – Вот что ты за человек?! То не спишь до рассвета, то проснуться не можешь.

– Не бормочи с утра, тебе не идет. А как ты догадался, что я хочу пить?

– Во-первых – уже полдень! Во-вторых – ты так жалобно стонала: «Пить! Так хочу пить! Дайте мне попить!» – передразнил ее, состроил жалобную мину.

– Да ну тебя! – сморщила лоб. – Который, говоришь, час?

– Первый!

– Сколько?! – не поверила ему, взяла мобильный.

– Ах, простите, вы сегодня хотите конкретики! Двенадцать ноль пять – так устраивает?

– Дети! – проговорила так, словно без нее никто ничего не сделает.

– Скоро вернутся. – погладил по плечу, поднялся: – И что же тебе приснилось?

– Не помню. – совершенно откровенно призналась она. Прикрыла глаза, заглядывая в себя, но не нашла и зацепки сна. – Не помню. Но что-то важное. – Эд глянул на нее, не поверив, однако переспрашивать не стал.

*Prima della riunione! (итал.) – До встречи!

Глава 7

То, что в течении дня семья видела Виен мельком, никого не насторожило – дом огромный, забот у всех много, времени, как всегда не хватает, на простое общение. Если не натянуты до предела нервы, значит у всех все в порядке.

Младшие находились на своей волне, старшие в своих заморочках, ей же самой было не до них.

Пришла ночь. Вел опять пыталась отогнать сон, прислушивалась ко всем звукам за дверью, так ничего никому не сказав. Ситуация начала повторяться. Покрутившись, какое-то время, все же уснула и сон повторился, а на утро Эд опять ее с трудом вытащил из сновидения:

– Прекращай! – на этот раз не попросил, а вполне даже приказал: – Это начинает меня тревожить.

– Что именно, дорогой? – попытала лукавить Вел, не обратив внимания на его серьезность.

– Провалы твоего сознания в глубокий сон. Он больше похож на бессознательное состояние. Не хочешь ли поговорить?

– Давай поговорим. А о чем?

– Здравствуйте! Нам уже и говорить не о чем? Только я не об общих темах тут напрягаюсь, а о твоем самочувствии волнуюсь. Вот ведь чувствую, что скрываешь что-то от меня.

– Я?! От тебя? Дорогой, да я перед тобой, как книга – открыта!

– На какой странице?

– А ты закладку оставляй, тогда не надо будет искать.

– Договорись, что побью! – притянул ее к себе и зажал в объятиях, не в силах быть вдалеке от ее зеленых глаз. – А если серьезно, с Дэном не хочешь поговорить? Может у тебя проблемки со здоровьем.

– Это кто мне тут говорит?! А как же твои уверения, что мы не болеем?!

– Гелио! Но во всем бывает исключения. Тебя элементарно сглазить могли. Да мало ли что еще. Давай с братцем посоветуемся, не покусает.

– А вдруг? Вон он какой, задумчивый ходит последние дни.

– Так он мужчина, хозяин клиники, ему полагается!

– Поговорю, если это как-то скажется на всеобщем благе. Сейчас же я в отличной форме и хочу совершенно не разговоров.

Обед прошел тихо, Виен не появлялась, а Вел так хотела с ней поговорить, прежде чем все сказать мужу. Вздохнула, собралась идти к матери, как заметила на себе взгляд сестры, скорчила мордашку. Та в ответ лишь усмехнулась, но говорить не стала. Хотя Вел видела, что очень хочет что-то сообщить. Отложила беседу до вечера, занялась делами.

В кабинете Эда громко говорили и Вел, поневоле, прислушалась. Дэн упомянул имя Леры и это ее еще больше заинтересовало, открыла дверь:

– Простите, нечаянно услышала ваш разговор. Что случилось с Лерой?

– Совершенно ничего! – Дэн поднялся, уступая ей кресло. – Просто она встречалась с одним из наших.

– Разве это опасно? – не поняла Вел тревожных интонаций. – Ваши лица обеспокоены.

– Всякое бывает. – ответил Эд. – Теперь нам приходится быть осторожными.

– Теперь? Я чего-то недопонимаю, или вы скрываете от меня нужную информацию.

– Да ничего мы не скрываем! – Дэн не знал как ей лучше все объяснить. Он-то думал, что Ев уже поделилась новостями. – Сами же разоблачили Филиппа.

– И что? И причем тут Фил? – Дэн открыл было рот, но Эд перебил его:

– У Дэна на этого товарища «зуб».

– У Дэна?! На Филя? – муж отрицательно покрутил головой. – Да не разыгрывайте. У Дэна не может быть терок, ни с кем!

– И почему это? Чем я хуже остальных?

– А кто говорит, что хуже? – Вел, в прочем, как и все женщины их семейства, умели задавать вопросы вместо ответов: – Так на что зуб наточил?

– Дела юности. И ты права, не зуб это, а особое мнение. – без энтузиазма ответил Дэн.

– Не хотите говорить, что же, не буду мешать. Мудрите себе в одиночестве! – сделала вид, что обиделась и поднялась, направляясь к выходу.

– Да не мудрим мы ничего. – Эд поднялся вместе с ней.

– А если волнуетесь, пошлите Игоря. – как бы между прочим, заметила Вел: – В любом случае, девушка в ее возрасте, в чужой стране – лакомый кусочек, в наше время. Ей нужна охрана. Да и парню не помешает расти над собой. Пусть обучится там чему-нибудь. Не век же ему баранку крутить! Могли бы давно подумать над этим. Вон ты, Дэн, как зашиваешься в галерее. Неужели не нужен проверенный помощник? Жаннетт вечно торчать тут не будет, ей свою жизнь строить. А Ев мне нужна. Да и Нику нужен надежный партнер. Еще год – два и начнут замечать, что он не меняется. Мужики! – усмехнулась и откланялась: – Все, мне некогда! – закрыла дверь с самодовольной улыбкой. – Приятно быть умной! – только к маме снова не пошла, повернул в другое крыло, и зашла к сестре.

– А я думала ты и сегодня не появишься. – встретила ее Ев, как всегда, сидя на низком, широком подоконнике.

– Ев! Могла бы и сама ко мне прийти.

– Это у меня или тебя загадки?

– У обоих! Ты мне про Леру ничего не сказала, а Дэн в шоке.

– Ой! Там не все так плохо, как он навывдумывал! – махнула рукой Ев.

– Думаешь?

– Гарантию давать не буду, но ничего катастрофического не вижу. Я все расскажу, что знаю, только, сначала ты мне выкладывай, свои новые фобии.

– Мне второй день подряд снится странный сон. Не скажу, что до мелочей похожий, но суть одна. – без предисловий начала Вел.

Ев сделала выпить, уселась на диван, и беседа полилась легче...

Виен старалась не показываться родне на глаза. Она запиралась у себя в комнате и потихоньку сходила с ума. Все, что происходило в соседних комнатах, сливалось с голосами за стенами в один, нарастающий ежеминутно, гул. Он увеличивал звучание, становясь все громче и громче. А главное, она никак не могла с ним совладеть и абстрагироваться. Теперь уже и ее созданное в голове «стекло» не разделяло два мира на: свой – теплый, спокойный и размеренный, желанный, полный любви, взаимопонимания и заботы. И чужой – мелькающий, труднодоступный, порой агрессивный и полностью безразличный ко всему. Они вдруг слились, объединились против нее. Решили довести до ручки! Чтобы она не делала, как бы ни пыталась закрыть свои уши, все было безнадежно. Это был мощный водоворот, лавина, постоянно оказывающая ее и втягивающая в воронку. Второй виток тревог Вел пронесся с бешеной скоростью и Виен никак не могла схватить суть страха, а главное, пойти к дочери на помощь. Виен погрязла в своей рутине! Этот шум разрывал ее мозг в буквальном смысле слова. И она знала, что помочь ей никто не сможет. Время от времени звонил Жан, но она за минуту до его звонка, уже знала все, что он скажет, ссылаясь на занятость, засыпала его ответами и отключалась, слыша как он переваривает информацию и кричит ей издали, своими мыслями: «Так мне теперь и не звонить? Ты предлагаешь общаться на уровне подсознания?! А как же услышать мой голос? Или ты думаешь, я не хочу услышать тебя? Просто услышать голос! Дыхание твое, в конце то концов!» – И так далее, и тому подобное. Только его слова уносились потоком,

не оставляя возможности даже порадоваться, насладиться тем, что он все еще любит ее и скучает.

Отстраняясь ото всех и всего, случайно нашла маленькое прибежище, но и оно спасало не долго. Вода в душе давала ей минутное облегчение. Но, первое – находиться под струей воды двадцать четыре часа в сутки не доставляло никакого удовольствия, а второе – находились и такие, что пробирались к ней сквозь толщу воды и как электрические разряды, пронзали ее насквозь.

Среди массы звуков она различила зов, давно забытого голоса. С каждым часом терпение уменьшалось. И вот, как ей показалось, настал критический момент и у нее вот-вот взорвется мозг. Ничего лучшего не придумала, как всунуть голову под кучу подушек. Закрыла глаза и не шевелилась. Но уже через миг поток настиг ее:

– Еще тебя здесь не хватало! – возмутилась на зов знакомого голоса и сильней зажала уши. Однако клич его стал настойчивее и громче. Взыла. Вылезла из-под перьевого завала и поплелась в гостиную. ОН стоял у окна и светился. Только у Виен не было настроение разделять с ним его настроение: – Опять ты! Так и думала, что без твоего участия тут не обошлось.

– Так я войду? – сказал ОН ни на йоту не изменившийся с их последней встречи. Такое же красивое тело, прикрытое длинным плащом, застегнутым всего лишь на одну пуговицу, что подчеркивало упругость и ухоженность его тела. Немного бледное лицо с ясно синими глазами, той же длины латунные волосы. По-прежнему связанные узлом на затылке.

– Ты, как бы мой Ангел, ты хозяин! – Виен сама не понимала, чему сердится. А язвительность так и лилась: – Гардеробчик сменить не пытался? Ходят тут, смущают. Кстати, а почему всегда в черном? А... я поняла, ты с благими вестями не являешься. Это, типа, дресс-код для прозрачного намека: – раздражительность уже исчезла и она говорила просто так, для того чтобы сказать хоть что-нибудь. ОН усмехнулся. А за смехом и плащ из черного стал темно синим.

– Подойдет?

– А белое не носишь принципиально? Думаешь, не будет видна мраморность тела?

– Вилен! Прекрати йорничать, тебе сейчас надобно нечто иное. – он поднял ругу и щелкнул пальцами. Голоса начали потихоньку отдаляться. – Так я зайду?

– А ты еще не здесь? – Виен стало легче дышаться и не так мутнело в глазах. Она видела его улыбку, а за ней ровные, белоснежные зубы. Но думать об этом не хотелось. Ей вообще ни о чем не хотелось думать, ей хотелось побыть в полной тишине!

– Мучает? – подошел к ней совсем близко, и от этого казался еще выше.

– А ты типа не в курсе? Хотя, что ты об этом знаешь? – махнула рукой и осознала, что проронила очередную глупость. Кто как не он знал все, что твориться в ее голове, но отступить было поздно.

– «Не трогай меня!... Где моя брошь?... Ев! Мне сняться сны... Дэн, чего сидишь, звони!...» – цитировал он, меняя голоса и интонации, повторяя все, что слышала она на данный момент, воспроизводя происходящее в доме.

– Как же ты меня достал! – вырвалось у нее. – Явился устроить очередную проверку? Ангел Испытаний! – и вдруг замерла, уставилась на него: – Слушай, а ты точно Ангел? У меня лично сомнения прокрались... Вроде бы являешься сам, а войти без приглашения не можешь... Всегда с плохими вестями, хоть бы раз, просто так, порадоваться зашел... Да и одежку носишь..., не смиренную..., так и норовишь соблазнить... – она прищурила глаза и смотрела на его лицо.

– Вилен! Зачем так грубо? Ты прекрасно знаешь, кто я и зачем прихожу. Видимся-то не в первый раз. И потом. НЕ любя меня, ты не облегчаешь себе жизнь. – она передернула плечами и опустила голову. – За что ты не любишь себя?

– К чему опять вопросы?

– Нет, если я тебе в тягость, то могу и уйти. Тащи свою ношу, а я буду, как мне и полагается, находиться в тени и наблюдать. Слегка корректируя твоё бытие! Думаешь, легче станет?

– Куда уж тяжелей! Грублю? Возможно. Вот признай, только честно, каждый раз, как ты маячишь перед глазами, у меня начинаются проблемы. Так кто ты есть на самом деле? Несущий муки...

– Серафим. – просто ответил он и уселся на стул, а она, постояла с открытым ртом, затем отмахнулась и ещё отошла на шаг?

– Что?! Шутишь? Ты Архангел Серафим? Не думала, что удостоюсь столь высокой чести. – склонила голову, но не в знак покорения или примирения, скорее в издевку. Поверить в то, что услышала, было не так-то легко. – Я представляла тебя другим.

– Значит, думала обо мне. – засмеялся. Всего пару секунд, а атмосфера в комнате улучшилась: – Стало легче?

– Немного. – легко задышала, глянула на него просветленными глазами, смущенно улыбнулась: Прости за грубость. Только ты, сам виноват.

– Принимается! Так и быть, уговорила, отпечатаю визитки. – снова засмеялся, как раньше – громко, и Виен испугалась, что сбегутся все, кто в доме, но этого не произошло. – Ты не хочешь осознать, что плохо тебе задолго до моего появления. А грубишь, царапаешься, словно я виноват, или тебе это поможет.

– У меня в голове разрываются тысячи громкоговорителей! А тебе этикет подавай. Да и потом, откуда мне знать, как себя вести, с тебе подобными.

– Насчет громкоговорителей – убавь звук.

– Вот зачем издеваться? Нет, конечно, я понимаю, кто ты, а кто я. Только, если ты спускаешься до меня, то учи, будь добр.

– Виен! Ты не первый год живешь с даром, пора его познать. А мне нечему вас учить.

– Послушай, вот только сейчас не надо намекать мне на мою сверхъестественность. Я человек! Маленькая букашка во вселенной. И мне действительно нужна помощь.

– Какая?

– Ох, опять двадцать пять! Да пойми же ты, я слышу все! Все, что думают в этих стенах и мне неловко. Раньше такого не было. Я лишь проходила поверхносно. А сейчас всовываюсь в их личную жизнь! А там. – она указала рукой за окно. Рука так и замерла в этом положении. – За стенами, все эти люди, их помыслы... Они словно нарочно выливают на меня помой. Как с этим жить? – Виен держа руку на весу, ходила, то приближаясь к нему, то отдаляясь.

– Да сядь ты! Не маячь. Ты должна отключать свое сознание от мусора, просеивать и отбрасывать ненужное. В данный момент, тебе совершенно не нужны посторонние. Сосредоточься на себе, найди, что для вас сейчас главное. Заблокируй чужих, но не потеряй связь совсем. Если тебе это дано, то не просто для развлечения. На это были веские причины.

– Были, дано... Легко говорить! Как сделать?

– Ругаться со мной ты можешь. А тут пасуешь.

– Подумать только, какие мы нежные! Я не знаю, как это делать! А если ты не можешь мне помочь, так и нечего тут прохлаждаться.

– Сузь поток. Мысленно прикрой форточку.

– А я люблю нараспашку! Ну, хорошо, хорошо! Я попробую!

– Ты это умеешь! Это же так просто. Вспомни, когда ты идешь по улице, сколько вокруг тебя ненужного шума. Ты же не заглываешь его весь? Ты слышишь только нужные, в данный момент, звуки. Пробуй и все получится.

– Буду пытаться. – немного успокоилась. Его голос к этому располагал всегда, а уж сегодня, так в особенности. Виен поняла, что он закрыл поток собой. И она решила хоть немного задержать его, для отдыха. – Скажи мне, пожалуйста, ну зачем мне это? А тогда,

когда мы мотались за душами... Сколько спасли и спасли ли хоть одну достойную? Ты тогда появился, дал задание и с концами, выкручивайтесь, как знаете.

– Вы поняли, что надо делать и живете с этим, как саморазумеющееся. И потом, Дэн с вами, я выполнил свою часть договора. А твои голоса, так они и раньше были, в глубине тебя. Припомни. Ты всегда говорила, что это интуиция.

– Серафим! А ты не шутишь? Правда, Серафим? Тот самый?

– Не тот самый, конечно. Тезка! – улыбка снова открыла его ровные, белоснежные зубы. – Ты и это забыла.

– Забыла? Да я и не знала! Мы же как-то не знакомились, до такого уровня.

– Женщина! Вспомни свои корни.

– Ой, дошло! Да, род наш начался с Константина..., ну не с него, конечно, просто он, мой любимый дед. Серафим... овы... Фамилия наша такая..., по матушкиной линии... – она даже смахнула слезу, вспоминая дорогих людей. – Так зачем ты пришел?

– Да больно смотреть, как ты себя изводишь.

– Понятно. Контролируешь. Подглядываешь. Развлекаешься. Мы для тебя, наверное, как комедия. Стоп! Это что же такое получается. Когда мы с мужем в постели... Надо помнить, что ты стоишь за спиной?

– Не мечтай! – рассмеялся он. – Вас вон сколько, а нас по пальцам посчитать можно. Просто в этот раз ты опять дошла до предела.

– Прямо так и дошла. Скажи лучше, что соскучился. Ну и пришел бы, как человек...

– Я не человек.

– Не придирайся к словам. Я хочу сказать, в дверь. Посидели бы, по-хорошему, растолковал нам, что и как.

– Наглеете, сударыня. Пора мне. А вас прошу, всех, уважаемых Гаев, помогите заблудшим найти путь.

– Куда мы денемся. Ладно, спасибо. Заходи, если что.

Только он уже растворился. Не успела Ви и подумать, как новая лавина захлестнула, с невероятной силой и жестокостью. Застонав, улеглась на кровать, подсовывая к голове подушки, но, уже не впадая в панику, а пытаясь сделать то, что ОН, Серафим, ей говорил.

Глава 8

Дружба не возникает на пустом месте. Как не крути, а если человек с первого взгляда не привлёк твое внимание, то рано или поздно, его посягательства к отношениям, дадут результат и ты, не заметишь как, ответишь ему, признаешь, возможно, даже будешь скучать. Другое дело, что сказал твой внутренний голос в первую вашу встречу! А он-то, никогда не ошибается.

Лера поддалась обаянию Пауло. Как не противилась, но дружить оказалось легче, приятней, увлекательней и весело. Она забыла о двух новых подругах, так и не ставшими ей близкими. Перестала вообще посещать вечеринки. Пауло их не любил, а ей они и раньше не доставляли удовольствия. Вечерами часто ездила с ним на прогулку по городу. У него, на ее взгляд, была не «хлая тачка», с откидным верхом, он не носился по дорогам, а экскурсировал ее, рассказывая истории поместий, встречающихся по пути. Было странным, что у него нет друзей, но и это она оставила без особого внимания, так как и сама, после недавних событий, стала одиночкой. Пауло не навязывался на большее, но и не оставлял ее без своего присутствия. Утром встретит, проведет до корпуса. Иногда посидит за одним столом на некоторых лекциях. А если не появился к первой паре, то уж наверняка будет ждать в стороне, по окончании занятий. Не подойдет сразу, даст ей время поболтать, бросая искрометные взгляды, пока она сама не направится в его сторону. Заберет рюкзак или сумку и невзначай подкинёт предложение на вечер, которое она с удовольствием примет. А почему не принять? И что тут такого, если они покатаются по виноградникам? Или съездят в музей, их тут не мало. Посидят в кафе, выпьют горячего шоколада или чего-нибудь еще, съедят мороженное, под его очередной рассказ. И откуда он только все это знает?! И повествует то как, будто присутствовал сам, при всех изложенных событиях. А к девяти она уже в комнате. Без долгих прощаний, лишь короткое пожелание приятных снов. День с ним, а ночи, ночи она по прежнему отдавала Игорю, пусть в мобильном варианте, но ему. И разницу давно перестала искать, и любовь за Игорем осталась. Как не приятен был Пауло, как не прикольно с ним пролетало время, а было в нем что-то этакое..., даже не загадочное, и не отталкивающее, разве что, немного настораживающее. Что именно, она пока не поняла, да и не старалась разгадать.

«Привет дочь! – Не успела войти в комнату, как позвонил Дэн и сердечко отчего-то екнуло. – Все скучаешь?»

– Да нет, привыкла уже. А как вы там, без меня, наотдыхались?

«Лера, вот зачем ты так? Не хочешь там быть, завтра же будешь дома. Ты же нас знаешь, мы никогда не навязываем своего мнения. Предложить – да, но никак не настоять!»

– Дэн! – перебила она. – Все нормально. Прости, если не так выразилась. Мне тут нормально!

«Точно?»

– И не сомневайся.

«И кто же тебя так взял в оборот, что ты переменила мнение, буквально за пару дней?»

– Ничего себе, пару! Две недели, вернее уже третья на исходе.

«Вау! Время, как летит! Давай, рассказывай, делись секретом с младшим отцом. Друзья, поклонники, ухажеры... Сюрприз не готовишь, в виде итальянского вливания в нашу семью?»

– Ты позвонил меня позлить, или есть еще причины?

«Еж! Просто спросил. В детстве у тебя друзей было море!»

– И чем все закончилось. Ладно, расслабься. Друзья появились, поверхностные, отойдут, плакать не буду. А вот с остальным, не надейтесь, не собираюсь я разбавлять ваши ряды туташними кровьями.

«Приятно слышать. Ну, а про друзей расскажешь?»

– Девочки неплохие, я говорила о них. И еще Пауло.

«Пауло?!» – Интонация Дэна сразу изменилась. Лера ощутила его тревогу, даже небольшое отвращение к имени. И тут она вспомнила, какое впечатление Пауло произвел на нее в первую встречу, прищурила глазик, посмотрела в зеркальце, словно прося его напомнить про этот момент, говоря:

– Ну, да. Он не настолько плох, как мне сначала казалось.

«Пауло! – повторил Дэн. – И чем же он запудривает твою светлую голову?»

– Дэн! Не заморачивайся. Мы просто иногда беседуем. Он один говорит на моем, родном. Помогает с переводом, ну и так, по мелочам. Надеюсь, поедание с ним мороженого, не считается непристойностью? А так, он лишь разбавляет время моего одиночества.

«Интересно и о чем этот шут может говорить?!» – не сдержался Дэн.

– Согласна! Я о нем была того же мнения. Мы серьезно поговорили и пришли к компромиссу. Можно не буду озвучивать? Ничего интересного. Ты, Дэнчик, лучше расскажи о нем.

«Много чести, тратить на него время.» – Лера сильно удивилась, таким Дэна она не знала.

– Но ведь я должна знать причину твоего негативного отношения к нему.

«Как-нибудь, когда вернешься. И когда тебя ждать?»

– Я продлила еще на месяц свое обучение. Николло, учитель по натуре, очень меня хвалил, даже подарил мне мой портрет, исполненный собственноручно.

«Как это здорово! Поздравляю! А с итальянским, освоилась?»

– Тебе будет неприятно слышать, но Пауло помогает.

«Хоть на что-то сгодился. Милая, а можно нескромный вопрос?»

– Тебе сегодня все можно!

«Ты хоть с Игорем общаешься?»

– Когда у него есть свободное время... – сказала просто, но Дэн улыбнулся, чувствуя грусть в ее словах:

«А скучаешь за ним, хоть немного?»

– Скучаю. И он обещал приехать, как будет возможность. – Дэн слышал, что она стесняется говорить на эту тему, но за честность, был очень признателен.

«Потерпи немного. Приедет!»

– И когда?! – Вырвалось у Леры.

«Точно сказать не могу, но скоро. Закончит работу, он помогает Жану, и к тебе».

– А можно не на один день? Хотя бы на два.

«Можно! Мы скучаем. Целую, привет от семьи».

Лера кружилась по комнате, от хорошего известия. Приедет! Скоро приедет! Если Дэн так сказал, значит так и будет! Как же это здорово! И, как не прикольно с Пауло, но он не Игорь! И тут она сообразила, что ее раздражало в итальяшке – он не мог быть на втором плане! Он должен быть прав, всегда и во всем! Даже если знает, что это не так.

Вот и сегодня, у них на пустом месте начался спор и каждая из сторон, доказывала свою правоту до последнего. Конечно, потом смеялись над этим, но суть то в том, что Игорь так бы не поступил! Он, как и папочки, сделал бы все, чтобы не допустить ссоры. Потом, когда-нибудь, корректно, намекнет. А тут...

«Ты не права! – говорил Пауло, постепенно повышая голос. – Не права! Пойми же, это всего лишь копия!»

– Кто бы говорил! – возмутилась Лера ему в ответ. – Художник вложил в творение свою душу. Передавая на бумагу то, что видит. А ты, коверкаешь. Сам подумай! Ты хоть раз изобразил так, как есть в действительности? Нет! Тебе всегда надо добавить от себя!»

– Я так вижу!»

– Что ты видишь? Пауло! Людей в другой одежде, цветок на грани завядания? Или то, как у модели, через минуту, выпадет локон на плечо?!

– *Послушай девочка! Не тебе меня учить! Вот еще выдумала.... Кисть в руках держит неделю, а туда же!*

– *Я родилась с ней! А ты не смей на меня орать! Не отец, знаешь ли. На меня никто из родных никогда не кричит. Понял?!*

– *Это не я ору, а мой итальянский темперамент. А они не орут, значит.... – он умолк, выпустил пар. – Значит, не орут! – и рассмеялся, глядя на нее уже спокойными глазами. – Мне простительно, я старый. – после этих, постоянно повторяющихся слов, она всегда улыбалась, а он заливался смехом, от которого Лера не могла устоять.*

– *Старый он! Так и быть, прощаю последний раз. Тем более что ты не прав.*

– *Mia madre! – вскочил на ноги, но, уже не убирал шутливого тона. – Что себе позволяет эта девчонка?! Я потомственный художник в третьем поколении!*

– *Бла, бла, бала! Если у меня в роду все мужчины юристы, то это не значит, что я родилась прокурором! Пауло, надо видеть, а ты изображаешь!...»*

Прошли сутки. Паула не было целый день. Лера даже не вспомнила о нем ни разу, пока не окончились занятия и она, выбежав из корпуса, не столкнулась с ним.

– Соскучилась? – выпалил Паула.

– Ой! – воскликнула она, но глаза парня уже изменились. Он, словно, прочел в ее лице нечто компрометирующее. Взял за руку и наклонился ниже. – Привет! – поздоровалась Лера. – Ты возник так неожиданно...

– Да ты что?! А мне кажется, некто постарался, чтобы мой приход стал для тебя неприятен.

– Ты это о чем?

– Вот только не надо!

– А действительно, НЕ НАДО! Теряю тут время, на тебя, избалованного себялюбца!

– Что?! – повысил голос Пауло.

– Что слышал! Поздоровались? Теперь – пока! – Лера сделала шаг в сторону, собираясь его обойти, как снова увидела веселый огонек в его глазах:

– Тебе спичку подносить не надо, так вспыхиваешь.

– Сам такой! Налетел, наорал, я же еще и виновата.

– Ай, ни в чем не виновата. Мне показалось...

– Именно, что показалось. Уж не знаю что, и знать не хочу, только крестится надо.

– Это еще зачем?

– Затем! – Лерке уже наскучил этот разговор и она скривилась.

– И в кого ты? На пустом месте спор устроишь.

– Я?! – Лера просто опешила. И не желая дальше продолжать полемику, выдохнула и заявила: – В таком случае, все, спор окончен, я ушла!

– Иди! Напугала... – Отвернулся, а сам ждал, что Лера передумает, сегодня урок итальянского, он всегда ей помогал. Но Лера повесила сумку на плечо, развернулась, намереваясь уйти домой, и увидела Игоря.

Любимый сидел метрах в пяти, облокотившись о ствол дерева, наблюдая за их бурной дискуссией и ждал развязки, не мешая. Лера замерла, не веря собственным глазам, затем с ликованием бросилась к нему. Игорь поднялся, сделал шаг ей на встречу и открыл объятия.

– Солнышко мое, как же я соскучился!

– Я больше! – прижавшись к нему, говорила, тая в его нежных поцелуях. Но едва он отстранился, чтобы посмотреть на нее, Лера ударила его кулачком по спине. – Почему так долго не приезжал и не звонил! Изверг! – Пауло тут же был ею забыт.

– Зяблик ты мой, ненаглядный.

– Пойдем ко мне, так хочется с тобой поговорить. Мне столько надо рассказать, да и ты мне все-все расскажешь! – затараторила она. – Я пропущу сегодня урок, только сегодня. Ты не уедешь завтра? Дэн пообещал, что отпустит тебя. Идем, чего улыбаешься?

– Пойдем! Только ко мне. – он подхватил свою огромную сумку, которую Лера даже не заметила, забрал ее и обняв, повел вперед.

– Ты снял квартиру? Здорово! Значит не на сутки. Как хорошо!

– Не снял! Я теперь студент, как и ты.

– Стоп! – резко остановилась. – Мне неудобно, идти в мужской корпус. Понимаешь?

– И не надо! – он открыл входную дверь ее дома. Молча, поднялись на ее этаж. Лера ничего не понимала, а Игорь был настолько загадочен, что она не решалась спрашивать. Тут-то он и открыл дверь напротив. – Прощу! Надеюсь, тут ты не будешь стесняться.

– Как?! Игорь, как тебе это удалось?!

– Все очень просто. У родственников есть привилегии. А у родных Дэна – вдвойне! Он же один из учредителей этой школы.

– Да? А почему я не знала? Что еще я не знаю?

– Ты знаешь – главное! Остальное – мелочи.

– И что же это?

– Что я тебя люблю! Очень, очень!

– Откуда мне это знать. Ты только приехал. – Его губы коснулись ее щеки. – Теперь, кажется, знаю. – Лера прикрыла глаза, ожидая страстного поцелуя, но вместо этого Игорь спросил:

– Я взял машину, завтра выходной, может, прокатимся?

– Как скажешь, родной мой. Я за тобой, куда угодно.

– Куда угодно, не надо. Но мне радостно слышать, что я тебе не безразличен. Милая моя!

– Игорь! – прижалась к нему сильнее и не отпускала.

– А чего мы стоим, как тополь с осинкой? Я голоден!

– Тут хорошее кафе, совсем рядом.

– Так отчего ты молчала? Собирайся, вернемся..., когда вернемся!

Лера вылетела из его комнаты, светясь от счастья, даже не закрыв дверь.

Пауло метая молнии, взобрался на дерево и, перемешивая все языки, которые знал, а знал он достаточно много, извергал свое недовольство в адрес семейки Гаев, причем всех до одного, без малейшего исключения. Увидев Леру одну в ее комнате, остудил немного свою горячность, до более спокойных высказываний и, дождавшись их отъезда, исчез из колледжа.

Выходные для Леры показали короткой, но такой увлекательной сказкой. Да и понедельник начался замечательно. Проснувшись, она услышала запах кофе на этаже, затем легкое постукивание в дверь:

– Соня! До занятий час. Горячий кофе ждет тебя у меня. Ну и к нему кое-что, на выбор.

– Я сейчас! – крикнула, потягиваясь. – Пять сек.

– Вот так галопом не надо. Даю тебе пять минут!

А затем они вместе отправились на частный урок итальянского языка. Провели в труде два превосходных часа, сидя рядом. За это время она поняла, что Игорь не просто сносно говорит, а и с грамматикой знаком. Потом они разошлись, каждый на свой курс. И она ни разу не вспомнила Пауло.

Так прошло два дня, итальянец не появлялся, а она даже не подумала ему позвонить, спросить, где он пропал.

Урок живописи. Сегодня для нее тянулся нескончаемо долго, хотя был интересен. Она работала с полной отдачей, всего пару раз посмотрев в окно. До конца урока оставались считанные минуты, и Лера увидела Игоря, на скамье, в ожидании. К нему подошел Пауло, но она

даже не задумалась про их встречу, раз он знает всю их семью, то и с Игорем знаком, значит, им есть о чем поговорить.

Пауло стал перед Игорем, сложа руки замком на груди, высокомерно задрал голову:

– Ну, привет! – в голосе одно надменность.

– Здравствуй! – просто ответил Игорь.

– Давно не виделись!

– Ты же не приезжал. – Игорь коротко отвечал ему, давая понять, что говорит с ним только из вежливости. – По мне, так и еще столько бы не видеться.

– Послушай меня внимательно! Мне не понравилась ваша с ней встреча. И мне не нравится, когда прислуга лезет вверх.

– Не помню, что бы ты меня нанимал.

– В Роду каждый знает место другого. Род четко следит за чистотой. Есть те, кому дано и те, кому позволено. Так вот ты – из вторых!

– Не тебе решать.

– Во всяком случае, я сказал, что должен был сказать. Это первое. Второе. Мне по вкусу эта девочка. Уж не знаю, что ты себе на воображал, исполняя волю Гаев, но заруби себе на носу – я хочу ее общества!

– Пожалуйста! Но, в моем присутствии. – Пауло по-прежнему стоял, правда, жестикулируя руками. А Игорь, все так же сидел, откинувшись слегка назад и положив руку на спинку.

– Да как ты смеешь! Ты что это лезешь не в свои сани! – Пауло сделал шаг к нему.

– У меня есть четкие указания. Хочешь пояснения, – Игорь поднялся и возвысился над ним, – звони Гаям.

– Madre di Dio!

– Не вспоминай все!

– Я вижу, вы хотите скандала. Так я его сделаю!

– Флаг в руки! Но повторяю. Я следую четко указаниям родителей Валерии! Есть вопросы – звони, решай. Хочешь большего – звони, проси. А насчет скандала – не советую. Первое – нарушишь закон. Все узнают, кто ты есть на самом деле.

– Ты о чем? – последние слова насторожили Пауло, но он решил не торопиться с выводами. – О бессмертии, да кто же в это поверит!

– Начитанный. Поясню. Сначала ты подставишь себя, как художника. Здесь многим будет интересна твоя честность...

– Да, Боже мой! Нашли чем напугать – то было в прошлом веке, что можно доказать?!

– Зря пыжишься. У Дэна есть доказательства. А прошлый век или сегодня – это второстепенно.

– Чепуха! Нет у него ничего! Было бы, он тогда бы поднял меня на смех! А так... – Однако, глазки у него забегали, и Игорь понял, что правильную линию они разработали.

– Так как? – улыбался Игорь: – Начнешь войну? Один звонок и Дэн получит сигнал к действию. Современные технологии могут многое, да и Род будет в восторге. Я уже не говорю о девушке, с которой ты жаждешь общаться.

– Как прислуга разговорила! – Пауло вспылал, но тут же остудил себя. – Что мне ваши экспертизы!

– Тебе может и не нужны, а вот Дэниэль вернет себе украденное имя. А ты, прости, твой дед, будет с позором исключен из истории. И не только школы. А самое интересное, что кто же оставит тебя в школе, так любимой тобой? Работ то у тебя, таких как та, шедевровых, нет!

– А proposito di Madonna! Это блеф!

– Рискни! – Игорь увидел Леру и, помахав ей рукой, собрался к ней на встречу, однако Пауло его остановил.

– Она знает?

– Ничего. Пока!

– Я подумаю над твоими словами, но не думай, что я испугался! – Огонь в его глазах моментально стих, как только девушка поравнялась с ними.

– Привет! О чем так ожесточенно беседуете?

– Да вот, я пригласил Пауло отметить с нами мое начало занятий, но он, как выяснилось – занят!

– Так уж и занят? – Лера прижалась к Игорю, который накрыл ее своей рукой, как крылом, и, улыбаясь от счастья, повернулась к Пауло. Будь она хоть немного опытней, прочла бы в глазах Пауло все, что он думал в это время. Да и на лице Пауло не сошла тень зависти, хотя голос и был спокоен:

– Да! Мне, безотлагательно, нужно уехать. Семейные дела!

– Счастливо! Увидимся! – Лера не расстроилась, не начала его уговаривать, а как ему показалось, даже обрадовалась.

– Как-нибудь! – процедил он сквозь зубы. Сделал шаг назад, перевел взгляд на Игоря. – *La guerra, iniziata con meno!** – Бросил ему и мгновенно удалился.

– Все-таки, он странный! – пожала плечами Лера. – А что он сказал на прощанье?

– Солнышко, я не понял! – поцеловал ее в макушку, раздумывая над брошенной ему фразой – «Война и с меньшего начиналась!» Слова легли в его сердце грузом. Он, конечно, позвонит и предупредит Гаев, но чуть позже, когда Лера не будет рядом. Ее он никак не хотел пугать.

**La guerra, iniziata con meno!* (итал.) – Война и с меньшего начиналась.

Глава 9

«Любовь... Она не приходит с поданной чашки кофе. Любовь не предсказуема.

Прошло более года, а Николай никак не мог забыть милую, скромную девушку, очарование которой было настолько трогательным, что он просыпался по ночам, в холодном поту и порывался ехать к ней, с трудом осознавая, что делает. Утро возвращало его в реальность. Он давал себе зарок, который ночью еле преодолевал.

А рядом была другая – заботливая, решительная и любящая. Рядом была Ольга. Она была другой, она была смелой. А иначе как можно объяснить поступок, что совершила ради него. Как можно расценить ее прыжок с моста, в холодную воду.

Анна постепенно уходила на второй план, но не из сердца, и не ночами. Его признательность была толчком к дальнейшим отношениям. Постепенно пришло уважение, за ним дружба. Ольга терпеливо ждала. Так ждать может только Ольга. А за это время в его копилку, из ее рук, последовали не только жизнь и здоровье, но и требование закончить образование. Он принял, как и крышу над головой, пищу и заботу. Не мог не принять. Ему нужен был рядом тот, кто сможет направлять....

Между ними завязалась Дружба! Но как от нее веяло Любовью...»

Жан свернул все дела за считанные минуты, прыгнул в машину и помчался домой без остановок на ночлег. Разговор с Виен настолько насторожил его, что он впервые, за многие годы перезвонил сыновьям. Но и это не облегчило его предчувствие – они ее не видели вторые сутки, причем она не покидала своего этажа. Нервно постукивая пальцами по рулю, он положил мобильный на панель управления и поглядывал на него, ожидая, что жена перезвонит.

– Виен, Виен! Позвони! Виееен! Ты же меня слышишь, я знаю! – говорил Жан вслух, повторяя в мыслях. – Хочешь поругаться? Пожалуйста! Только не молчи! Мне нужно от тебя всего два слова. Виен! Виен! – Спидометр предательски показывал превышение скорости. Он проносился мимо машин, лавируя, как по серпантину. Впереди находился пост ГАИ, как не спешил, а пришлось сбросить скорость и тащиться десять минут, как все, но как только он оказался вне видимости радара, Жан опять вдавил ногой педаль газа.

Дом встретил его мирным сном. Заглянув к охране, уточнив кое-какие моменты, пошел вверх, осторожно ступая по мраморным ступеням лестницы, стараясь ненароком никого не разбудить. Однако, отсутствие житейского гомона, разносило его шаги эхом по дому и добавлял свои оттенки. Что-то во всем этом было не так. Жан прислушался – шорох юбки и легкий аромат незнакомых духов. Остановился, глубже вдохнул. «Странно. У нас гости? И почему я не в курсе?» – пронеслось у него в голове. Прошел большой зал, освещенный лишь с улицы, ступил на свой пролет боковой лестницы и услышал, как женские ножки засеменяли впереди него. Замер – с ним замерло все остальное. Жан заглянул в проем, сначала поднял голову туда, куда, как ему показалось, побежали, затем опустил голову вниз – никого.

– Утром разберусь, какие у нас лунатики появились. – неспешно, чтобы не скрипнула, открыл дверь, так же тихо поставил сумку прямо у входа, снял туфли и на носочках направился к ванной комнате. Несмотря на безлунную ночь, в спальне было достаточно светло. Виен моментально поднялась и всматривалась в полумрак комнаты.

– Это я, родная! – шепнул Жан.

– Угу! – вздохнув с облегчением, легла обратно.

Едва солнце коснулось верхушек деревьев, как Виен открыла глаза. Жан спокойно спал рядом. Выскользнула, затем так же быстро юркнула обратно. Рука мужа обхватила ее талию.

– Эй, мужчина, вы не ошиблись? – он провел рукой по спине и открыл глаза:

– Как мог? Роднюшечка! – Виен прижалась. Сморщила лоб, прислушиваясь к вымучивающим ее «голосам», но они взяли перерыв. Расслабившись, нежилась в его поцелуях. – Милая, что опять у тебя стряслось?

– Как же здорово, что ты приехал!

– Не ответила. Я так спешил, что немного проштрафил. Теперь буду ждать квитанций. Ты же меня так подстигнула, что я и не вспомнил о другом виде передвижения, как машина. Но это не важно. Так что ты натворила?

– Это не я, а моя голова.

– Не понял! С ней то что? Вроде ни стрижку, ни цвет не поменяла!

– Шутишь, хорошо. А мне было не до шуток. – Жан приподнялся на локте и посмотрел ей в глаза. – Понимаешь, как-то неожиданно усилился мой слух. – Виен подробно, лишь упустив приход Серафима, рассказала мужу свои мучения.

– И сейчас?

– Увы! Можешь проверить, если хочешь.

– Прекрати! Разве я когда-нибудь сомневался в твоих словах. – Жан лег, не отпуская ее, задумался. – Меня заинтересовало одно, почему вдруг так резко усилился твой дар?

– Я не знаю. Вот сижу тут днями и пытаюсь привести свою голову в порядок. Дети в волнении от своих проблемок. У Дэна тревоги. Да и эти шаги по дому...

– Кстати, шаги! Я тоже слышал ночью девушку, хотел узнать, кто у нас гостит. А это что? – перебил он сам себя, увидев гребень на своей тумбочке.

– Ой! А я и забыла. Ния подарила. Ник принес с чердака «богатство», нашел в сундуках. Внучки разобрали все себе, моментально! А Агния, всунула в карман только гребни, я видела. Не могу сказать, сколько их там было. А потом разрыдалась, как же она горько плакала! И принесла мне один, сообщив: «Тетя сказала!» Представляешь, мой ежик и гребень! Но она провела им по моей голове и спрятала под подушку. – Виен вспомнила все настолько четко, словно просмотрела это по телевизору. – Жан! Я не обратила внимания. Она же тогда сказала: «Тетя!» Агния нервничала, пока его не отдала мне. Я бы даже сказала, что была на взводе. Отдала, и успокоилась. А я-то, практически сразу начала сходить с ума! Да, да! Это из-за него! Ну и той, что приходит сюда.

– Боже мой! Вы тут живете в новом хаосе, а мне опять ни слова не сказала! Я могу и рассердиться на такое.

– Попробуй!

– Любимая! А как Вел?

– Боится, но держится.

– И как давно это у нас происходит?

– Со дня открытия вашего погребка.

– Вы не исправимы! Вот почему, как у нас происходит из ряда вон выходящее, вы замыкаетесь?! Не могу понять! Но к этому вернемся. По твоему рассказу я делаю вывод, что у нас по дому ходит привидение?!

– Приведение, дух или призрак! Не знаю, не видела, только слышала. Но безобидная. Говорю она, потому, что каблучки стучат, юбки шуршат и поет. Редко, в основном, когда Николая один на этаже. Ах, да! Вздыхает.

– Ты надо мной смеешься?

– И не думала! Ее все видели, ну не так выразилась. Она ко всем в доме являлась в видениях. Портрет висит в каминной. Творение младших, причем троих. Даже Ния приложила к этому руку. Только Жан, как бы тебе сказать доходчиво... Мы не обговариваем эту тему.

– Ну, это-то мне понятно. – он, минуты на две устался в потолок, анализируя новости. – Хоть не уезжай! Мои девчонки что-нибудь да вытворят!

– Тут мы, совсем, не замешаны. Я так думаю, это вы ее потревожили, раскопками.

– В общем так, дорогая! Сегодня после завтрака, соберемся все вместе и поднимем эту тему. Не спорь! Это происходит неспроста! Нам все надо взвесить и подготовиться.

– К чему?

– Как не странно, мне кажется это то, что мы ждем не первый год, но постоянно надеемся, что минет.

– Род?!

– Увы! Уж очень долго они молчат.

Утро затянулось. Пасмурный восход неожиданно разорвало ворвавшееся солнце и загомонили птицы. Жан уже был готов к завтраку, как заметил на подоконнике белоснежное перо, внушительного размера. Подходя, нашел и второе, тут же на полу. Поднял и разглядывал в солнечном луче:

– Забавная вещичка! Виен! А откуда это?

– Наверное, у него выпали.

– У него? – Жан не выпуская перьев из рук, повернулся к ней и пристально посмотрел в глаза. – Это у кого же?

– У Серафима!

– Так! Что я еще не знаю? Что ты еще от меня скрываешь? Серафим – это? – он подал голову вперед, держа ее взгляд, насупливая брови.

– У Ангела. Жан! Мне было так плохо, так разрывало мозги. Он не выдержал, помог.

– Дожились! У моей жены в сотоварищах сам Серафим! Но не это меня задело. Милая! Я не могу восторгаться этим, по вот такой маленькой причине. – он поднял руку и показал размер. – Ты отфутболивала меня все это время, не ответила ни на один мой звонок. Дорогая! Я предлагал тебе ехать со мной, ты отказалась. Неужели я не достоин знать. Пусть не все, но хотя бы поверхностно! Виен выпрямилась, щеки зарделись. Весь ее вид говорил о противоречии, но вот плечи немного опустились, подбородок задрожал.

– Я ничего не скрываю от тебя! Как ты не можешь понять, я не из тех, кто уколов палец теряет сознание. Извини, если обидела. – Ее глаза горели, и Жану показалось, что она вот-вот заплачет.

– Прости! Иди ко мне. – Виен не сдвинулась с места, Жан и не ждал этого, подошел и обнял ее. – Прости! Только я и не хотел тебя обижать. Мне кажется, что его приход наталкивает на мысль, что все намного сложнее, чем мы думали. О чем вы говорили? Нет! Что он тебе сказал?

– Лишь только то, что мы должны показать путь. Но не сказал кому.

– С этим-то все просто. – чмокнул в висок, погладил плечо, Виен подняла голову:

– Ты тоже думаешь, о нашей гостье?

– Я бы был увереннее, если бы ты мне подробно и сразу, все рассказала. Спасительница ты наша!

Обсуждали долго, шумно и противоречиво. Вел долго молчала, не спорила, не высказывала предложений, пока всех не одолела точка кипения от неясности, в которой они запутались.

– Мне кажется, что это мать Ольги! – проговорила Вел и в комнате воцарилось молчание, все взгляды приковались к ней. – Чем дольше она мне снится, тем больше я убеждаюсь в этом.

– А именно в чем?

– Мы же знаем, что они были сожжены здесь, так? – Все закивали, зашептали согласие. – А я вижу пепел в воде. Это не пепел от бумаги, или сигареты, это останки тел. Где это произошло, в дневнике не указано, как нет там и того, что их похоронили! Возможно, ветер разметал все по саду, а там, кто его знает. Что-то же должно было остаться!

– Или смыло дождем. – поддержала Ев.

– Так или иначе, но я пока не вижу, как нам действовать и в каком направлении идти.

Жан забарабанил пальцами по стеклу:

– Не писать же Ей письма!

– Ей? Это ты о приведении или? – Виен посмотрела на него, осадок после утренней беседы застрял у нее в горле, но вот что странно, она слышала мысли всех в этой комнате, только не мужа! И это ее настораживало, неужели закрылся?!

– Гостье! – Жан ответил только ей, хотя и громко.

– Может она нас слышит? – предположил Николая, заметив, что между мужем и невесткой пробежал котенок.

– Были бы знаки! – Жан отвел от жены пристальный взгляд, посмотрел на отца и отвернулся к окну.

– Знаки?! – Эд не понял отца и подошел к нему ближе.

– Конечно! Если она здесь, чтобы обрести покой, то, как минимум, должна намекнуть.

– Намеки, сигналы. Почему ты думаешь, что кто-то тебе что-то должен?! – Виен сорвалась. – Может она и сама не знает: где находится, что вокруг нее происходит. И видит ли она нас?! Может она у себя дома, а она у себя дома! В том времени? Жан! НЕ все так приземлено.

– Я понял это еще утром! – он спохватился, что не сдержал тон и уже более мягко добавил: – Когда приехал и поднимался. Все-таки надо подняться и осмотреться на месте. Кто со мной?

– Все, наверное! – Виен поднялась, но взяла под руку Ника, чем доставила немалое удовольствие мужчине. Пробежавший утром «котенок» в их отношениях, никак не мог опустить шерсть, как они оба этого не желали. Ник, поднявшись на последнюю ступеньку, пошел вперед, взял ключ и уже уверенно открыл дверь. Стайка мотыльков вырвались наружу, будто ждали этого и закружили вокруг людей.

– Неужели они тут живут? – воскликнул Жан.

– Похоже. Когда я поднимался прошлый раз, они тоже тут были. Проходите же! Тут каждый найдет для себя много интересного. – последние слова он уже говорил нараспев, задумчиво. У зеркала лежала пара перчаток и шарф, а этого точно тут не было в прошлый раз, он сам их бросил в комод, к платьям. Повернул голову вправо, и тут его опять ждало удивление – платья аккуратно вывешены, пахли свежестью и духами. Теми самыми, тонкими духами, что витали в доме последнее время.

Виен прикрыла глаза от удовольствия – пахло садом, лопнувшими почками яблонь и ландышами!

– Духи воспоминаний! – проговорил тихо Николая.

– Как ты сказал? – улыбнулась ему Виен. – Да! Именно так! Ник, этот запах напомнил мне юность.

– А мне нашу первую встречу. – посмотрел на нее Жан. – Прости, я был груб.

– Сколько тут всяко-разно! – специально громко сказала Ев, отводя всеобщее внимание от родителей. – Платишки, платишки... – подойдя к вещам, принялась их рассматривать и прикладывать к себе: – Какая работа!

– А веера! – Вел кокетливо открыла один. – Моя слабость! – повернулась к зеркалу, взяла второй, за ним третий. – Это Ольги?

– Не помню я у нее этого. – ответил Николая, осматривая все еще раз.

– Я тоже. – кивал Жан. – Не ее стиль. Мама предпочитала велюр, сколько себя помню, и строгость в стиле. И ростом выше она, чем обладательница этих нарядов.

– Туфельки! – раздался голос Жаннетт. – Какая обувь! Я примеряю, вы же не возражаете? – Ножка уже скользнула в туфелек, а тот обласкал ногу, как будто шит специально для нее. – Парча, жемчуг..., обалдеть!

– Похоже, здесь все подойдет тебе, тетушка! – засмеялся Дэн и приложил платье к ее миниатюрной спине.

– Спасибо, племянничек – верзила! Вот только не надо надомною насмеяться. По мне, так женщина должна быть маленькой, как мы с Ви, в этом вся прелесть. Девочки – вы исключение из моих правил!

– Спасибо! – Ответили обе, даже не вникая в смысл ее слов, погружившись в аксессуары.

– Можно я возьму себе? – продолжала Жане, рассматривая свою ножку в зеркало. – Хотя бы одни!

– Бери! – Посыпалось со всех сторон.

– Семья! – Покрутившись у зеркала, Жаннетт загорелась новой идеей: – Пожалуйста! Посмотрите на меня, есть предложение! – Увидев глаза всех, продолжила. – Как вы смотрите на то, если я надену платье, закалю в волосы украшения...

– И это вся твоя гениальная идея. – Не дослушал Эд.

– Сначала дай мне договорить! Я это к тому, что так я смогу погрузиться в ауру хозяйки и, возможно, прочту ее мысли. Я так часто делала.

– Это замечательное предложение. – кивнул Жан, прохаживаясь по кругу и приподнимая крышки комодов, ящиков и прочего.

– Она здесь! – Виен выпрямилась, склонила голову вправо и поворачивалась на одном месте. Глаза сощурены. Ей хорошо было слышно дыхание и шаги. Вот ветерок коснулся щеки, пробежал по голове. Вокруг нее ходили, совсем близко, изучали, пристально рассматривали. Еще один оборот и ОНА замерла, приблизилась к ее лицу еще больше и отлетела.

– Где? – Побелела Вел и отошла подальше к окну.

– Не спугните ее! Тихо! – подняла руку Виен. – Дорогая... Не бойся, мы лишь хотим помочь... – Ответа не последовало, Виен вздохнула, понимая смехотворность всего положения и призыва, в том числе. Шорох юбки метнулся к двери, и тут Виен не поняла – ушла гостья или нет. Мобильный Жана ворвался испугав еще больше Вел.

– Слушаю! – коротко ответил мужчина, даже не глянув на номер.

«Жан! Здравствуй, это Карл. Звоню сообщить, что мы нашли немало претензий к вам! Ко всей вашей семье. Причина более чем веская, для встречи».

– Куда подъехать? Я готов ответить на все вопросы, прямо сейчас.

«Не перебивай! Мы приедем сами. Приготовьтесь, возможно, после нашего разговора, вам придется не только ответить на вопросы, но и покинуть дом».

Жан взорвался:

– Вы хотите сказать, что конфискуете нашу собственность?! Это, по меньшей мере, попахивает революцией! Только вы не учли одного, я думаю...

«Думай, что хочешь! Я мог бы и не звонить! Просто хорошо воспитан».

– Да уж! Намек на незаконное присвоение родового имущества трудно сопоставить с воспитанностью! Приезжайте в любое время!

«Я лишь сказал то, что счел нужным. А изгнание – поверь, вполне лояльно к тому, что мы вам предъявим».

– Карл! Вы забываетесь! В любых правилах есть субординация, презумпция и доказательство! Начните с последнего, а потом требуйте. Есть вопросы, попросите о встречи и задайте. Наше право ответить! Теперь не вы нас посетите, а я требую вашего приезда и ответа за оскорбительный звонок!

Виен весь разговор стояла за спиной и слушала сразу двоих – Карла, все его истинные мысли, и ГОСТЬЮ! Она была напугана и разгневана одновременно. Виен раздваивалась, не зная чего больше бояться.

– Они уже едут! – тихо произнесла Виен.

– Ты слышишь их?! – Жан взял ее за плечи. – Прости. Что ты слышишь?

– Дай мне минуту, я соберу все для пояснения. – Виен подошла к окну, попыталась его открыть, ей не хватало воздуха. Все были напуганы, и это было понятно, каждый в первую очередь думал о детях. К ней подлетел ветерок и, мысли начали складываться.

– Думаю нам лучше спуститься и основательно все обсудить. – Заявил Николая, первый пошел к выходу, все за ним.

– Наши трудности перерастают в проблемы. – Не дожидаясь пока все рассядутся начал Жан. – Как вы слышали, мне звонил Карл. Они едут забрать у нас дом, как компенсацию за наши промахи.

– Это не допустимо! – возмутились Эдгар и Дэн. – Да как они могут даже подумать о таком!

– Эти могут все! – ответил Жан. – Нам объявлена, долгожданная война. Будем им благодарны, что объявили. И начнем готовиться. Виен, ты можешь говорить?

– Нам нужны люди. – начала Виен. – Они готовились к этому долгие годы. Их много и они берут охрану. Карл и еще трое, я их не знаю, собрали обученных воинов. Как я поняла – это не посвященные, просто мясо, для достижения цели.

– Придется вызывать Игоря. – Эд достал телефон.

– Постой минуту. Леру надо забирать оттуда тоже, ей грозит опасность.

– А дети?! – ужаснулась Ев, Вел прикусила губу, в страхе за дочерей.

– Спокойно! – Жан соображал с бешеной скоростью. Таким его не видела Виен никогда, а уж пролетающие мысли, понять просто было не возможно. – Начнем с внучек – их надо увозить!

– Скажите. – Вел говорила дрожащим голосом. – Среди них есть обладающие маминым даром?

– Нет! Никто из рода не одарен и частицей вашего наследия. – ответила за мужчин Жаннетт. – Я это знаю точно, как и то, что никто из них не в курсе ваших способностей. Они пытались это узнать, но не смогли. Простите, у меня тоже спрашивали, я не хотела вас расстраивать. Сказала, что ничем. Они поверили, я же с вами часто.

– Спасибо! Ольга была единственной. – как в подтверждение сказал Жан. – Конечно, у каждого из рода есть определенный талант в том или ином, но сейчас не время обсуждать их возможности. Приступим к нашим правам и действиям. И так – дети будут отсюда отправлены срочно, в наше укромное местечко. Я думаю, Галина и Михаил смогут их защитить, какое – то время... и сделать так, чтобы у малышей не возникло страха. Далее, к ним присоединится Лера. Игоря придется оставить с нами. И у Галины не возникнет вопросов, просто едут путешествовать. Я ей доверяю! Девочки, вас мы просим так же остаться здесь, но если кто-то из вас пожелает уехать, мы пойдем.

– Жан, об этом даже говорить не будем. – Ев высказала свое мнение, повернулась к сестре. – Вел, тебе решать самой.

– Что за вопросы!

– На Ольгу нам рассчитывать нечего, поэтому и сообщать не будем. – произнес Эд. – Отец, твое мнение?

– Увы, это так. – во время его слов Жаннетт молча вышла и вернулась сразу же, со своим шаром. Присела за круглый столик, положила на него руки и уставилась вглубь. Дернулась, подкатила глаза, заговорила:

– Три главы самых больших семей объединились. Это те же, что возмущались с рождения девочек. Ольга была для них табу. А теперь они считают себя ущемленными. Ведь они старейшины!... Анатолий и Роза... С ними Филипп и Пауло. Он был последним доказательством их предположений! Охрана их на подходе, а они будут здесь завтра.

– Именно так! – кивнула Виен. – Я их четко слышу. Сейчас только их. Им осталось расселить людей поблизости, придут сами, остальные будут ждать сигнал. Выслушать нас даже

не собираются, хотят сыграть на неожиданности и веских фактах. Жан! Они говорят о нарушении двух основных правил. – Виен повернулась к нему, растерянная и удивленная. – Я и Лера. Что именно их не устраивает, не пойму.

– Ты и Лера?... Странно.... Я подумаю.

– Эд! Да звони же Игорю! – не сдержалась Вел.

– Звони! – Жан подошел к сыну ближе. – Пусть немедленно вылетают! Дэн, займись эвакуацией детей, вывезите их по подземке. Ник, звони ИВ, пусть возьмет одного, остальные – дом в осадное положение и сами в готовность. Да! Всех в отпуск, развезите, оплатите, скажите, что мы уезжаем, перезвоним. А теперь, простите, мне есть чем заняться! – сразу же вышел.

– Милая, собери детей. – попросил Эд. – Мне надо помочь отцу, я заскачу проститься с ними.

– Нам будет трудно без Михаила, но с ним мне будет спокойней за детей.

– Трудно? – Эд попытался пошутить. – Но у нас есть ты! А это, круче любой армии.

– Да, ну тебя.

– Любимая! Найди объяснения девочкам, о поездке, чтобы не возникло паники.

– Постараюсь.

Ев пошла к двери за сестрой, Дэн поцеловав ее нежно в щеку, подбодрил и, глядя на старших добавил:

– Я зайду ровно через пять минут. Мне надо в хранилище, дать им с собой все необходимое.

– Понимаю. – отозвалась Ев.

Жан вернулся минуты через три, заходить не стал, лишь открыв дверь, спросил:

– Жаннетт, Виен! Новости есть?

– Нет! – Ответили обе, Ви добавила: – Они находятся в уверенности своей победы и особо не заморачиваются. Я к внучкам, но начеку.

– Спасибо, родная! Жаннетт, ты-то с нами?

– Обидеть хочешь? – глянула на него и отвернулась. Жан облегченно вздохнул и удалился.

Войдя в кабинет, где работал Эд над аппаратурой, Жан старался не отвлекать его разговорами, делал свое дело. Дэн, собрав походный саквояж, довольно увесистый, пришел сюда же.

– Да, дети мои, если бы Ольга была здесь, было бы проще.

– Отец, столько лет прошло! – взревел Эд. – В чем легче? Тебе не хватает командного голоса? Мы справимся.

– Не можем не справиться. – поддержал Дэн.

– Меня радует ваша уверенность. – сказал Жан и пожал сыновьям руки. – Мы должны это сделать в первую очередь ради семьи но, не забывая о себе. На все сложности, возникающие в последние годы, победа была на стороне женщин, мы лишь помогали. Пора реабилитироваться!

– Приятно слышать такие речи! – Жан вздрогнул, сыновья выпрямились. На пороге стояла Ольга. Немного постарев, значительно похудев, одета, как в былые времена, в строгое, скромное платье. – Все вопросы на потом! – произнесла, как только к ней все повернулись.

– Мама?! – удивленно воскликнул Жан, Ольга подняла руку, останавливая его речь.

– Мне надо привести себя в надлежащий вид! Ночь впереди, все выскажите. Где мой муж?

Дэн переглянулся с Эдом, поднял брови и, опустив голову, отрицательно замотал головой. Ольга же добавила, не обращая ни на кого внимания:

– Девчушкам лишние эмоции перед отъездом ни к чему, знакомство оставим до возвращения. Прощу простить. – и вышла.

– Железная! – Проговорила Жаннетт, стоя прижавшись к двери, заходя к ним сказать новости, столкнулась с неожиданностью, так и не поняв, к хорошему ли. – Всегда ее боялась. Интересно, как они встретятся с Ником?

– Холодно! – отрезал Дэн.

– А дело намного хуже, чем я предполагал! – вздохнул Жан. – Пойду, предупрежу Виен, хотя она знала, что Ольга придет. Уверен. В одном Ольга права – ночь впереди. Сходите к детям. Жаннетт, поговорим у нас.

Глава 10

«Свадьба была скромной, быстрой, по обоюдному решению. Однако мнение Рода разделились. Одни говорили, что фарс, в такие времена могли просто поставить печати. Вторые – что зажали соответствующую церемонии встречу. Есть с чего, могли бы и угодить. Только Ольге все было безразлично, она любила своего Николушку и добилась его. Привязала к себе, приручила. Сама же закрыла глаза на его душевные переживания, веруя – время лечит. Он забудет ту девочку. А времени у них предостаточно! Скоро, совсем скоро она скажет ему всю правду о себе и семье...»

– Не забыл! – сказала сама себе Ольга, подходя к двери собственных комнат. – Как же я здесь давно не была, а ничего не поменялось. Только мужчины, наконец, стали мужчинами. Не ожидала я такого от девчонок. Молодцы! – протянула к двери руку, нажала ручку.

– Что у тебя? – хрипло спросил Жан у Виен, поднявшись в большую гостиную второго этажа. Он был на взводе. Приезд матери – удар поддых. Жаннетт пришла за ним, но была настолько тиха, что он ее даже не заметил.

– Ничего важного. Жан, что думаешь делать? – Виен встретила его стоя у окна, немного бледнее обычного. Шумели дети, бегая по комнатам и выскакивая в коридор, не понимая решения родителей и их молчаливого вида, радуясь отъезду.

– Оборонятся! – заявил он и увидел глаза жены: – Ты знала... – догадался, еще больше стало не по себе.

– Да! – коротко ответила Виен, проходя вглубь комнаты. Жан схватил ее за руку, развернул и поднял голову:

– Почему не сказала?

– Ты бы не встретил ее с таким спокойствием, полный решимости. И, сам понимаешь, не стал бы принимать собственных решений. Жан, не спорь, это было бы так! А теперь – ты останешься главой семьи. Останешься! Даже если она сделает все для сохранения спокойствия в семье. —

Зрачки ее расширились, слегка дрогнул нерв на лице. Жану этого было достаточно, он уже знал всю ее реакцию на неординарные ситуации.

– Милая, что еще? – обнял, смутившись собственного поведения.

– Ты о чем?

– Дорогая, ты побледнела. Они заговорили?

– А... Ты об этом. Да! Только не знаю, как на это реагировать. Их мнения разделились. Больше половины семей не поддерживают принятого решения старейшинами. Съезжаются все, но лишь для того, чтобы присутствовать. Вмешиваться не будут. Есть правда и те, кто отказался наотрез следовать за ними, но их очень мало. – Виен усмехнулась. – Прозвучала довольно веселая фраза, я процитирую: «Фактов, для свершения, у вас нет. Мы бы не приехали, но сплетнями сыт не будешь. Но, если факты вами будут доказаны – на коронации будем! Ссылку Гаев примем». Сказано-то, как! Коронация! Жан, где наша корона, хочу хоть взглянуть! – она улыбалась, но глаза «гуляли» и Жан понял, есть еще что-то, чего она пока не говорит.

– Ви! Что ты мне не договариваешь?!

– Она здесь! – прошептала, словно боялась, что ее услышат.

– Здесь, мы же переговорили на эту тему.

– Ты не понял... Мы в комнате не одни... Она здесь! – повторила Виен и выпрямилась.

В этот момент Жаннетт очень странно начала себя вести, закатила глаза, покрутила головой и подошла к ним настолько близко, что Ви сделала шаг назад. Долго всматривалась, внюхивалась, резко отошла от них и села за стол:

– Это мой бой! – голос Жане стал не знакомый, властный и недовольный. – Да, это мой бой! Я должна отомстить за содеянное. Столько столетий они пытались быть людьми, но гены родителей перебороли. Дети убийц!... Что от них можно ждать?! Только наследственной жажды!... Где Ольга?!

– У себя в комнате. – Ответил Жан восприняв слова Жаннетт очень серьезно.

– Железная! – продолжала Жаннетт, поднявшись и направившись к двери. – Только не с теми, с кем надо было. Вырастила пиявок! Выкормила. Пустила на все готовое, дала им право голоса. Их надо было оставить смертными! – Жаннетт едва не грохнулась у двери, не видя порога и не чувствуя под ногами ступеней, Жан вовремя ее подхватил. По коридору раздавались шаги, и ветер отбрасывал портьеры на окнах в сторону, устремляясь вперед. Жаннетт сникла.

– Она пошла к Ольге. – пояснила Виен. – Пойдем или дадим им выяснить отношения наедине?

– Я так понял, это моя бабушка пожаловала?

– Правильно понял. Иди если хочешь, я побуду с Жанэ. Она скоро придет в себя.

– Нет! Я дам им время поговорить. Позовут! Надо с внуками проститься.

– Иди, я все сказала им, что хотела. Боюсь разреветься. Заподозрят неладное, будут плакать. А так... – Виен не договорила, сглотнула слезу и отвернулась от мужа. Он сжал ее плечо, целуя в затылок, и оставил комнату. – Хорошо весна! – продолжала говорить Виен, смотря в окно. – ИВ скоро будет здесь, морем быстрее. Да и детки радуются путешествию... Вот и Лера, без вопросов сложила вещи и последовала за Игорем. Он молодец, честно сказал, что у нас трудности, но и уберег от подробностей. Жан, ты меня слышишь? – муж не ответил, зато Жаннетт подавала голос и Виен присела около нее: – Что-то подать?

– Нет! – замотала головой женщина, потеряла виски. – А что это было?

– Ты была «голосом».

– Во как...

Вел и Ев мужественно держали улыбки на лицах, прощаясь с детьми, даже шутили, называя их «лягушками путешественницами». Хотя прекрасно понимали, что могут больше не увидеться. Дэн отдал необходимые медикаменты, микстуры и прочее. Эд передал Михаилу большой пластиковый конверт, который тот должен открыть если... В нем лежали новые документы на него и Галину, где девочки были их дочерьми. Несколько пластиковых карточек. Посмотрел без слов и вручил увесистую пачку наличных и, подумав с минуту, еще одну карточку.

– Код ты знаешь. Но не пользуйся ей сейчас. Только наличные. Тут достаточно, чтобы несколько месяцев ни в чем себе не отказывать. Да, еще! Книга и все архивы, будут в хранилище. Доступ тебе предоставлен. Запасы зелья ты знаешь где. Если случится не поправимое, выжди, а затем, катакомбами, вывезешь по частям. Мы уверены, они не продадут смертным дома. А пройти туда, сам знаешь, не посвященному, нет никакой возможности.

– Мог бы и не говорить. И все-таки, спрошу еще раз. Почему я? Мне здесь надо быть.

– Ты сможешь спасти детей. Это решение отца. Звони только на его личный, и мы будем звонить только с него. Если с любого из наших телефонов последует звонок – не отвечай! Возможно, мы переиграем, и ты вернешься, но сегодня так. Повоевать успеешь.

– Знать бы когда... Ну, да ладно, дети главное всего. Прощаться не буду, не люблю! Скоро увидимся. – стиснул парням руки, обнял девушек и не увидев Виен, забежал наверх. Открыл дверь, приподнял ее за плечи. – Спасибо за все! И знай, – говорил мужчина, огромный как бурый медведь, по сравнению с ней, дрожащим от волнения голосом: – все будет хорошо!

– Я знаю! – кивнула Виен и улыбнулась ему.

– Читай мою голову, там будут все наши передвижения.

– Ты, Михаил, человечие! Я буду в твоих мыслях постоянно. Иди. – Его скупой поцелуй в щеку был очень откровенным и родным. Затем присел возле Жаннет, перебрался с ней парой шуточек и, усмехаясь – «Мы им покажем!», исчез из виду.

– Ты бы пошла к внучкам. – произнесла Жаннетт.

– Не могу, разревусь. Я им... Ах! В окно-то не увижу!

– Так иди! Слезы могут и от радости бежать. Мне уже хорошо.

И Виен побежала.

– Кто тут без меня решил уехать? Ишь, какие, бегуны!

– Что ты, ба! Мы никогда! – повисла на ней Агния. – Это так прикольно, как в кино.

– Что прикольного?

– Так в школу не пойдем. Это же приключение! – говорили Славки. – Классные у нас родители.

– В угол ваших родителей. Выдумали, школу пропускать! Правда, по секрету, между нами, и так можно, но не часто. Вы хоть Галину слушайте, как мам, занимайтесь. Чтобы когда вернетесь, в школе всех обогнали.

– Будем, будем. А Мишу слушаться как папу? – хохотали Славки.

– Ну, уж нет! – сказала Агния.

– Согласна. Михаила, как старшего брата! – девочки просто катались от смеха:

– Он старый для брата! Пусть будет Нянем!

– Пусть будет! Везет вам, по новой дороге поедете, мне и то Жан не разрешил прокатиться, только вам.

Фары осветили тоннель, Виен смахнула слезы и не отрывалась от красных огоньков до тех пор, пока на месте выезда не образовалась стена. Рядом всхлипывали дочери, но сил их утешить не было. Руки Жана, как подпорка, вовремя обняли за плечи, и он ее повел наверх.

– Никогда бы не смогла проститься так с дочками. Честное слово, просто не выдержала бы. Девочки сильнее меня.

– Не сильнее. Просто они их должны защитить. И это единственный вариант. Уехать с ними, или остаться – риск двойной. Не переживай, у нас целая ночь впереди, детей отправили, займемся подготовкой горячей встречи.

– Обещать не буду, сам знаешь, не в моей натуре быть безразличной. Сейчас же я пытаюсь, в чем же я так перед НИМИ провинилась? Знала, что не угодила, но не думала, что до такой степени. Только они молчат, как и о Лере. Это что, преступление, удочерить ребенка?

– Не изводи себя и не ищи вины, не найдешь. Ее просто нет! Серафим бы сказал! – на его лице появилась подбадривающая улыбка. – Их вина, что они не согласны с жизнью, какова есть. Не наша!

– Вечно ты насмехаешься надо мной.

– Всего несколько десятилетий! – приостановился в холле второго этажа, в ожидании детей, которые молчаливо шли сзади, слыша их разговор. – Я вызвал по одному охраннику с каждого дома, там тоже нужна защита, боюсь, могут заняться вандализмом, в поисках эликсира. Ольга нам строго-настрого запрещала упоминать о книге. Так что они не в курсе, иначе бы давно пытались ею завладеть. И, конечно же, рецепты зелья будут искать. Код не разгадан, сами понимаете, времени было предостаточно сделать анализы и открыть тайну. Что же, пусть поищут, пускай поэкспериментируют. Мы-то с вами знаем, как закончились для их родителей опыты.

– А охрана тоже, как мы? – спросила Вел, быстрее чем сестра взяв себя в руки.

– Только некоторые. Теперь-то, я задумался над увеличением людей. Ничего, сделаем! – он говорил и говорил, успокаивая таким образом не только женщин, но и себя. – Сыновья, небольшой отдых и через минут десять жду вас с идеями в кабинете!

– Мы придем раньше. – ответил Эд. – Нам еще дом укрепить, поставить аппаратуру на периметр, отдохнем после победы.

– А мне надо в кладовые, перенести больше эликсира в дом. Ночью будет трудней. А какой будет ночь, наверное, даже богу неизвестно.

– Я тебе помогу! – раздался голос Николая и он спешно подошел к ним.

– Встретились? – спросил его Жан.

– Поговорили! – коротко ответил Ник. – Когда пойдем?

– Буквально пару минут, дай мне. – попросил Дэн.

Виен совсем не хотелось бездельничать, но и куда себя применить, тоже не знала. А надо-есть мужчинам: «Дайте мне задание!», было по-детски.

– «Воспитанные»! – заметила Жаннетт, подняв обе руки и изобразив кавычки. – Дали нам время подготовиться.

– И то, правда! Жанэ, скажи, кто из Рода в курсе о том, что у Ев и Вел есть способности?

– Да никто! Иначе бы не предвкушали победу, а попытались вас, милые мои женщины, обезвредить. Да я вообще, в последние дни общения со всеми, начала замечать, что большинство наших, ничем не интересуется. Получили дозу и спрятались в норку для собственной улады! Это вообще нонсенс, что их Карл поднял. Они перемальывали треп Филиппа, как любые новости из СМИ. На этом все! Главным было одно – чтобы никто не лез в их частную жизнь! А кто там кого обидел, обворовал, надругался – по барабану!

– Может так и надо? Я же тоже не жаждала ни о ком узнать больше, чем мне сказали. Да и девочки. Что нам мужья сочтут нужным поведать, то слушали.

– И в перед не лезли! – Жаннетт разговорилась, ходя из угла в угол и жестикулируя. – Вы же перевороты под себя не устраивали?! Нет! Приняли правила и жили по ним.

– Ох, Жаннетт! Десять лет брака. Я и привыкнуть не успела к новой жизни. А пережито сколько! Как мне удалось пережить, одну только болезнь Вел, никто не знает! А когда Ев попала в картину? Как страшная сказка. Столько раз просыпалась после того и прислушивалась – думают дочери, снятся ли им сны, или опять что произошло. А тогда, когда их в гору затащило? Где-то через неделю, меня так трясти начало, что мама дорогая! Посшоковый синдром! Дэн поставил диагноз.

– Да уж! А ваши пауки? Виен, я ведь долго думала, что ты подобие Ольги, такая же холодная, без всяких сентиментальностей. – махнула рукой, подняла голову вверх, словно бросая вызов и, наконец, присела: – Раз так заговорили, признаюсь, совсем недавно, от нечего делать заглянула в шар и поняла, как я в вас ошиблась. Его-то не обманешь, в нем на первом месте душа, а она у тебя столько шрамов имеет. Мне стало стыдно и больно, за тот случай, с Жаном. Вот понимаю, что он ничего подобного не хотел. Что и уезжал в благих намерениях, а как подумаю, что и со мной могло случиться такое же, так сердце останавливается! У меня же никого нет.

– Понимаю. Теперь понимаю. Если бы не дети. Да и мужчины, ты знаешь о ком я, если бы не ИВ, с Михаилом и Игорем! Вот незаметно, негласно так все делают. Жанэ! – она улыбнулась ей. – Правда, Гаи, я всех-всех, даже охрану имею ввиду, у нас оболдевательные!

– Просто вы им в награду попались.

– Прости, – Виен смогла даже усмехнуться, – мы не попались, мы пришли!

– Точно! Пришли и направили их в нужное русло!

– Жанэ! Не надо так говорить. Они единственные, кого воспитывали уважать женщину. Отдадим должное Ольге!

– Отдадим, отдадим! Вот зайдет сейчас и отдадим, все что надо. – Жанэ как-то ярко говорила об свекрови. Виен не поняла ее настроения, поэтому постаралась свернуть тему.

– Охраны маловато и оружия! – услышали они у двери голос Эда.

– ИВ везет, звонил, скоро придут. – ответил ему Жан. Женщины затихли на время, думая, что сейчас к ним войдут, но мужчины продолжали беседу в холле. Как Виен поняла, они собрались там все.

– Оружие – это хорошо! – кивнула Жанэ, так же слыша их. – Его должно быть много. Ох, и припомню я молодость! Ви, а вы с девочками как к этому?

– Я нормально, приходилось обучаться.

– А в людей?

– Нет! Но уверена, если будет такая необходимость и мне надо будет защитить детей, рука не дрогнет. Подожди! – Виен поднялась и подошла к окну. – К нам едут и это не наши! – она быстрым шагом пересекла комнату. – Жан! К нам гости, уже у шлагбаума! Постой! – она наклонила голу, как всегда, когда прислушивалась к чьим-то важным мыслям, подняла руку, удерживая мужчин: – Да, я не ошиблась, это не враги, мысли чистые.

– Я понял, встречу.

Уже через несколько минут, когда Жан помчался встречать, Виен поняла, что это родные Татти, всей семьей.

– Приветствую! – встретил их Жан.

– Простите что без звонка. – ответил Стефан, протянув ему руку. – Как только узнали, решили время не терять. Куда поставить машину?

– За это не волнуйтесь, проходите в дом. – Жан кивнул Юрию и отдал распоряжение закрыть большие ворота у главного въезда, о которых, в суматохе, все забыли.

– Мы не одни, с нами охрана, сейчас подъедут. Думаем, любая помощь будет важна.

– У меня нет слов, для благодарности. Но поговорим внутри. Ваши комнаты не готовы, но там всегда прибрано, располагайтесь, отец спустится к вам, как освободится.

– От Ольги вести есть?

– Она дома. Не могу сказать, что посетит вас прямо сейчас. Я передам ей о приезде.

– Дома! – Стефан искренне обрадовался. – Это замечательно! Пшешики тоже должны подъехать, ближе к вечеру.

– Обязательно встречу! – Жан ликовал в душе. Две семьи, достаточно весомые, были на его стороне, даже приехали поддержать! А это многого стоит. Но внешне он не проявлял эмоций.

В фойе гостей уже ждал Ник, склонив голову, провел в гостевую, куда принесли чай и перекусить:

– Спасибо, что с нами. – поблагодарил он старого друга. Но разговор, как раньше, не вязался. – Ольга скоро спустится лично выразить благодарность.

– Мы не надеялись ее встретить.

– Признаюсь честно, мы тоже не ждали ее приезда сегодня. Однако Ольга верна себе. А Вы, я смотрю, решили все-таки «уйти».

Стефан и его жена Мари сильно постарели. Сколько им еще, никто не ведал, но держались молодцом. Родственники же их, даже старший брат Мари, внешне казался намного моложе.

– Да, Николая! Столько лет прошло, как мы потеряли дочь, а забыть не смогли, как и найти смысл в существовании без нее. Отдались в руки Господа. – ответил Стефан. – Но сейчас рады, что не случилось раньше, хотим вернуть вам должное.

– Что Вы такое говорите! Дети всегда идут против родителей. Одни яро, вторые – щадя, но все же не подчиняются писанию. Татти запуталась, она сама пришла к такому концу, вы тут не виноваты. И мы не делали ничего, чтобы получать благодарность. Простите, мне надо уйти, дела. Да! Я должен предупредить. – Ник повернулся к ним у самой двери, рукой поглаживал подбородок, ища доступные слова. Не смог подобрать ничего сглаживающего, сказал как есть. – В доме витает Дух матери нашей Ольги. Не пугайтесь, если услышите. Она мирная, если можно так сказать.

– Дух! – повторила Мари, широко открыв глаза. – Вы ее только слышите, или видите?
– Кто как. Не бойтесь. Прошу простить. – Он опять наклонил голову в почтении и закрыл за собой дверь.

«Жертвовать всем ради любви или бороться? Бороться! До последнего вдоха, до последнего слова, до последней капли в твоём теле. Не сдаваться, а закрывать своим телом любовь. И тогда у тебя, обязательно, вырастут крылья».

Ольга сидела у зеркала, смотря не на себя, а куда-то вглубь его. Воздух родительского дома ее исцелил и навеял воспоминания. Она «прошла» назад, до знакомства с Николаем и вдруг вспомнила пламенную речь, которую сама же и говорила себе сто раз, прежде чем он прыгнул с моста. Ее так тянуло углубиться еще дальше, побывать в детстве, но не смогла, застопорилась на нем, осознавая и вместе с тем, наслаждаясь тем, как они были близки, там, в далеком прошлом.

– Nostalgie! – воскликнула она вслух. – Только этого сейчас и не хватало. А Ник видно нарочно меня избегает. Не привыкать, подожду, теперь-то мне уже спешить некуда. Однако нужно сосредоточиться. – отвернула зеркало, открыла настежь окно и закурила, уносясь в те места, где против ее семьи собиралась свора. Она начинала их ненавидеть, ругала себя за это и опять находила крутые слова в адрес палачей. Только дома поняла причину всех своих видений, только тут увидела, что семья ни в чем не провинилась. Что никто ничего не нарушил, а скорее наоборот – мужчины приобрели свое лицо. Даже муж стал уверенней и привлекательней. Тем не менее, она тут же осознала, что втянулась быть одной. Что не сможет больше ни с кем делить дом. Да и возвращать себе правление не хотелось. Она приехала, потому что должна была приехать, потому, что как не крути, а они все ее дети! И решить конфликт надо попытаться миром. А если взорвавшаяся кучка не остановится – вылетит на них весь свой гнев и обиды. Какой? Да потом найдет. Сейчас же она восстанавливалась и радовалась, что ее все игнорируют. Сигарета истлела, она достала вторую, усмехнулась, вспомнив, как обещала Виен бросить и затаилась в свое удовольствие, не назло, а так, вредничая. Уже после второй затяжки мысли понеслись в нужном русле, и она построила четкую картинку защиты. Предъявленные обвинения она знала, даже четче, чем сами обвинители. Поэтому дать им отпор не составит труда. Но вот что самое интересное, она начинала возвращать потерянный ею дар.

Несколько раз ей казалось, что кто-то не решается войти, но кто не могла понять. Это была женщина, в душе которой горел огонь недовольства. Однако не входила по не понятной Ольге причине, унося с собой пылающий шар недовольства. А Ник носился. Как же ей хотелось сначала поговорить с ним! Ей недостаточно было тех нескольких слов, с которыми они встретились.

– Ольга! – увидел он ее и замер.

– Да, но не пугайся. Я не надолго. – прошла, стала у окна и сразу достала мундштук, из оставленной ей сигаретницы. Даже не удивившись, что она так и стоит на своем месте, вот уже десять лет. Долгих десять лет, ее отсутствия в доме.

– Я уже столетие как вышел из того возраста, когда боялся женщин. – усмехнулся, гордо поднял подбородок и это ее поразило, в хорошем смысле:

– Даже так?! – рука с зажигалкой застыла, она, не прикурив, изучала мужа.

– Знаешь, мне не до твоей иронии, замечаний и напутствий. – Николая расправил плечи, но ни капли бравады, полное спокойствие, хотя и признался: – У нас сложности. Прости, но мой долг быть с семьей! – проговорил, склонил голову в почтении и притронулся губами к ее руке. Моментально вышел, не дав ей ответить. Тихо, но плотно закрыл дверь, сразу побежал вниз. Она интуитивно подошла к двери приоткрыла и слушала, как бодро звучат голоса, провожая малышей, и как тревожно колотятся сердца у всех, кто сейчас внизу. И ее сердце защемило, но она умела его остудить.

Глава 11

Лера, получив сообщение об отъезде, не задала ни одного вопроса. Сложила сумку и, пока Игорь сносил вещи в арендованное авто, пробежалась попрощаться с друзьями и учителями. Как только сели в самолет, прижалась к Игорю, с полными слез глазами, сама не понимая причину своей сильной грусти. Игорь не отпускал ее руку, ни на минуту. Молчал, временами легонько, сдавливая ее ладонь. Лера не задавала вопросов, ожидала, поглядывала на него, выискивая ответы в выражении его лица, и опять ждала.

Маленький частный самолет набрал высоту, Игорь обнял Леру очень крепко. Намного крепче, чем когда-либо. Отвернулся к окну, немного подумал и заговорил:

– Возможно, я сейчас сделаю глупость, нарушу все указания, но оставлять тебя в неведении я не могу. Прошу тебя, слушай внимательно и не задавай вопросов. Пожалуйста. – Валерия подняла к нему глаза, а руками сильнее вцепилась в его локоть. Он посмотрел тревожно, но улыбаясь, поцеловал глаза, затем нос и притронулся к губам. Немного отодвинулся, чтобы лучше видеть ее, подмигнул и поднял ее руки. Губы не столько целовали, как согревали ее пальцы. Затем опять придвинулся и заговорил прямо на ухо. – Зяблик! Над семьей, а значит и всеми нами, нависла небольшая невзгода.

– Игорь! Если это небольшая невзгода, то почему так больно в душе?

– Солнышко! Это любовь и тревога объединились. Прошу, не перебивай. – Лера кивнула, посмотрев на него, и Игорь заметил дрожащий подбородок. Но она вернула себе самообладание и замерла, ожидая его слов. – Девочка моя, я тебя так люблю, что слов не хватит сказать об этом. Ты не думай об опасности. Мы, а в частности я, будем делать все, чтобы избавить вас от треволнений. Да, ты права, это не простые неприятности. Поэтому мы расстанемся, ненадолго. Как только все уляжется, я вернусь за тобой, и мы опять отправимся в Италию. А может, еще куда-нибудь, где можно научиться новому и полезному. Ты только помни, что я тебя люблю и хочу стать тебе ближе, чем есть сейчас. Прожить с тобой долгую и безоблачную жизнь. Баловать, как баловали родители, оберегать, как оберегали отцы и заботиться, как заботились мамочки. Я готов ждать ровно столько, сколько понадобится тебе. Если конечно, ты любишь меня. И, конечно же, если хочешь создать со мной семью. Не отвечай сейчас, подумай над этим хорошенько. – Замолчал и, нежно поглаживая ее руки, целовал макушку, не шевелясь и практически не дыша, боясь спугнуть ее и то, что сейчас было между ними.

Полет прошел свою половину, а они все так же были немногословны. Но вот Игорь слегка отстранился, взял портмоне и достал пластиковую карточку.

– Положи в сумку. И, чтобы не случилось, помни – ты для меня все, что есть чудесного, милого, яркого в этом мире.

– Игорь!

– Не надо, милая, любимая! И плакать не смей! Давай просто помолчим. Нас встретит Михаил. Ты поедешь с ним и постарайся, чтобы малышки, как можно дольше, ничего не узнали. У них ты, после родителей, самый близкий человечек. Помоги Галине и Михаилу заботиться о них, это трудное время. – девочка кивнула, а он не сдержался и страстно, впервые, по-взрослому, поцеловал ее, затем опять прижал к себе и время от времени, до самой посадки, целовал ее золотые локоны.

Напряжение и сдержанность в словах охватили дом и всю семью Гаев. Ни минуты паники, только скрупулезное выполнение всего необходимого. Приготовили все, от вывода коней из конюшен в укромное место, до новейшего оборудования охранной системы по всему периметру имения, которую, сами не зная зачем, так вовремя подготовили мужчины. Сделав все, что могли на данный момент, сели за накрытый стол в столовой хозяйственного блока,

с прибывшими к ним гостями. Ольга молчала, практически не ела, а девушки, немного посмотрев на ее манерность, принялись кормить мужей, усиленно. Скорее всего, в этом выражались их страхи.

– Простите! – появился дежуривший у пульта охранник. – Там еще приехали гости.

– Это Пшешики! – напомнил Стефан и первым поднялся.

За окнами стоял значительный гомон, громкие голоса разрывали непривычную тишину.

– Они что, приехали всем семейством? – поднялся за ним Жан. – Со слугами? – заглянул в окно: Не волнуйся отец, – усадил Николя на место. – Я сам их встречу.

Шум приближался и усиливался. Захлопали двери, затопало несчетное количество ног.

– Маловата эта столовая для стольких людей! – Ольга выпрямилась: – накормить людей надо, с дороги. Предлагаю... , переместиться наверх... Если, конечно, никто не против. – никто не проронил ни слова. Поднялись. Женщины взялись собирать со стола, парни подхватились, помогли им перенести все в большую столовую, оставив все необходимое для слуг, которых ИВ тут же взял под свою опеку.

Встреча была без лишних слов, лишь сильные рукопожатия показывали силу поддержки.

– Рассказывайте! – как только уселись за стол, попросил Пшешек, старший приехавшей семьи.

– Нечего нам рассказать, мы сами в недоумении. – ответил Николя. – Честно говоря, мы давно ожидали, только надеялись на благоразумие.

– Может Вы нас, хоть немного просветите? – добавил Жан.

– Да и нам нечего сказать. – Пшешек глянул на Ольгу, та вымученно улыбнулась, но осталась молчаливой. – Похоже, Карл и его подручные, держат интригу, чтобы собрать больше сторонников. Нам он позвонил, объявил, что старейшины не довольны обстановкой в РОДУ. Предложил присоединиться для искоренения... – говор Пшеша, делал предложения мягче и игривей. – Простите меня, но какая обстановка их не устраивает?! Нас никто не терроризирует, не вмешивается во внутренние правила, не требует отчетности и прочее. – он размахивал руками, жестикулируя, словно заменял недостающие слова. – Простите, но я не считаю его старейшиной! Почему должен присоединяться? Наша семья ничуть не хуже их тройки, да и не младше. Мы прекрасно помним, с чего все началось. Мы не забыли, что нам дали Ольга и Алекс. Каких, слабых и заброшенных, подобрали и какими мы стали. Перечеркнуть все это? Простите – но нет! Я им так и сказал. Может мы и не воины, как они, но плечо свое вам готовы подставить, ради справедливости.

Ольга молчала уже достаточно долго. Слушала, смотрела прямо в глаза, собиралась с мыслями, не проронив ни слова за несколько часов. И даже выйдя из-за стола, взяв из рук мужа чашку чая, села в стороне и уставилась в одну точку. Никто ее не трогал. Позвонил помощник и лучший друг младших Гаев, Влад, отчитался по поводу фирм и обрадовал, что никаких отклонений и поползновений не было. Что ничего странного не замечено:

«Может мне приехать к вам?» – уточнил он, прежде чем прощаться.

– Нет! – сразу отказался Эд. – Ты должен проследить, чтобы все было в рамках закона. Не те времена, чтобы брать силой весь наш бизнес. И все же... С завещаниями ты знаком, так что, будь добр, следи за этим.

«Эд! Неужели все так серьезно?»

– Если б я знал, что и как, то не расплылся бы на абстрактные указания.

«Все сделаю. Держитесь».

Как только Эд отключился, Стефан повернулся к Ольге:

– Прости, что перебиваю, знаю, ты ищешь решение, но нам бы хотелось услышать тебя. Твое мнение на все происходящее.

– Мне трудно судить и быть объективной. С нашей стороны никто не нарушил ни одного пункта правил Рода. Что касается бунтовщиков, простите, другого названия их действиям

не нахожу, то... – в углу зала упала на пол большая ваза и разлетелась вдребезги. По спинам присутствующих пронесся холод, шторы заходили ходуном, да и картины на стенах колыхались.

– Что это? – испуганно спросили Пшешики и заволновались. – Нас решили подорвать или природные толчки.

– Она возмущена. – загадочно для гостей, ответила Виен, а Жаннетт опять подкатила глаза и упала лицом на стол. Ольга резко развернулась, побледнела и напряглась. Ее одно плечо опустилось, как под сильным напором, но сразу же выровнялось. Жаннетт подняла голову, но глаза все еще были прикрыты веками:

– Хватит быть перинами, на которых любой может получить наслаждение! Сидят, сетуют, пожимают плечами. К ответу всех и немедленно! Да встряхнитесь же, наконец! Этот мир жесток и требует всех быть таковыми. Только сильные выживают, и добиваются в этой жизни многого. Я не требую возмездия! Мне оно ни к чему. Тогда, столетия назад, мы не знали, к чему приводят терпимость и доброе имя. Вы же начали с наследия Боли, так почему позволяете ИМ поднимать перья?!

– Это мать Ольги. – пояснил всем Жан.

– Да это я! – голова Жаннетт повернулась в его сторону и прикрытые веками глаза забегали, белки выглядывающие в щелки, пугали. – И я требую справедливости! Мне хочется покоя, но глядя на вашу мягкотелость, он мне не светит.

– Мама! – заговорила Ольга. – Тебе не следует волноваться, мы не отдадим им того, на что они не имеют права. Мы не поругаем твою честь и память, будь покойна.

– Мою?! Да ты о себе подумай! Об отце вспомни! Он, до сих пор, там. – рука Жаннетт дернула и зависла, указывая в сторону сада. – Даже дух его прикован путами.

– Мы все сделаем! – твердо добавила Ольга.

– Ты уже сделала! – голова Жаннетт развернулась к Ольге: – Вырастила кровопивцев! К присутствующим это не относится. Куда смотрели твои глаза? Где витали твои уши? На что растеряла чутье? Филипп – он с маленького был такой. Неужели не видела, что все его действия заключались только в собственной наживе?! А Пауло? Бесчестный, лживый и лицемерный – чем заслужил такой дар? За что ты даровала ему жизнь?... Молчишь... Тогда о Карле, напыщенном дураке. Прятался столетия – вылез! А где же он был, когда нас бросили на гриль?! Но он-то ладно, ты могла и не помнить его трусливых действий. Но Анатолий и Роза! Дети палачей. Вы же сами вложили им оружие в руки!

– Что ты на меня сейчас кричишь?! – Ольга поднялась и повернулась к Жаннетт. – Что вы нам с Алексом оставили? Подвал?! Кучу загадочно написанных рукописей? Вспомни все, раз уж ты начала предъявлять претензии, сколько времени мы были в курсе семейной тайны? Да, ни вы, ни мы тем более, не могли и подумать, что над вами свершат. Однако я старалась, как могла. Не надо на меня вешать всех собак. Пожалуйста! И говорю я все это не потому, что ищу твоего прощения или оправдания, мне нечему виниться. Я прожила жизнь, соблюдая оставленные вами, тобой и отцом, правила. Я не отступила от них ни в чью сторону, не на одну букву. Для меня все равны – собственные дети, или те, что я приютила. Виновные будут наказаны, по нашим правилам! Это я говорю, пока еще, ваша преемница! – Она подняла высоко голову, и не глядя ни на кого, села на место.

– Хорошо говоришь, только не сходитесь. Твоя строгость чрезмерна, лишь для своих и очень лояльна, для остальных!

– Зато мои дети и внуки чисты перед законом Бессмертия!

– Простите, что перебиваю. – поднялся Жан. – Но не могу проглотить несправедливость. Мы не Боги, а только люди, с привилегией жизненного времени. Не нам карать. И ежели все бунтари дожили до этих дней, значит, на то была воля Проведения.

– А ты мне нравишься. – Жан почувствовал, как холодок, не пугающий, а освежающий, прошел сквозь его глаза и разбежался по всем членам. – Созрел для умных решений. Но это не заслуга матери, это, наконец-то, вырвалось на свободу твое собственное Я.

– Значит и она приложила к этому руку.

– Великодушный внук! – говорила Жаннетт. Теперь на ее лице начали проявляться эмоции: – Решил не прятаться за юбками... Память коротка? – она уставилась на него и Жан дрогнул, он не видел Жаннетт, перед ним проявилось чужое лицо. Всего на мгновение. – Я устала, но еще вернусь!

Воцарилась полная тишина, на какие-то минуты. С силой хлопнула дверь и все до одного почувствовали облегчение. Жаннетт открыла глаза и смотрела на всех, ничего не понимая, но ощущая горечь во рту и тяжесть в голове.

– И что все это значит? – зароптали Пшешики.

– Это Вера Гай, родоначальница и мать Ольги и Александра. – принялся пояснять Николя. – Именно их, ваши родители сожгли на костре, на их глазах.

– Но почему мы не знали? И знают ли остальные?

– Я не хотела, чтобы вы это помнили. – ответила Ольга. – Вы были совсем маленькими. Я и так долго сомневалась, даровать ли вам то, что я имею, или отпустить, как многих. Но, так уж случилось, что по той, или иной причине, вы стали бессмертными. Не жалею, что приложила к этому руку, ибо никогда не сокрушаюсь над сделанным.

– Никогда? – глянул на нее Жан, и Ольга поняла, что он имеет в виду. Ни одна из женщин Гаев не подняла к ней своих глаз. Ольга чувствовала их не любовь, но вместе с тем от них шло уважение, как матери Рода, так и матери их мужчин. Да и то, кем они стали, требовало отдать ей должное.

– Оставим это на спокойное время. – попросила она сына и вернулась к прежней теме: – Да, я не говорила никому, кто вы есть, как попали в мою жизнь, потому что надеялась, с вашим неведением, душа станет чистой, а все произошедшее канет в лето. Что вина родителей никак не лежит на плечах детей...

– Я готов нести ответ, за содеянное родителями, несмотря на то, что ничего не знал. – поднял голову Стефан. – Возможно, именно незнание, привело к тому, что произошло с Татти. Не даю гарантии, но я бы был строже к ней. Единственно, что точно знаю – именно поэтому мы сегодня здесь.

– Давайте прекратим бессмысленные разговоры. – поднялась Виен, достаточно долго хранившая молчание. – Все, что нам надо сейчас – это объединить усилия и попытаться вразумить, пусть не всех, но большинство. Я не хочу войны, и уж если так складывается, что я причастна к ее возникновению, то готова лечь на алтарь, чтобы достичь победы. – брошенное ею слово, возможно и не было преднамеренным, но Ольга вздрогнула, приняв это на свой счет. – Только поясните мне мою вину. – никто не заговорил. – И еще... Пока мы здесь все собрались. Только поймите меня правильно. Я прошу отправить Игоря к внукам, а Михаила вернуть сюда.

На лицах всех до одного поселилось удивление.

– Дорогая, Михаил сможет их защитить! – попытался пояснить Жан.

– Ни в коей мере не выражаю к нему недоверие. Скорее всего, он опытной, надежной и мудрей. НО, вы забыли о маленькой детали – там Лера. Ее подрастающее, ранимое сердечко на надрыбе от всего, что происходит, в том числе и неведении даже части правды. Сначала на нее покушаются, потом в ссылку отправляют... Она только – только почувствовала росток любви в своей, сложной жизни и мы, своими руками, пытаемся его уничтожить. Я не допускаю даже мысли о нашем поражении, но вы только подумайте, что будет, если мы проиграем? Михаил замечательный, но дети к нему не привязаны так, как к Игорю. Он же всем как старший брат! А Пауло? Вы помните о нем? Он же сделает ее жизнь адом! Он найдет Леру, а значит и наших малышей.

– Он хоть так, хоть эдак, найдет, если мы потерпим поражение. – заметил Дэн.

– А мы «за»! – сказала Вел, глядя на сестру.

– Я, несомненно, тоже! Чтоб там ни было, мне как-то с Мишкой надежней. – улыбнулась Жаннетт.

– Мы, тем более. – заговорили гости. – С Михаилом пуд соли съедено.

Ольга подняла руку, не проронив ни слова.

– Вот что ты из меня, всегда, мужлана делаешь? – с грустными, до боли глазами, но улыбаясь, сказал Жан и поцеловал Виен руку. – Мы подумали, что так надежней. Когда рядом Вел, я же за себя не боюсь... – он подмигнул дочкам и расправил плечи: – Раз любовь требует, то пока они не расстались, я звоню?

– Давно пора! – похлопала Вел по руке свекра, обнявшей ее.

– По времени, так они приземляются. – заговорил Дэн. – Пока пройдут таможеню... Михаил все оценит, отвезет их по адресу... и к полуночи будет с нами. А может... дадим голубкам, минутку, почувствовать вкус расставания и вернем?

– Я тебе сейчас попробую! – глянула на мужа Ев. – Нашел забаву!

– Вы просчитались. Они уже попрощались. – оборвала их всплеск веселья Ви. – И то, что на душе у двоих, вы и представить не можете. У парня даже злости нет, на происходящее.

– Так чего рассусоливаем, звоните! – огорошила всех Ольга. И тут же поправилась. – Мне с Михаилом, тоже сподручней. Повстанцев знает, не понаслышке... Да и пожил...

Игорь взвалил на себя все сумки, пристально поглядывая по сторонам, шел к машине, когда прозвучал звонок от Эда. Остановился:

– Мы уже на месте. – без разглагольствования сказал парень. – Сейчас вручу Леру Михаилу и пулей к вам.

«Не тараторь! Планы меняются, ты едешь к детям. И не дай тебе Бог, с их головы упадет хоть волосок, хоть одна напрасная слезинка. Найду и сделаю твою жизнь грустной! Михаил вас проводит. – Эд не дал ему вставить даже слова, по дыханию чувствуя настроение. – Смотрите, чтобы не пропустили слезку. Инструкции все у него. Как только будете на месте, пусть той самой пуле, что собирался отправиться ты, летит к нам Михаил. Все понял?»

– Так точно, шеф! – Голос парня приобрел некий, совсем мизерный, оттенок радости.

«Обними ребетенков, расцелуй от нас, всех, крепко. Пока связь прерываем. Если мы не позвоним завтра к ночи, нам не звоните, мобильные карточки все до одной, уничтожьте. Оператора смените. Мы сами, свяжемся с вами. – добавил он, уже успокаивая всех. – Отбой!»

Убрав мобильный от уха, добавил. – Всем привет и все остальное!

Все невольно опустили головы, отдавшись воспоминаниям, но никто не спешил покидать комнату, уединиться, или просто побыть наедине.

– Что это? – первой задала вопрос Ольга, а вслед за ней и прибывшие семьи заинтересовались звоном, раздающимся из их подвалов.

– Родник нас вызывает! – поднялся первым Николай. – Наверное, книге есть, что нам сказать. – Он подошел к двери, открыл и отступил, пропуская всех. Брови были насуплены, и из-под них он поглядывал на жену. Ее лицо выдавало внутреннее состояние, а оно говорило одно: «Как же много изменилось...»

Глава 12

Неожиданный звон колокола, да еще в присутствии гостей, плюс к этому такое спокойное поведение мужа и сыновей, заставило Ольгу последовать за всеми в святое святых ее дома, и всеми силами, на какие было способно ее самообладание, удерживать рвущееся из нее противоречие и напоминание об определенных правилах. Спустились. Ольга краем глаза наблюдала за интересом приехавших гостей, но войти в комнату сразу не смогла, замерла у порога. Жаннетт, придя сюда, как и все гости, впервые, прочувствовала величие и с замиранием сердца, широко открыла глаза. Теперь, именно здесь, ей, как и друзьям дома Гаев, до конца открылась значимость этой семьи.

– Мама! Чего стоишь? Иди к книге! – проговорил Жан.

– Нет! Я передала свои обязанности, раз и навсегда! Так что девочки, это ваше право.

– Прости нас, Ольга! – Виен повернула к ней лишь голову. – Жан глава нашей семьи, мы лишь его дополнение. Ему решать, что делать.

Жан колебался секунд пять. Бросил на мать еще один взгляд и пошел к алтарю. Книга открылась сразу, вот только на листе не было слов. Он, было, собрался сказать об этом, как появилась картинка – дерево с могучим стволом, пышной кроной и корнями, уходившими в землю. Еще немного и в самом низу страницы проявилась подпись: «Семья крепнет – крепнет Рода мощь!»

– Прошу прощения, вам всем следует это увидеть. – наконец произнес он. – Поднять ее не смогу, подойдите, пожалуйста все. – чтобы не создавать толпы, хозяева пропустили вперед гостей и выдержано ждали пока те поймут, что они видят. А колокол продолжал бить, все громче. Виен опять первой увидела Серафима, мерцающего на фоне воды, и губы тронула легкая улыбка, представляя очередное удивление свекрови.

– Собрались все? – раздался его громогласный голос, такой Виен не слышала ни разу. – И ты, Вера, здесь? – он сегодня был менее человечен. Хоть и размытые очертания, но все же облик его был неземной.

– Здесь! – прозвучал голос со стороны алтаря, все невольно обернулись на него, но ничего не увидев, вернули внимание водопаду, где уже четко был виден ангел их семьи, с приподнятыми над плечами крыльями.

– Хорошо! – вода струилась, и облик Серафима извивался под ее падением, но с каждым словом он проявлялся, как бы материализуясь из нее: – Я пришел сказать, вам следующее... – он сделал паузу, собрал всеобщее внимание, колокол онемел, Серафим продолжил свою речь: – Вы много столетий доказывали свою чистоту, справедливость, лояльность к окружающим, а главное, не кичились этим. Однако не всегда одна лишь любовь сохраняет мир и покой. Детей наказывают словами, но бывают моменты, когда в воспитании необходимо предпринять действия. Боритесь, защищайтесь сами и защищаете справедливость. Решение свыше было принято и оно таково: «Восставших лишаем блага, дарованного избранным!»

И он растворился, колокол сделал три удара с короткими интервалами и замолчал, вода спала до тонкой струйки, а книга зашуршала, собирая странички, и закрылась на все замки. Все это ошарашило гостей настолько, что они так и стояли, с открытыми широко глазами.

– Часто у вас такое? – тихо спросила Ольга у мужа.

– Достаточно. – коротко ответил Николя.

Наконец и прибывшие семьи пришли в себя, принялись обсуждать, перешептываясь и не уходя, боясь, что пропустят еще нечто.

– Теперь вы видите, что они на своем месте? – первой, громко, заговорила Жаннетт, смело подняв голову, но стараясь не мешать беседе Гаев.

– Да мы и не сомневались, но почему они молчали об этом?! – ответил за всех Стефан.

– А вы хотели, чтобы мы объявления по телевидению дали? – спросила Вел. – Не этим завоевывают уважение, а делами. – Ольга повернула к ней голову, но Вел не реагировала на ее присутствие, продолжала: Думаю, вы не будите протестовать, что Гаи веками делали жизнь Рода спокойной и отлаженной?

– Это так, но все-таки... – начал Пшешек, но Жан, учтиво извинившись, перебил его:

– Прошу простить, но нам удобней будет продолжить разговор наверху.

Перебрались в большой холл, где благоприятно разместились все. Пока Николя угощал всех горячим чаем, Жан незаметно отвел Виен в сторону:

– Есть новости?

– Как тебе сказать...? – Виен улыбалась. – Я, возможно и ошибаюсь, но там, – Виен кивнула в сторону, откуда к ней летели мысли заговорщиков: – празднуют победу.

– Что? Виен, ты не преувеличиваешь?

– Я же сказала, что могу и ошибаться. Только..., как тогда объяснить их пиршество? Милый, они настолько спокойны и уверены в себе, что расслабились, в буквальном смысле слова. Их уверенность в то, что мы сдадимся, зашкаливает. Правда, Карла с ними пока нет. – Жан молча смотрел ей в глаза, а она, слегка прищурился глаз, и как обычно, в такие моменты, склонила голову вправо, продолжала: – Об Ольге не знают.... Это что же получается, что за домом не следят?

– Возможно.... – раздумывал Жан. – Хотя, быть может, она приехала раньше, чем установили слежку...

– Странно. Ведь то, что мы вызвали Леру – знают.

– Это не сложно, она в школе прощалась.

– Подожди! – Виен подняла руку и пошла ближе к окну. – Жан, я слышу Карла.... Он с группой людей.... Где-то здесь, не далеко. Да, да! Основной состав внизу, где-то на набережной. А он, тут.... Человек десять с ним..., не больше.... Общаются, как военные – четко, только «да», «нет».

– Так о чем они говорят? – Жан уже начинал догадываться, но ему надо было подтверждение.

– Просит: не расслабляться, не суетиться, выполнять распоряжения, исключительно по приказу.

– Это хорошо. – обрадовался Жан. – Значит, у нас есть время их остановить.

– Похоже на то... – кинула Ви и выпрямилась, потеряв связь с Карлом и компанией.

– Время то у нас есть, – подошла к ним Ольга, – только Анатолий и Роза – воины. Понимаешь, Жан? Если остальные под стать им, то недолго они будут ждать приказа. В их сути – проявить себя, но не как нормальный человек, а применив страх, подчинив, согнув. Не знаю, уловила ты, Виен, или нет, их настрой, но эта парочка не очень жалуется Карла. Он им нужен был, как отправная точка. Далее, они собираются действовать, как им захочется. Не удивлюсь, если взяв над нами верх, они сразу свергнут и его.

– Я их не знаю, поэтому отличить из общей массы не могу. – просто ответила Ви, бросив на нее беглый взгляд и снова повернувшись к мужу. – Спасибо, буду более внимательна.

– Если ты не будешь против, – продолжила Ольга, – я возьму эту парочку на себя? Сил во мне осталось мало, следить за всеми не хватит, а этих осилю. Тем более что их-то я и чувствую.

– Скажу только спасибо. – Виен снова была вынуждена повернуть к ней голову, Ольга кивнула, сразу отошла.

– Дорогие! – Ник стал посреди зала. – Прошу минуту внимания. Нам не известно, в котором часу Карл начнет действовать, поэтому предлагаю всем разойтись и поспать, пока есть возможность. Будем держать связь. Если Виен или Жаннетт что-то почувствуют, я сразу же сообщу.

– Спокойной всем ночи! – присоединился к отцу Жан.

Вел взяла за локоток сестру и повела вперед, мужья пошли за ними.

– Ев, – говорила она сестре: – ты хоть понимаешь, что от нас с тобой, пусть не все, но многое зависит?

– Понимаю. Я уже настроилась. Скажу тебе честно, как наши мужчины не стараются показать, что это плевое дело и что мы выиграем парой красивых слов, но я-то знаю – это не Тамерлана разводить современной техникой и начитанностью. Это современность! Наши люди, без чувства жалости. Хочу тебе кое-что сказать, не для всех ушей.

– Говори, я слушаю. – Вел даже придвинула к ней голову.

– Вера пошла со мной на контакт. – прошептала Ев. – Глубоко не пускает, бережет силы.

– Это нам поможет...

– Еще как! – воскликнула Ев, но тут же добавила: – Правда, я пока не знаю, как нам это поможет!

– Разберемся! – усмехнулась Вел.

– Точно! Ну, а ты готова поразмяться? – как-то хитро посмотрела на сестру Ев.

– О! Еще как! Что-то мы засиделись барышнями. А так хочется уже, послать их подальше!

– А ты пошли, кто не дает? – Ев приподняла одну бровку и еще раз, лукаво глянула на сестру.

– Барышни! – обнял обоих Эд, краем уха услышав, о чем те шепчутся. – Не разнесите дом, он нам еще пригодиться. – обе посмотрели на него, а он, смотря перед собой, словно ничего не говорил, произнес: – И как там наши дети?

– Спокойно! – ответила Ев. – Они не поняли ничего, считают все игрой и занялись вплотную Игорем. Я заглядывала к Нии – там полный «Праздник не послушания!»

– Сестренка, как я тебя люблю! – не сдержала эмоции Вел.

– Я больше!

– Нет, я!

– А вот и я!

– Все, все! – сжимая их плечики, говорил Эд. – Девочки, нам только слез не хватало!

– Лучше подеритесь! – Обхватил жену за талию Дэн, успев чмокнуть Вел в щеку. – Пойдем к себе, мне надо тебе что-то очень важное сказать.

– Муль, мы тебя любим! И вредного Жана! – Крикнули девушки, расходясь по своим половинам дома.

– Стойте! – резко остановилась Ев. – Я вижу картинку.... Как-то неожиданно.... – она схватилась за голову и прикрыла глаза, чтобы не упустить даже мелочи: – Я вижу людей, стоят напротив... А..., Я в голове Карла! Да, да! Ах, как жаль, что без звука. Мама его слышать должна. Перед ним кучка крепких мужчин, в маскировочных костюмах. Мне кажется..., он дал им задания. Они кивают, весь их вид говорит, что готовы начать.... – она выпрямилась, но глаза не открыла. – Хотите, хотите я переверну его указания, думаю, у меня с легкостью получится.

– Не стоит, это насторожит. – обнял ее крепче Дэн, зная, как эти видения ее выматывают и насколько она лишается сил. – Нам надо понять, что они затевают, и тогда мы сможем действовать.

– Но это хорошо, правда, что я нашла контакт? – видения исчезло, и Ев уже пришла в себя.

– Очень хорошо, моя любовь. Очень, наши глазки. Пойдем, присядем, попробуем разобраться.

– Дэн, что ты со мной, как с маленькой? Ну, вот! Спугнул, я больше не вижу. – Ев надула губки, но не капризно, а действительно обидевшись. Она так хотела сделать прорыв и взять их тепленькими, не начавшими даже действовать.

– Гения! Не хотел я этого, но ты можешь меня обругать, если от этого станет легче. Я не хочу, чтобы тебе стало плохо в тот момент, когда меня не будет рядом. Мы сейчас придем в нашу комнату, ты удобно расположишься на диване и картинка вернется. Более того, ты сможешь понять все, более точно.

– Прощаю! – Ев всегда с легкостью принимала его правоту и не старалась, как многие, противоречить.

– Здорово! – Дэн прикрыл плотно их дверь. Посмотрел глазами, полными любви и заботы, присел у ее ног и, поцеловав колено, добавил: – Ты хотела, удалить меня решать военные действия не дав возможности сказать самое главное?

– Как же ты легко со мной решил проститься!

– Дурындочка!

– И что же ты собираешься мне сообщить?

– Что я люблю тебя, очень, очень! Что мне больно, от того, что плод моей любви сейчас так далеко от нас, и я не знаю, когда смогу увидеть и прижать, ее худенькое тельце, поцеловать хитрую мордашку и улыбнуться очередной проделке. Мы им не дадим уничтожить наш мир! Ты мне веришь?

– Еще бы! – усмехнулась Ев, но в глазах застыла грусть. – Кто же вам позволит, сделать иначе. Уж я послежу, а Вел... Ты сам знаешь, что она с вами сделает.

– В том-то и дело, что знаю! – он уселся прямо на пол, развернувшись к ней спиной, пряча глаза. Лишь на миг замер, а потом запрокинул голову и прикрыл глаза от прикосновения ее рук. Ев тоже замолчала, перебирая его красивые волосы. Затем пальчики опустились ниже и пробежались по щеке, почувствовали улыбку, добрались до уха и опять вернулись к подбородку. Он так и сидел, с закрытыми глазами, боясь даже пошевелиться. Ев убрала руку, подобрала ноги, бережно уложив его голову на край дивана, прищурила глаза и спросила:

– Дэн! Неужели ты, и правда, до сих пор, любишь меня?

– Я, конечно, во многом не выносив, за эти годы доставлял немало хлопот... Но вот во лжи, ты меня обличить не сможешь! – Дэн выпрямился, по его плечам Ев поняла – устал, но все сразу исправилось, спина выровнялась, и муж повернулся к ней: – Знаешь, наверное, нет, я ошибся. Я не люблю тебя... – замолчал, глядя в глаза, зрачки дрогнули, но она не спешила делать выводы, ждала. – Так, как раньше. Это совсем другое..., скорее обожание. Эти чувства к тебе, необъяснимы. Ты – некая необходимость моего сердца, чтобы жить.

– Эка загнул! Я-то думала, ты честно признаешься, что привык и не можешь обходиться без меня, как без воды и воздуха!

– Точно, точно! А еще, ты притягиваешь меня, как огонь! Я часами могу наблюдать, за тобой, не моргая!

– Часами? Ой, ли!

– Даже не сомневайся! – он стащил ее с дивана, обнял крепко, прижался всем телом. – Вот я, почему-то, не задаю подобных вопросов.

– Потому, что ты самоуверенный эгоист!

– Нееет! Я верю тебе без слов... Гения моя... А помнишь, как вы шли по трассе?

– Это когда же? До нашего знакомства?

– Угу.

– Когда вы с Эдом пугали Ан фарами?

– Прямо так пугали? Насколько я помню, это вы с Вел доводили до заикания проезжающих мимо. – Дэн не выдержал, расхохотался, вспоминая их лица и походку.

– Да ладно, мы были, просто милашками. Сама обстановочка была еще та!

– А что вас вообще понесло, на ночь глядя, на пустошь?

– Да эта Ан.... Вот же была недотепа. Сообщила, якобы ей сказали, что там открыли дискотеку! И ведь мы с Вел-то знали, что там, за «Дискотека 70-х»! Ну, по крайней мере, развлеклись, получив каплю адреналина.

– Адреналина... – задумчиво повторил он. – Столько лет нас не замечать, а мы-то были всегда под рукой.

– Конечно, только костюмчики невидимок снимать забывали.

– А потом, – Дэн просто с упованием вспоминал последние месяцы холостяцкой жизни, – наша, непоколебимая Вел, грохнулась, на ровном месте, Эду в руки и все! Ты бы видела ее глаза. Ев, это было неопишимо! Размером в железный рубль, не моргая, смотрит на него. А я, и так ее ногу кручу, и эдак. Страшного-то ничего, слегка подвернула. Но главное, что она меня, по – моему, и не заметила.

– Ой, ой! И все вам плохо. Не заметила! А что замечать было? «Девушка! Эту воду лучше не брать!» – пародировала она их первую встречу с ним.

– Помнишь! – улыбаясь, прошептал Дэн.

– Ха! Вы же всегда маячили, то на лестнице, а тогда, на день рождение Ирен..., наблюдать со входа!

– Ах ты, бусурманка! Значит, видели нас, а делали вид?! Ну, ничего, я тебе это припомню! – он снова залился смехом. – Но стриптиз, стриптиз!

– Это какой? На ваш мальчишник?

– Стоп! – Дэн насторожился и вдруг до него дошло, через столько-то лет: – Так это ваших рук дело?!

– Нет! – улыбалась Ев и крутила головой. – Не поверишь.... Это подарочек всевидящей «О»!

– Да брось! – махнул рукой Дэн, правда, ей не веря.

– Пойди, спроси. Она же здесь, вот и задай, вопрос десятилетия... – замолчала, взяла его голову двумя руками и прижалась лбом к его лбу: – Дэн.... Я так люблю тебя! – Ее глаза блестели от слез. Дэн, прижал ее еще крепче, но не смог оставаться холодным, припал к губам в страстном поцелуе...

Глава 13

– И все-таки я не понимаю! – Вел уселась на кровать и, будучи обиженной, не смотрела на мужа: – Почему вы нас остановили?! Мы же все можем исправить, всего за пять минут! Ев только чуть-чуть подкорректирует мысли Карла.

– Не сможет! Войти в его голову, не значит подчинить себе.

– НО!

– Нет никакого но. Гелио! Наивная моя. Они пришли толпой, пусть и ведомые одним человеком. И кто сказал, что это Карл их привел? Ну, подумай хорошенько.

– Я не наивная! Я боюсь за детей. А ЭТИ, могут и к ним добраться.

– Это не фильм. – не уступал Эдгар.

– Ага! Ты мне так всегда говоришь, а в итоге... – Вел не договорила, отвернулась и уставилась в окно. Муж сразу оказался рядом и его горячие руки немедленно закрыли ее от всего, а дыхание успокаивало. Голос, который она обожала уже много лет, опять начал брать верх над ее эмоциями.

– Тебя расстроил и взбудоражил приезд Ольги. – тихо говорил он. – Ты жаждешь сделать все что угодно, чтобы скорее остаться без ее контроля.

– Это ее дом! И он всегда будет ее домом. И приехала она его защищать, ну и вас, конечно.

– Я понимаю. Нанесенные ею раны всегда будут кровоточить. Только, мне кажется, что она примчалась защитить семью, а ты, как и Ев, и наши девчужки – часть этой семьи. Перестань плакать.

– Я не плачу!

– Солнце мое ясное! «Бывает, что глаза не плачут, но море слез кипит в груди»!

– У!

– Вот именно, тебе и ответить на это нечем. – Эд нежно целовал ее, не отпуская из объятий. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы это был страшный сон. Вот сейчас он раскроит глаза и все будет по-прежнему. Еще секунду... И дети заверещат в холле, споря над чем-нибудь. А руки жены обнимут его и губы ответят на поцелуй. НО, этого не случилось, ни через секунду, ни через минуту, которую они промолчали. – Как же я вас безумно люблю. Как же я не могу без тебя дышать. Как же мне трудно думать о серьезных вещах, когда ты рядом.

– Так отпусти меня.

– Никогда, ни за что, ни за какие сокровища мира! Я уже дважды чуть не потерял тебя, больше этого не случится!

– Купишь наручники?

– Булавки!

– Ага! Занимаешься плагиатом! Это Дэн обещал и не сделал.

– Помнишь? – он получил крупицу счастья и от этого улыбался.

– Не забыла. – вздохнула Вел.

– И как с обрыва чуть не навернулась? – Эд продолжал возвращать дорогие ему мгновения прошлого.

– И фонарный столб! – буркнула Вел и еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Как же комично выглядела она тогда, сердясь на него за проявленную заботу.

– А вот тогда, я был совсем не виновен, за что же ты меня так чихвостила?

– На будущее!

– А стоило ли? Ты надела на меня строгий ошейник, еще даже не зная меня. Заметь, я и не сопротивлялся и не сопротивляюсь.

– Мазохист!

– Не по адресу. Признавать верность жене, не значит быть подкаблучником. Хотя я и этого бы не стеснялся. Если только так можно выказать свою любовь.

– Слова, слова!

– Солнышко! Ну, ты же знаешь, что я говорю правду. Столько лет я доказываю тебе собственное обожание. Хоть раз, признай, что я хороший.

– Ты очень хороший. Ты лучше всех!

– И даже Ларсана? – его губы растянулись в улыбке, а ее зубки впились в его кожу. – Прекрати эти подражания сестре! Тебе не идет! – он уложил ее и навис над нею сверкая глазами и беззвучно смеясь.

– А ты чудище! Причем тут щенок – подросток? И к чему это ты его помянул? Боишься не справиться..., без оборотня?

– Красавица! – парировал Эд. – Ну, как мне кажется, с самым главным я прекрасно справлялся все эти годы. – он хитро улыбался. – К чему вспомнил? Да просто так, ради прикола. Да и пробудить в тебе новые чувства. – Вел опять сжала его плечи, вонзая ногти еще больше. А Эд, словно не заметив, продолжал: – Видно ты запомнила, кто его приручил.... Причем, решив найти разницу в мужчинах.

– Ну, это уж слишком! За такие слова можно и сдачи получить! – но она не спешила реагировать на его глупую шутку, прекрасно понимая, что совсем маленькая, толика правды есть в его словах.

– Молчишь?

– Молчу!

– Мне всех вспомнить, кем ты лечила мою ревность?

– Эд!

– Умолкаю! Я прекрасно знаю, кто я для тебя. Поцелуй меня, пожалуйста. – он опустил лицо ниже и ее губы потянулись к нему. Поцелуй был страстным, хотя и коротким.

– Эд! Все наладится?

– Не может быть другого. Потому, что в тот день, когда ты вошла в воду, ты загадала Любовь. А она у нас, в самом начале, нашей жизни, наших чувств.

– Правда?

– Истинная! Хочешь, я поклянусь на книге.– Вел замотала головой. Эд лег рядом и повернулся набок: – Милая, родная, самая дорогая моему сердцу. Ты еще и не поняла всю силу моей любви к тебе и Славочкам.

– И какая она?

– Как весна!

– Конечно, как же я не догадалась. С грозами, ливнями...

– С каплями, подснежниками, прилетом птиц и цветущими садами! Люблю тебя!

И не устану повторять об этом!

– Кажется, ты это подслушал у Шекспира.

– Это он писал о нас.

– Какой же ты... замечательный!

– Спасибо, золото мое.

– Значит я уже не знак: «Стоп, а то убьет»?

– Нет! Теперь ты лозунг: «Люби меня крепче»!

– А я, когда-нибудь, доживу до любимой женщины?

– Ты ею родилась. – Он опять поцеловал ее пылко и очень долго. Затем спросил: – А что ты больше помнишь из нашей жизни?

– Все!

– И как встретились?

– Как встретились, не помню, помню твои глаза, как в них я окунулась и теперь, вот уже столько лет, пытаюсь вынырнуть.

– Я тогда закрою их, чтобы ты не выбиралась.

– Знаешь. – Вел замерла на очередной, глубокий вздох: – Жизнь наша, разнообразная. Но каждый раз, каждый эпизод начинался с твоих глаз. Когда я ногу подвернула, когда вы с домом знакомили. Потом, когда я проснулась... И когда вы, первый раз вернулись со своей охоты. Да и тот момент, когда я столкнулась с копией Ев. Вот, как-то так получается, что сначала ты выхватываешь меня из жизни, ну или наоборот, втягиваешь в жизнь, цепляя взглядом, а уж затем окутываешь голосом, согреваешь телом.

– Потому что, лишь единственная моя жена, не любит ушами, как...

– Я просто люблю тебя. – она обняла его крепче, всунув носик в ворот его рубашки. – Дорогой, скажи, только честно, неужели это шлейф от кончины Татти?

– Дорогая, вот что ты такое говоришь?!

– Не спеши противоречить, просто подумай, она не смерится с тем, что мы вместе. Ее ненависть ко мне и любовь к тебе настолько была сильна, что хватит не на одно столетие! Помолчи, пожалуйста, минуту, дай договорить. Вспомни, с чего все началось? Ну, я же вижу по твоим глазам, что ты это признаешь, только сказать вслух не можешь. Мне надо простить ее... Только я не знаю, как это сделать, ибо я ни Господь. Да и простить, значит надо обвинить. А за что? Я запуталась.

– Вот и не думай об этом.

– Не могу. Все-таки в этом есть связь. Ох! Тяжело.

– Неужели я это от тебя услышал? Мне больно слышать такое, но и радостно в то же время. Потому, что я чувствую себя мужчиной, который может подставить свое плечо.

– Я хочу быть просто женщиной, маленькой, хрупкой и любимой!

– Вел. Ты не забывай об этом никогда. И о том, что ты – это все в моей жизни.

– Мы прощаемся?

– Нет! Мне очень важно сказать тебе об этом.

– И говори, и молчи, а еще и пой мне, чаще.

– Обещаю! Только у меня есть маленькая просьба. – Вел прикрыла глаза, показывая, что слушает. – Я прошу лишь об одном, не высывайся, побереги себя, это может быть опасно.

– У меня тоже условие. Ты должен беречь себя для меня и девочек.

– Это моя обязанность. – Эд поцеловал ее в висок и принялся цитировать ее любимую, некогда, а может и до сих пор, книгу. Только сейчас осознав, что и он, не только ассоциировал жену с главной героиней, со Скарлетт, а так же уважал это произведение, ибо всегда, как в трудные моменты, так и в минуты полного счастья, в его голове всплывали строки именно из «Унесенных ветром»:

«... Да, Боже Иисусе! Я хочу тебя. И мне плохо без тебя. Ты, как наркотик для меня. Я видел людей, которые не могли достать опиум и мучились. Это почти, то же самое. Я знаю, что случается с наркоманом. Он становится рабом, затем гибнет. Это практически случилось со мной. Но я избежал. И не хочу рисковать опять»...

– My beloved, you are my river of life, my sun, my music*. – ответила она ему, отбрасывая любые эмоции, да и все не нужные чувства, кроме любви к нему...

Ольга, молча, курила у окна одну сигарету за другой. Дух матери настойчиво пытался потушить огонек ее сигаретки, взъерошить ей волосы и прочее, чтобы начать разговор. Однако Ольга была нема, ровно до тех пор, пока мать не хлопнула дверь. Ее пугали изменения, но и радовали одновременно. Эти девчонки, шутя – играясь, взяли верх над всем. Причем ясно было видно, что, не ущемив самолюбия мужчин. И Жан с мальчиками поднялись морально, стали сильней духом, ответственной.

«Грустно. – думала она. – Меня никто не любят, но в этом только моя вина. Хотя я старалась, как могла, для семьи, для их общего блага. Да, что сетовать! Я здесь на короткое время, только до разрешения проблем»...

– Ник! – произнесла она, не отворачиваясь от окна. – Как вы здесь жили, все эти годы?

– Мирно. Работали, растили детей. Было не скучно. – ответил он твердым голосом и Ольга прикрыла глаза, говоря:

– А ты изменился.

– Возможно. – Николая отложил в сторону все, чем занимался и подошел к ней. – Ольга! Я хочу тебе сказать... Спасибо тебе, родная. Я сейчас понимаю, какое это счастье иметь такую семью, таких детей, внуков! Я знаю, как ты меня любила и чувствую вину, за холодность души. Но, но я по – своему тебя любил и люблю. Прости, если сможешь.

– Любит! – повторила она с вызовом. – Я вижу, как ты любишь... с томиком вздохов Анны! – Железная Ольга смотрела на него и впервые, со дня смерти ее родителей, по щеке прокатилась слеза. Николай заметил блеск, но боялся спугнуть, оттепели ее сердца. А еще ему показалось, что кто-то, за его спиной, вздохнул. А Ольга махнула рукой и отвернулась.

– Оль! Оленька! Олюшка! Я верен тебе. Люблю тебя, но по – своему. А Анна..., это же первая, юношеская любовь... Оля, Оленька! Вот тебе легко, твоя первая любовь стоит перед тобою и конючит.

– Да, ну тебя! – вздохнула она и улыбнулась. Но тут же надела маску безразличия. И опять пронесся прохладный ветерок, скрипнула створка окна, подскочила штора и чуть приоткрытая дверь, отъехала сильнее. – Николай, Николай! – качала она головой. – Всю жизнь ты доводишь меня до...

Виен прилегла и прикрыла глаза. Ей, наверное, впервые в жизни, ничего и никого не хотелось, кроме маленькой детальки: чтобы в семье было спокойствие. Шквал голосов, которые она не отпускала, держа все под контролем, очень выматывал. Жан видел ее усталость и не доставал разговорами, хотя так хотелось сказать ей ласковые слова.

– Я все слышу! – произнесла она тихо. Жан улыбнулся и принес в спальню комп, поставил на прикроватную тумбочку, присел на краешек кровати, просматривал камеры и поглаживал ее руку. – Вот никогда не скажет вслух! – не сдержалась Виен. – Ты что, стесняешься сказать мне о своей любви?

– Привереда! Я кричу о ней, постоянно. Поспи, сокровище мое, кто его знает, что ждет нас впереди?

– Успокоил, спасибо!

– Виен, ну прости! Ты же знаешь, о чем я говорю.

– Я-то, знаю! Но знаю не от тебя. А хочу слышать, ушами! И пусть слова вылетят птицей и никогда не вернуться, но! Их скажешь ты. Ты! Мне.

– Милая моя! Вот ты-то и слышишь первоисточник, раньше, чем воспроизводитель. Мои мысли проходят через тебя, а уж что выходит на свет Божий – это другое дело.

– И почему это?

– Потому, что ты мой цензор... Эх! – поднялся и обошел кровать: – Пять минут я имею права посвятить своей жене! – спустился на одно колено и взял ее руку. – Мы так с тобою мало прожили, еще меньше я приносил тебе счастливые, спокойные дни. Как же я благодарен, что ты выше упреков и жалоб. Спасибо милая. Я очень люблю тебя, и также сильно буду любить, даже...

– Ты решил проститься? – Виен села. – Жан, прекращай эту сырость. Я не знала, на что иду, принимая твое предложение стать женой. Но кому легко? Нет! Ну что ты за человек! Постоянно просишь прощение, словно повинен, во всех грехах мира! Работай, а то пропустишь гостей незваных, и я буду виновной.

– Вредина! – Он нежно поцеловал ее и, усмехнувшись, взялся за комп.

– Вот так-то лучше. И ты прав, первоисточник говорит красивее и правильной. – Ее руки легли на его плечи, а голова на плечо, но тут же Виен выпрямилась и насторожилась. – Жан! У нас гости. Да, да! К нам идут, вернее крадутся.

– Где? Я не вижу.... Вот я тугодум.... Надо было по периметру камеры ставить!

– Смотри, со стороны набережной. Да, я слышу море..., технику. Стой! Охотничий домик. Ой! Я не могу определить точно, как раздваивается.

– Проверяют. – догадался Жан.

– Поднимай мальчишек, они скоро будут здесь, я послежу за камерами. Наушник! – крикнула она ему вдогонку и положила рядом телефон.

– Эд! У нас гости, встречаемся в фойе! – Оглянувшись, Жан попробовал вселить в нее надежду взглядом, но понял, что как ей не страшно, а она будет делать вид безразличия. Не закрывая двери, помчался вниз.

Виен просмотрела все до одной картинке, выведенные на монитор, и, развернув экран к гардеробной. Подобрала соответствующий наряд, занялась макияжем.

– Что, началось? – влетели к ней дочери.

– Спокойно! Чего так кричать. Началось и что? Разведывают, пытаются найти лазейку, но ведь мы здесь! Правда, девочки? Идите, надо встретить их, царственно!

– Мама, мы быстро.

– Нет уж, на этот раз торопиться не стоит. Мужчины на страже. Нас не приняли, так дадим им усомниться в собственном мнении. – проговорила Виен, намеком, но дочери все поняли.

Большой экран в аппаратной был более точен в мелочах, чем экраны компьютера. Тени двигались, практически прижавшись к земле.

– Трое! – насчитал Жан. – Если Ви не перезванивает, значит я не ошибся.

– Ошибся. Я вижу четвертого. – Показал Эд рукой на новую точку.

– Проглотим их разведку? – Не теряя из вида гостей, спросил Жан.

– Я бы взял их. – Сказал ИВ.

– Согласен. – Дэн рвался в бой. – Прижать, как следует. Узнаем, что да как, а не будем гадать.

– Кто еще «за»? – Жан повернулся лицом ко всем. Руки всех до одного поползли вверх. – Так чего стоим? ИВ, подежурь у камер.

– Жан!

– ИВ! Тебе пока, как и Нику, там делать нечего. Их всего четверо.

– Мы возьмем их «без шума и пыли!» – Поддержал отца Эд. – Мы справимся с Дэном сами, ну хорошо! Михаила возьмем, пусть развеется. Так что, отец, держи руку на пульсе.

– Да я как-то не успел застояться, с дороги. Но пройдуся. – хмыкнул Михаил: – Жан, Эд прав, побудь здесь, мало ли что. – И троица ушла, улыбаясь, принимая все за развлечение.

– Иди с Михаилом. – Кивнул Юрию Жан и устался в камеры.

Мужчины разбились на пары и выскользнули из дому, сразу же сработали замки дверей. Дом проснулся. Их дом стал их оплотом, их броней, их частью.

Первой спустилась Ольга и принялась мерить шагами холл первого этажа, поглядывая на дверь, за которой только что скрылись внуки. К ней присоединилась Жаннетт:

– Началось?

– Пока не пойму. Стефан и Мария... – услышала она шаги и не ошиблась. – Вы мне нужны! – уверенным шагом подошла к ним и достала серебряный флакон. – Вот! Вы должны восстановить силы для борьбы. Это не просьба, а приказ!

– Ольга! – начал Стефан.

– Знаю я, чего вы хотели, только сейчас не время! Поймите, Род в опасности! Мы обязаны выжить и исправить ошибки. Идите к себе, я дам знать, когда вы мне понадобится. – Стефан

кивнул, принимая ее приказ и, соглашаясь с доводами. Они сразу удалились, а им на смену пришла вторая семья. Пшешики очень нервничали, от чего не могли находиться на одном месте, ходили вдоль окон и поглядывали в темноту сада. Ольга глянула на лестницу – ни Ви, ни девочек не было. Прищурила глаз, соображая, что они могли задумать, но ни одной подсказки не нашла. Тогда она направилась к полякам:

– Думаю, вам не стоит тут топтаться. Идите в свои комнаты, тут не происходит ничего опасного. Вам предстоит завтра встретиться с Карлом и его сторонниками, прошу об одном – уверенность на лицах.

– Не сомневайся в нас, мы сделаем все как надо.

– Я не сомневаюсь. Прошу. До рассвета тут ничего не произойдет. Идите. – проводив их взглядом и оставшись только с Жаннетт, Ольга повернулась туда, где чувствовала мать. – Я знаю, что ты здесь. Не будешь ли добра, помочь мальчикам? – Ветер прогулялся вокруг нее и Ольга догадалась, по еле заметной волне штор, что мать удалилась. – Жаннетт! Мне нужен твой дар. Иди, надень свое лучшее платье, нам спать не придется, я присоединюсь к тебе минут, через десять.

– Хорошо, я буду готова. – Не успела Жаннетт скрыться, как Юрий привел мужчину. Ольга сорвала маску – молодое лицо, с выражением «запрограммированной» ограниченности.

– Ты обыскал его?

– Чист! – коротко ответил парень.

– В подвал его, утром решим, что делать! – отдала приказ и снова уставилась на дверь.

Следом один за другим появились остальные. Эд своего, нечаянно вырубил, вот же принес на плече и сбросил на пол. Еще двое пытались вырваться из рук Михаила.

– Кто главный? – Жан взял их под прицел своих глаз.

– Ну, я! – скривившись, ответил один.

– Задание!

– Ага, сейчас! Только разбежусь и все выложу.

– Задание. – повторил Жан, не отводя глаз, у мужчины расширились глаза, затем и зрачки увеличились до максимума. Однако он держался.

– Может нам Ев позвать? – прошептал на ухо брату Дэн.

– Справимся! – бросил Жан и подался вперед. Он не моргал, проникая в сознание все глубже. Мужчина попытался отвести взгляд, напрягался из последних сил, но пошевелиться не мог, а язык, словно гулял сам по себе:

– Нас послали на разведку. Найти и подготовить место для прибытия остальных.

– Сколько вас?

– Мне не ведомо!

– Как держите связь?

– Мне звонят! – протянул рацию и телефон.

– Когда следующий сеанс связи?

– Каждые полчаса.

– Условные слова?

– Нет. Связной только я.

– В подвал их! – отвернулся от него Жан и обратился к сыновьям: – Ребята, мы же можем поселить всех отдельно?

– Да нет проблемы. – пленных повели, Жан повернулся к Ольге:

– Что скажешь..., мама? – произнес и понял, что легко далось ему это слово, не произносимое много лет, а вот ей оно стало, пощечиной.

– Я ограничена в видениях, растеряла дар. Однако похоже на отвлечение нашего внимания. Нет, этот сказал правду, Карл прислал их нарочно, проверить нашу бдительность.

– Мне тоже так показалось. Без оружия, одна рация... – размышлял Жан. – Да, им нужно было убедиться, что мы ничего не заметим. Ну, так мы и ответим им.

– Прости, у меня есть важные дела. – заявила Ольга. – Ты дорос до того, чтобы решать дела самостоятельно. Увидимся позже. И, пожалуйста, сообщи, если будут новости.

Жан, в согласии, наклонил голову, Ольга ушла, а он смотрел ей вслед и думал, неужели меняется, не уж то девушки и ее норы пошатнули. Он даже и не сразу заметил, что дребезжит отобранный телефон.

– Слушаю! – прошептал Жан в трубочку.

«Чего бормочешь?»

– Так на позиции.

«Где?»

– На месте!

«И как там?»

– Тихо. Похоже, спят.

«Ты уверен, что в доме вообще есть люди?»

– Да, мы прибыли, они еще сновали из комнаты в комнату, свет везде горел.

«Ага... Сколько их там не заметил?»

– Особого движения не было. Несколько дамочек и приблизительно столько же мужчин.

«Значит на месте...»

– Чего?

«Ждите, говорю, сигнала. До этого в дом не соваться».

– Есть. – Ответил Жан, Карл отключился сам.

– Они? – Ольга услышала его разговор и вернулась.

– Лично!

– Значит, до утра не сунется. Но не теряй бдительность.

– Не в первый раз... – раздумывая, ответил он и, не дожидаясь от нее ответа, медленно пошел наверх. Рядом с ним, нога в ногу, двигался ветерок, Жан уже понимал присутствие Веры. – Ты рядом, жаль, что не могу тебя увидеть, или хотя бы слышать. Мне бы хотелось тебя узнать, твою жизнь, понять вас с дедом. – ветерок обласкал его и взъерошил голову. – Тебе хочется нас покинуть, а мне, как не покажется странным, тебя удержать. – и опять холодок коснулся его щеки. – Смешно выгляжу. Разговариваю сам с собой... Пообещай, когда все закончится, сразу не улетать. – Ему показалось, что он услышал тихий, добрый смех. Массивная портьера на окне коридора приняла очертание миниатюрной женщины – поднявшей и опустившей руку, привлекая его внимание, и тут же силуэт головы кивнул в знак согласия. Штора осиротела, и Жан услышал легкие шаги побежавшие вверх. Вздохнув, зашел к себе.

– Ты не спишь? – он увидел жену при полном «параде» и усмехнулся.

– Не хочется. Как все прошло?

– Ну, ты же знаешь.

– Прости, не следила за тобой, было нечто интересней.

– У нас все успешно, их было четверо. Поделись новостями. – присел на диван, выглядел немного уставшим, но Ви не стала донимать его вопросами, налила выпить и сообщила:

– Как тебе сказать-то? Их совет длился не долго. Разошлись. Филипп не изменяет себе, наслаждается вином. Пауло мысленно рисовал картину победы над Дэном. Почему – то думает, что Лера именно его внебрачная дочь и на этом строит свои обвинения. Жан, скажи, а с чего у них начались эти соревнования?

– Виен, мы до сих пор даже не предполагали, что они есть. Дэн с ним-то и общался всего пару месяцев, а потом как-то забыли о его существовании. Он у нас ни разу не появлялся.

– А за эликсиром?

– Тут все просто. Он в содружестве с одной семьей, те и приезжают. Пока нам не сообщают, что ушел кто-то, мы выдаем определенное количество флакончиков.

– Постой! Что значит – не сообщают? А если кого-то давно нет, а на его имя берут, то..., что же это получается?

– Не понял?

– Жан! Ты действительно не понимаешь? – Его глаза говорили красочней слов. – Господи! Все настолько просто! Взяв один лишний флакон, можно годами проводить исследования и создавать свой эликсир. Зачем тогда вы им, если столько химиков голодных на этой земле?! Как же вы не задумались! Уж если вы их держите каплями, так защитите себя! Ладно, проехали.

– Нет уж, не проехали! Признаюсь, ты полностью права. Но у Ольги был свой контроль, я не вникал. Но теперь, задумаюсь над этим, серьезно. Спасибо! А что там с остальными?

– Карл меня удивил! Он решил взять детей в заложники.

– Ты так говоришь спокойно.

– А чего бояться? Они уверены, что дети здесь. Кстати, этих именно для этого и послали. Им указано, Фил постарался, где детские комнаты. С них они и должны были начать.

– Вот оно что! А я и не подумал. Единственное что смутило, так это их занятые позиции. Все думал, ну почему не разбились на два входа? Вот значит как? Заманчиво. Так и быть, мы уж их порадуем. Собственно я волновался, что они начнут искать детей, не смотря на то, что машину вывели по подземке. Признаюсь – тревога была. Теперь могу часик расслабиться. Прослушку они не установили, сторожей мы определили. – Он говорил, а Виен как бы отсутствовала. И Жан замолчал, ожидая ее «возвращения».

– Жан! Они собрались у Анатолия. Собираются нагрянуть на рассвете, взять нас врасплох.

– Интересно, как это?! Предупредили и думают, что мы будем сидеть и ждать, бездействуя? Неужели так примитивно мыслят? Мы что – лохи?

– Жан! Ты где нахватался таких слов? Это самоуверенные снобы, что ты от них хочешь! Порадуйся, что среди них нет ни одного стратега.

– Неужели элементарная жадность?

– Увы! Им хочется все и сразу. А где это можно взять – правильно, у Гаев! Дома, бизнес и ЖИЗНЬ! Сон твой отменяется. Будут здесь в течении часа. Плюс – минус, как они двигаются и на чем.

– В пять... Хорошо рассчитали. Самое время крепкого, утреннего сна. За несколько минут можно все изменить. Значит, у нас есть тридцать минут спокойствия.

– Жан! Мы не знаем где они...

– Я хорошо знаю Розу и Анатолия – им машины не нужны. – Он обзвонил всех мужчин в доме, не забыл и матери дать сигнал. Потом лег на диван и попросил. – Родная, дай мне забыться на десять минут. – ее улыбка была ответом.

Вилена же подошла к окну, приоткрыла его и мысленно унеслась туда, в «осиное гнездо». 4:20 утра. Звонок на отобранный телефон:

«Все тихо?»

– Да! – коротко ответил Жан, сел и прислушался к происходящему на том конце. Виен повернулась к нему.

«Будьте готовы, мы на подъезде. К пяти должны быть на месте. Остальные подтянулись и ждут твоего сигнала, за стенами. И смотрите мне, чтобы ни один камушек от моего поместья не сдвинулся!»

– Уяснил! – Не успел Жан отодвинуть руку от уха, как заработала рация. – Слушаю!

«Мы на месте».

– На месте – это где?

«У ворот, начальник!» – раздался саркастический смешок.

– Не высовывайтесь, у них полно сигнализации и камеры. Ждите, я пришлю человека, он проведет. Отбой! – Жан поднял голову к жене. – Началось!... Боишься?

– Соврать?

– Не надо! – Жан подошел к ней, обнял. – Спасибо, мои ушки! И не бойся. Я вниз!

– Спустишь, как только услышу главарей!

– Ох, как ты их! – поцеловал и скрылся за дверью.

*My beloved, you are my river of life, my sun, my music. (нем.) – Мой возлюбленный, ты моя река жизни, мое солнце, моя музыка.

Глава 14

Фойе дома семьи Гаев напоминало военный штаб. ИВ, управляющий летним домом на азовском побережье, близкий и доверенный человек всей семьи, и единственный друг из прошлого Вилен, расставил людей по позициям, в том числе и слуг, приехавших на помощь друзей. Все окна первого этажа были под их присмотром, двери также, хотя все имело надежные запоры, решетки и другие средства защиты. Снабдив всех связью, ИВ присоединился к Гаям. Из женщин спустилась только Жаннетт.

– Шесть человек, вооружены, ждут у центральных ворот. – отчитывался Михаил, не повторяя свой рассказ и не обращая внимание на тех, кто приходил с опозданием. – Уверен, появятся и у других входов в поместье, но пока там никого не видно. Границу имения пересекли две машины, здесь будут минут через десять, минимум восемь, движутся осторожно, – тут он усмехнулся: – на наших виражах. Я, предусмотрительно отключил там освещение, вот же, сорваться с обрыва, как оказалось, им не хочется.

– Значит, у нас есть время, убрать этих шестерых... – сказал Жан. – Михаил, ты видел «наших»? – не осознавая, говоря последнее слово, изобразил руками кавычки.

– Нет! Ни Алексея, ни Розы здесь нет.

– Я и не сомневался. – кивал Жан. – Они придут сами. Знакомыми им дорожками. Что же, медлить не будем. Действуем быстро и как можно тише. Не забывая о появлении «родственной» парочки.

Мужчины, как по команде, направились к выходу.

– Подождите минуту. – Виен появилась на лестнице в строгом брючном костюме, не забыв надеть свадебный, родовой подарок мужа, тем самым, давая ему понять, что они неразделимы никакими препятствиями. – Двое, мужчина и женщина, уже у дома. Они разделились, осматривают территорию, контролируя наемников. Карл послал их. Он уверен, что Анатолий легко справится с сигнализацией и впустит всех в дом. Поэтому группка головорезов, подвыпивших, спокойно болтает у центральных ворот... – Виен замолчала, прислушалась. – Ага... они не подойдут к дому, пока те не проверят весь участок, так что у вас ровно столько времени сколько понадобится добраться до общего щита напряжения.

– Ну, это им не так легко сделать. – сказал Эд, лично контролирующей охранной системы. – Я его давно перенес в дом. А тот..., пусть выключают.

– Нам нужна Вел. – Жан решил на то, что так усердно откладывал. – С ней мы их возьмем горяченькими и за секунды.

– Лучше, вместе с Ев. – одобрительно кивнула Виен. – Они сейчас подойдут. И, еще... Вера предлагает помощь.

– Очень рады! – сказал за всех Жан, глянул на жену, понимая, что Вера где-то рядом с ней. – Она-то знает, что делать!

– Не сомневайся. – засмеялась Виен. – У нее прекрасные планы. Только, можно я не буду озвучивать ее слова? – Жан усмехнулся, перевел взгляд на центральную лестницу.

К ним спешили дочери, серьезные как никогда, да и воинственно настроены. Правда, одеты были в дорогие костюмы, мало пригодные для вылазки на природу, но зато, для встречи не прошеных гостей – в самый раз. Виен оценила их, но озвучивать мысли мужчин не стала, да и с дочерьми она была согласна полностью: «умирать, так с музыкой! Ну, и в лучших одеждах...» За ними спустилась Ольга. Женщинам хватило беглого взгляда, чтобы понять ее настроение – высококлассная современная одежда и облачение во все привилегии главы Рода, говорили о том, что сдаваться она, не намерена. Возникла молчаливая пауза и она, сойдя с последней ступени, выпрямилась, закрывая своими хрупкими плечами проход, произнося:

– Мы с Жанэ подстрахуем. С Богом!

– Эд, – обратился к старшему сыну Жан, – нам надо на секунду вывести сигнализацию из строя, их это приведет в замешательство. И сразу включить, как только мы доберемся до ворот.

– Юрий все сделает, он прекрасно всех нас слышит.

Жан удовлетворился ответом и положил руку на входную дверь.

– За ней никого нет. – сообщила Виен. – Вера проверила. Она выведет из строя аппаратуру тех двух, как только вы доберетесь. – Лицо Виен было без единой эмоции. Жаннетт посмотрела на нее, затем на девчонок, которые стояли плечо в плечо с мужьями и руки коих покоились в их сильных ладонях, и поняла, насколько у Виен налажена связь с дочерьми, мужем и как ее понимают парни. Улыбнулась глазами и замерла, будучи готовой к приказам Ольги.

– Может мне пощекотать мозги, вашей, сладкой парочки? – неожиданно спросила Ев.

– Пусть посоображают, еще немного. – ответил ей Жан. – Но, было бы классно, если ты их, Вел, пригвоздишь, как только они откроют дверь.

– Да нет проблем, доставлю вас к месту скопления, пока вы их будите заворачивать, мы с Ев займемся грамотеями. – Эд гордо слушал жену, поглядывая на бабушку. А Вел уже торопила всех: – Не поняла, чего тянем? Я, конечно, быстрее ракеты, но...

– Так действуй милая... – начал Жан и растворился с Эдом и ИВ. Не успели женщины сделать глубокий вздох, как Вел вернулась. Ольга не заметила, как исчезли Дэн с Михаилом, а она опять была в холле.

– Как хорошо, что она выжила... – тихо, как бы себе, проговорила Жаннетт, без злого умысла, без укора. – Что бы мы без нее делали?

Ольга глянула на нее, но ничего не произнесла, прекрасно понимая, кому произносилась эта фраза.

Большие часы в колонном зале пробили без четверти пять утра. Ольга стояла, у первой ступени в фойе, глядя на входную дверь. Ее муж, сын и внуки, расположились дугой по обе стороны от нее. За спинами мужчин их жены и Жаннетт. Они все замерли, ожидая нападения, полностью готовые к горячей встрече.

За их дверью появились два человека, в темных костюмах, с прикрытыми лицами.

– Странно! – прошептал Анатолий. – Сигнализация дома отключена.

– Может, они не пользуются, когда дома? – Роза, доверяя ему как себе, глянула через его плечо, в маленькую коробочку, в его руке.

– Ты чего? В таком-то доме?! Это же замок, а не хижина. Нет, что-то тут не так... Я прекрасно знаю, что спальни на верхних этажах... – он еще раз проверил, переключив две кнопки. – Может, забыли, с испугу?

– Скорее разведка постаралась. – похлопала по его плечу Роза. – Их же нет у двери, значит уже вошли.

– Похоже..., ты права. Пробрались-таки в дом, поганцы... Без приказа, но – молодцы, упростили работу. Так, где детские?

– Фил сказал в центре второго этажа. – она подняла руку. – Над нами. Света нет, значит, парни не переполошили семейку. Хочу пробраться прямо в детские. – Роза обследовала стену и колонны, и поняла – сможет забраться по стене, кирпичная кладка позволяет. – Вспомню-ка я детство... – она прощупала несколько выступов, очистила их рукой в мягкой перчатке, сдула с нее пыль, поглядывая на напарника: – как мы с тобой развлекались, лазая по этим камушкам...

– Потом начнешь писать мемуары, сейчас нам надо сделать приятным и свободным, проход их Величествам. – он саркастически ухмыльнулся, обзвав сородичей.

– Временным, дорогой, временным! Они всего лишь пропускной билет к нашему, с тобой, будущему.

Ни один из них не обратил внимания на холодный ветерок, пронсящийся мимо них. У Анатолия потрескивала техника, стрелка металась, как сумасшедшая, он постукал по экрану, и убрал детектор в сумку на поясе, как ненужную вещь. Роза начала подъем. Сделав буквально несколько шагов, чуть не свалилась и прыгнула. Попыталась снова, ноги скользили, а руки не слушались. Прошла немного в сторону, проверяя другой вариант.

– Стареешь, девочка! – подколот ее товарищ, хихикнув в ухо.

– Да пошел ты!

– Я-то, пойду... А может и тебе за мной? Зайдем как люди. Тем более, что нам оставили дверь открытой. – в этот момент у Розы расстегнулась и грохнулась кобура. – Что ты сегодня, как медведица! Рывкнул парень, открывая дверь. Тут из его патронника посыпались пули, а затвор на пистолете дал щелчок.

– А сам! – зыркнула Роза. Анатолий не смотрел в ее сторону, поэтому не мог ответить, пистолет, буквально, вылетел из его рук и отъехал в сторону...

Гаи наблюдали за их суетой через окна, предварительно открыв жалюзи и скрываясь за тонкой тюлью. Яркий свет горел у парадного входа, давая им ясную картинку. «Гости» даже не позаботились о том, чтобы убрать освещение. Зато сам дом, до сих пор, походил на сонное царство.

Роза вздрогнула, лишь на миг, когда Алексей неуклюже поддал ногой свой револьвер, он был привязан к своему проверенному временем, «старичку». Осторожность заставила Розу насторожиться, вытащила свой полуавтоматический пистолет, последнего поколения и приготовилась. Опустив руку, наблюдала за напарником, даже не заметив, как коробчатый магазин, размещенный в рукоятке, переместился в кусты. Розе нравилось современное оружие и то, что в магазине более пятнадцати патронов в два ряда, что позволяет быстро перезаряжать оружие. Пистолет легкий, маленький, как раз для ее женской ручки, но с большой огневой мощностью. Наконец, Анатолий поднял револьвер и засунул его назад, в кобуру, не застегивая ее, для удобства. Не успел и руку убрать, как его оружие было там же где и патронник Розы, с той же скоростью, так же не замечено ими. Обменявшись недовольными взглядами, замерли, прислушиваясь, не разбудили ли Гаев или их слуг.

ИВ с двумя охранниками, обошли дом с двух сторон, проверяя, нет ли еще кого, наблюдали за представлением из-за угла. Роза прижала рукой гарнитуру и шепотом отвечала:

– Да!... Все в норме, дверь открыта... Ворота? Мне что и их открыть?... А не пошел бы ты,... пешком!... Машиной!... Головой подумай, а не..., они же сразу проснутся... Так выбери, что ты хочешь, взять их тепленькими, в кроватках, или получить отпор? Мне, лично, второе милее... Знаешь, босс, Михаил десятерых стоит, да и Гаи сами не промах... То-то. Все, теряем время, мы входим.

После яркого света, фойе казалось совсем темным. Оставив дверь открытой, оба, дали привыкнуть глазам, не заметив, как за их спинами появилось трое, преградив им путь к отступлению.

Виен услышала шум мотора, который тут же стих. Парочка продвинулась на пару шагов, на этом их движение окончилось. Вел без труда отодвинула их в сторону, запечатав в неудобном положении, почти распластав их по стене. ИВ тут же, со своей группой, вошли в дом и взяли Розу и Анатолия под свой контроль. Удивление, безысходность и злость застыли на лицах Розы и Анатолия, но они не могли ничего сделать.

А по дорожке кипарисовой аллеи уже вышагивали «короли». Первым шел высокий мужчина, волосы с проседью тщательно уложены. Черты лица – чистокровного арийца. Строгое черное пальто, доходящее до каблуков его сапог, полы которого, при каждом шаге, развивались по обе стороны. Не застегнутые пуговицы открывали белоснежную рубашку с воротни-

ком стойкой. Карл. Он, ни разу не пошевелил головой, не сводя с дома пристального взгляда, уверяясь, что там все тихо. За ним, ровно на шаг, отставал Филипп. Помпезен, впрочем, как всегда – камзол, скопирован у Людовика, его кумира, красного цвета, расшит золотом. Синие бриджи, белые чулки и туфли на каблуке, с золотым бантом на носках. Волосы локонами ниспадали из-под широкополой шляпы, с белым пером. В руках трость, с золотым набалдашником, выпрыгивала вперед, приподнималась и опять неслась вперед, опережая его шаги. Из-под рукавов камзола выглядывали гипюровые манжеты рубашки, прикрывающие кисти рук ровно до половины, подчеркивая массивные камни на пальцах, с разноцветными камнями. Третьим был Пауло. Он, под-стать Карлу, был одет строго – черные узкие брюки, белая рубашка с отложным воротником, застегнута до середины груди, показывая его тело и идеально загорелую грудь. Черный сюртук до середины бедра, с прорезными карманами, в один из которых он всунул руку. Они издали увидели как Роза и Анатолий развлеклись у двери и скрылись, оставив дверь открытой. Карл, остановившись у восьми ступеней парадного входа, отделяющих его от свершения многолетнего желания, дал звонок:

– Что скажите?

«Тихо!» – прозвучало в ответ.

– Охрана?

«Не появлялась».

– Может, дом пуст?

«А какая, теперь, разница?»

– Рацию приготовь, на всякий случай. – и, посмотрев по сторонам, Карл первым пошел вперед. Пауло усмехнувшись, последовал за ним, и только Филипп, немного задержавшись, расправил плечи и как король, слегка задрал подбородок, томно прикрыв веки, чеканя каждый шаг, кривя в надменности губы, поднимался так, словно сейчас у ног его будет ползать чернь.

Свет вспыхнул так неожиданно, что «короли» невольно отступили на шаг назад, но дверь была уже заперта и три крепких, мужских тела, закрыли ее собой.

– Чем обязана, столь раннему визиту? – спросила громко Ольга. – Заметьте, я не приветствую вас, а вопрошаю! – она медленно, задерживаясь на лице каждого, испепелила их своими угольно-черными глазами и вернула взгляд к Карлу. – А что же вы одни? Наслышана, что РОД был в сборе.

Карл лишь на миг опешил, но тут же взял себя в руки:

– Я предупреждал.

Раздался сильный, высокий звук – сигналило об их вооружении. Жан и Эд двинулись к ним. Те попытались вооружиться.

– Не стоит этого делать! – произнесла Виен слыша мысли. – Все мы знаем, что оружие никому из нас не опасно, если только... – она улыбнулась Карлу, отчего мужчину передернуло. Меньше чем за минуту они были разоружены. Ев «щекотала», поочередно, умы Пауло и Филиппа. А Ольга продолжала:

– В гости в полном вооружении?! Не хорошо! Уведите их, до поры до времени. Рассвет скоро, не будем омрачать пробуждение нового дня. – она повернулась к врагам спиной, за ней последовали женщины, мужчины задержались ровно на столько, сколько понадобилось охране связать шуструю пятерку. «Гостей» определили в закрытую комнату, выставили усиленную охрану.

– Проклятье! – заверещал Филипп. – И зачем я пошел с вами?! Что теперь они со мной сделают? Вот посмотрите, нас замуруют здесь и никто не придет на помощь?

– Сядь и не скули! Тебя арканом никто не тянул. – прикрикнул на него Карл. – Ты у нас играешь первую скрипку. С твоей подачи, мы взялись за это дело.

– НЕ замуруют. – Пауло спокойно разлегся на кровати. – Эти так не поступят. Порядочные! Соберут, кого смогу и устроят суд. Так что, угомонись Фил. Лучше подумай, сколько голов за нас. – и вдруг резко сел: – Вспомнил? Вот сядь и заткнись! – прикрикнул на Фила и улыбаясь, снова прилег, не сняв даже туфель, добавил: – *Vigliaccio! Ugorazdilo su di me in contatto con voi.**

– Я попрошу, – Фил смог унять дрожь: – В мой адрес, говорить на понятных мне языках!

– Да всегда рад, сказать что думаю! – Пауло скривил мину и повторил: – Ты трус! Я сожалею, что с тобой связался.

– Я не трус! Просто не строю иллюзий, как некоторые. Мне, а не вам, приходилось с ними не однократно тягаться...

– Хватит! Мешаете думать! – подал голос Карл. – Вы давно не безумные юнцы, знали, на что шли. Тут либо пан, либо пропал! У вас у обоих рыльце в пушку. Не воровали бы у них по мелочам, не злили, жили бы дольше. – он с отвращением глянул на друзей: – Дайте мне подумать. И сами приведите свои мысли в нужное русло. – Он ходил, раздумывая над тем, где сделали промах. Не поспешил сделать плюс в адрес Гаев, все-таки столько лет те славно правили. Только пришла пора, кое-что поменять. «Что уж тут поделывать, поставил не на тех, но не все еще потеряно».

Мысли его были четкие и размеренные. В них не было ни капли паники, но и лишнего Виен не слышала. А то, что слышала, уже радовало ее.

– Да... – заговорил он вслух: – Не все потеряно. Пауло прав – эти не поступят так, как поступил бы любой из нас. Потягаемся! Мы еще поспорим с ними. Спать! – улегся, не сняв даже пальто.

Жан зашел в комнату, куда разместили Розу и Анатолия, забрал у них рацию, проговорив:

– Это вам совсем не понадобится. – Затем измерил взглядом мужчину, его зрачки сузились и взгляд потух, опустился в пол. Женщина была наглей и сильнее в своей ненависти. – Присаживайтесь, в ногах правды нет, – сказал ей Жан, – да и разговор будет долгим.

– Это вам не поможет! – зло прошипела Роза.

Жан в ответ, нажал кнопку их радиации, та зашипела, но ответа не последовало.

– Ах! Видно помощь отдыхает...

– Мразь! – бросила Роза, сопротивляясь воле Жана. Он же не спешил покорять ее себе, он давал женщине шанс исправить свою судьбу. Тем временем, Анатолий, оставшись без его внимания, решил попробовать вырваться и, видя, как Жан погрузился в борьбу с его напарницей, резко бросился к выходу. Жан как гора вырос на его пути. Без суеты, без усилия отправил его на место, одним ударом в челюсть.

– Дьявол! – выругался Анатолий и тут же получил увесистую оплеуху от Веры, а выглядело это так, словно его скрутила судорога.

– Не стоит так шутить со здоровьем. – сказал Жан и сел на стул. – Я хотел просто поговорить, дать вам возможность, исправить содеянное, но... – несколько секунд тишины, Жан поднялся, сделал шаг назад, не показывая им спину. – Ведь вы не марионетки в руках той троицы. У вас свои планы и виды на Род... Да... Разговора не получилось.

– Вы зря кичитесь. Поутру сюда придет толпа. И они придут за нами! – Крикнула Роза.

– Еще одна ошибка. Люди придут сюда получить ответы на вопросы, которые вы надуманно озвучили. Они услышат ответ, но из наших уст. – Дверь за его спиной отъехала и закрылась, как только он вышел.

Анатолий, будучи в недоумении от удара, до сих пор ощущал оплеуху на щеке. Он обдумывал, что и как случилось. Ему даже показалось, что он столкнулся со смертью, но тут же отбросил эту мысль, решив, что это рок не дал ему пройти. Но, как отбросить лик женщины,

разъяренный, показавшийся на мгновение? Лишь миг, но он его видел! Возможно, – думал он, – Жан обладает внутренней силой воина, что усиленно скрывал.

Роза металась, распывая себя на ругательства:

– Вот что ты уселся?! – друг от молчался. – Тонни! Ты где, ау?! – теребила его Роза.

– Хватит шуршать, не поможет. – отмахнулся от подруги, все больше погружаясь в обстоятельства того, как они сюда попали. Роза подошла к нему и уставилась, но Анатолий, растягивая слова, говорил, не смотря на напарницу, продолжая тереть свою щеку: – Есть, во всем случившемся, нечто не объяснимое... Забудь, на время, про свои мышцы, напряги свои две извилины, помоги мне найти выход...

* *Vigliacco! Ugorazdilo su di me in contatto con voi.* (итал.) – Трус! Угроздило меня связаться с Вами.

Глава 15

Багровый рассвет разорвал ночь и окровавил землю. Шесть утра, а Гаи столько уже успели! Как ни странно, ни пленные, ни их друзья, о многом даже не догадывались. Прошел час, а Гаи сидели в большом зале второго этажа и молчали. Времени было достаточно для любых действий, вплоть до сна, но никто не двигался, как в прочем, и не смотрели друг на друга, не желая по новому кругу обсуждать неоднократно оговоренное. Принесенные напитки были не тронуты, даже забыты. Время для всей семьи остановилось. Вот комната озарилась кумачом. Кто-то подумал, что это примета не хороших событий, Виен уловила эту мысль вскользь и не знала достоверно, кто так думает. Вера наоборот, отнесла это к лучшему, к слиянию прошлого с настоящим, что, наконец-то, придет возмездие, но тут же умолкла, глядя на Виен. Только та и ей ничего не ответила, не подала даже знака, что расслышала ее мнение. Еще минут пятнадцать, полного погружения в себя, еще пятнадцать минут отрешения от грядущего.

День брал свои права, пробуждая Гаев к новым делам.

– Гостей, непрошенных, больше не будет. Те, кто пришли с Карлом, не в курсе их несвоевременного явления к нам. Все запланировано на полдень. – сказал Жан, проанализировав все разговоры. – Мы можем спокойно заняться своими делами.

– Да, да! – поддержал его Стефан и повернулся к Пшешеку: – Не стоит нам мешаться под ногами. Надо дать хозяевам возможность побыть без нас. Ольга, если у тебя нет к нам особых предложений, мы будем ждать в своих комнатах.

Обе семьи ушли, забрав с собою и охрану. Виен почувствовала на себе взгляд свекрови, но решила избежать любого контакта, поднялась, извинилась, вымученной улыбкой, и тоже покинула комнату. Она понимала причину появления Ольги, это ее Род, ее дом, ее дети. Но то, что так взбунтуется собственная душа, что в ней проснется столько неприязни, Виен даже не представляла. В ее памяти все яснее и четче всплывало прошлое. За все, что Ольга сделала со старшей дочерью, как-то истоиво хотелось ответа. И Ольга это поняла, но ни как не реагировала. За Виен последовали девочки, так же игнорируя Ольгу.

– Я, пожалуй, тоже пойду, побуду в одиночестве, пока не позовете. – сказала Жаннетт, устало склонив голову.

Ольга, приподняв брови, смотрела в спину женщинам, не попытавшись заговорить, не схватившись за возможность объясниться:

– А вы чего замерли? – повернулась к мужу, затем к сыну: – Идите! – бросила она мужчинам и, открыв балконную дверь, вышла. Почистив мундштук, тут же прикурила новую сигаретку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.